

К-28
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Пролетарская

Культура.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ.

СОДЕРЖАНИЕ:

	Братьям пролетариям всех стран.
<i>А. Богданов.</i>	Очерки организационной науки. Ст. 6-я.
<i>М. Смит.</i>	Ближайшие этапы пролетаризации науки.
<i>В. Полянский.</i>	Письма о литературной критике.
<i>И. Кан.</i>	Техническое и организационное начало в социалистической школе.
<i>А. Иванов.</i>	Задачи художественного образования.
<i>В. Смешляев.</i>	Постановка работ театральных студий.
<i>Б. Красин.</i>	С чего и как начинать работу в области музыкального искусства.
<i>В. Нунавин.</i>	1-й Всероссийский Съезд Пролеткульта.
	Резолюции Съезда.
<i>В. Игнатов.</i>	Арена пролетарского творчества.
<i>Н. В.</i>	Настоящий день. Стих.
<i>Хромина.</i>	Съезды. В провинции.
<i>Библиография.</i>	А. Рабочий. Гудки. А. О—ий.—Паяльник. В. П—ий.
Н. Попов. Равнины.—В. П—ий.—Глухарь. В. П—ий.—
Сполохи. А. О.—Ю. Юрын. Сполошный язык. В. П—ий.—
А. Неверов. Бабы. В. П—ий.—И. Батрак.—Лашков.
Хохочи демон зла. В. П—ий. Художественное слово.
П. Рудокоп

№ 17 — 19.

Август — Декабрь 1920 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
МОСКВА.

Пролетарская Культура.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ.

Орган Центр. Комитета Всероссийского Совета Пролеткульта.

Адрес редакции и конторы: Москва, Волхонка, 18. Тел. 26-30.

Прием у секретаря редакции ежедневно от 10 утра до 4 ч. дня.

№ 17—19.

Август—Декабрь.

1920 г.

СОДЕРЖАНИЕ: Братьям-пролетариям всех стран.—Очерки организационной науки. Ст. 6-я. А. Волошинов.—Ближайшие этапы пролетаризации науки. М. Смит.—Письма о литературной критике. В. Поллакский.—Техническое и организационное начало в социалистической школе. П. Кан.—Задачи художественного образования. А. Иванов.—Постановки работ театральных студий. В. Смирнов.—С чего и как начинать работу в области музыкального искусства. В. Красин.—1-ый Всероссийский Съезд Пролеткульта. В. Кунакин.—Резолюции съезда. Агитация пролетарского творчества. В. Пятаков.—Настоящий день. Стих. Н. В.—Хроника Пролеткульта: Съезды. В провинции.—Библиография: А. Рабочий. Гудки. А. О.—Паяльник. В. П. ий.—Н. Попов, Равнины. В. П. ий.—Глухарь. В. П. ий.—Словоох. А. О.—Ю. Юркин. Спокойный зык. В. П. ий.—А. Неверов. Бабы. В. П. ий.—И. Ватракланков. Хохочи, демон зла. В. П. ий.—Художественное слово. П. Рудокон.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

Братьям пролетариям всех стран.

Пролетариат захватывает власть не ради ее самой. Наоборот, его конечная цель—уничтожение всякого государства, и властью он пользуется лишь для того, чтобы путем устранения классовых перегородок между людьми создать условия для чистой общественности с полным отрицанием власти человека над человеком.

Но он захватывает власть и не для устройства экономической жизни. Человек живет не для того только, чтобы устраивать свой материальный быт. Материальный быт есть только предпосылка для тех сфер деятельности человека, в которых он может почерпнуть наивысшее, наиболее творческое счастье для высших форм культурной деятельности. Полубуржуазный экономист Гобсон прекрасно выразил эту мысль. Он сказал: „Как походка, или почерк постепенно механизмируются, и человек высвобождается от необходимости уделять им свое внимание, так точно когда-нибудь деятельность экономическая будет низведена в подвальные этажи культуры и возложена почти полностью на стальные плечи машины. Человек же останется в сфере научного, художественного и морального творчества“.

Это имел в виду Фридрих Энгельс, когда он, экономический материалист, говорил о прыжке из царства необходимости в царство свободы, каковым является социальная революция.

Но если эти мысли не приписываются целиком будущему для завершения социальной революции, то они должны быть применимы лишь с известными ограничениями и для первых ее этапов. Здесь борьба за власть, включая сюда гражданскую войну, является самой первой задачей и, не решив ее, было бы высокой оплошностью отдавать преимущественное внимание другим последующим задачам.

Но гражданскую войну немисливо вести, не разрешая в то же время некоторых экономических задач, ибо война и хозяйство сплетены между собой неразрывно.

То же относится и к фронту пролетарской культуры. Нельзя забывать его даже в момент самого высокого разгара кровавой распри за утверждение пролетарской власти. Как нельзя вести войну вне определенных экономических обстоятельств, так точно нельзя ждать окончательного разрушения буржуазного мира, не развернув борьбы за пролетарскую культуру. Невозможно уничтожить классовое разделение общества, не преодолев индивидуалистическую культуру.

Политическое и экономическое раскрепощение пролетарских масс является условием освобождения духовного.

В силу исторического развития пролетариат шел к своей конечной цели, мировому коммунизму—путем политической и экономической борьбы.

Теперь с исторической неизбежностью формируется новый рабочий фронт борьбы, революционно-культурно-творческий.

При этом мы, научные социалисты, стремимся заложить прочный фундамент духовного развития масс.

Движение за пролетарскую культуру, давая возможность пролетариату выявить максимум творческой активности, должно быть проникнуто боевым коммунистическим духом. Его цель вооружить рабочий класс новым знанием, организовать его чувства при помощи нового искусства и преобразовать его бытовые отношения в новом духе, истинно-пролетарском, коммунистическом.

Нельзя заставить старых литераторов, художников, так или иначе обслуживающих буржуазную публику, быть выразителями пролетарской культуры,—все это было бы фальсификатом. Если мы признаем относительно важной задачей возможно скорое развитие самоорганизации эмоций пролетарского искусства, то это может быть выполнено только самим пролетариатом; он должен выявить своих ученых, писателей, поэтов, художников, артистов и т. д.

В своей борьбе за новую, пролетарскую культуру пролетариат, естественно, овладеет всем культурным достоянием прошлого и настоящего, но ко всем плодам старой культуры он отнесется критически. Он воспримет ее не как послушный ученик, а как строитель, призванный воздвигнуть новое здание на почве коммунистического хозяйства и товарищеских отношений в коллективном труде и борьбе.

Вот почему, например, Россия в тяжелые годы своего борения должна была уделить известное количество внимания и сил экономическому и культурному строительству, взятому во всей его шире.

При этом невозможно было просто отмахнуться от тончайших форм культуры, литературы и искусства,—как от роскоши для такого тяжелого времени, как от цветов и плодов, которые могут появиться лишь гораздо более поздним пролетарским летом.

Нет. Искусство—пролетарское стихотворение, роман, песня, музыкальное произведение, пьеса являются огромной силы агитационным средством. Искусство так же точно организует чувство, как идейная пропаганда—мысль; Чувства же определяют волю не с меньшей силой, как идеи.

Накануне октябрьской революции созвана была первая конференция пролетарских культурно-просветительных организаций, и было положено основание организации, называемой „Пролеткульт“.

Пролеткульт принял большое развитие, как новая форма рабочего движения, как только пролетариат овладел властью в гигантской стране. Цифры в этом отношении в высшей степени красноречивы.

Количество рабочих, организованных в Пролеткультах России, группирующихся вокруг Всероссийского Пролеткульта, не менее 400 тысяч, из них 80 тысяч не просто примкнули к движению, а реально участвуют в разных студиях.

Государство, несколько не стесняя Пролеткульта, очень дорожит их безусловной самостоятельностью и самодеятельностью и широко помогает им.

Пролеткульт издает 15 журналов в России; он издал до 10 миллионов экземпляров своей литературы, принадлежащей исключительно перу пролетар-

Группа членов Международного Бюро Пролеткульта.
Сидят (слева на право): Вар. Ван. Оверстраетен, П. Лебедев-Полянский (секретарь), А. Луначарский
(председатель), Н. Болбачин, В. Герцог, стоят: В. Ерингольф, Ю. Эмбер-Дроз.

ских писателей, и около 3 миллионов экземпляров музыкальных произведений разных наименований, являющихся продуктом творчества пролетарских композиторов. Выявляются также пролетарские художники и артисты.

Русский пролетариат, выковывая на первых порах, в раннюю весну своей революции, новое оружие борьбы с буржуазным миром, зовет своих европейских товарищей вступить в этом отношении на тот же путь. Пролетарии Европы в отношении образования стоят выше российских товарищей, и в странах Запада пролетарская культура сможет развернуться более пышным цветом. Дело, однако, не в соревновании, а во взаимной помощи, в братской постройке высокого здания социалистической культуры.

Центральный Комитет Всероссийского Пролеткульта, пользуясь созывом 2 Конгресса III Интернационала в Москве, вместе с группой делегатов Конгресса создал Временное Международное Бюро Пролеткульта и его Исполнительный Комитет.

Исполнительный Комитет обращается к пролетариям всех стран с предложением устроить в каждой стране конференцию, посвященную пролетарской культуре, и обсудить этот вопрос в прессе и на публичных собраниях, приступить к организации широкой сети Пролеткультов, чтобы в будущем созвать Всемирный Конгресс Пролеткульта.

Со своей стороны Исполнительный Комитет окажет всю помощь в смысле сообщения материала, инструкций, литературы, поддержки постоянной моральной связи и т. п.

Мировой пролетариат должен, хотя и несколько позднее российского пролетариата, приступить к великому делу создания в своих странах Пролеткультов.

Да здравствует солидарность рабочих всего мира!

Да здравствует первый камень, положенный в основу здания коммунистической культуры!

Да здравствует грядущий всемирный Пролеткульт!

Исполнительный Комитет Международного Бюро Пролеткульта:

Председатель *А. Луначарский.*

Секретарь *В. Полянский.*

Члены: *В. Мак-Лейн.*

В. Герцог.

Р. Лефевр.

Н. Бомбаччи.

Ю. Эмбер-Дроз.

Москва,

12 августа 1920 г.

Международное Бюро Пролеткульта.

Во время II Конгресса Коммунистического Интернационала, после частных совещаний с делегатами отдельных стран и официальных совместных заседаний, было организовано Международное Временное Бюро Пролеткульта.

В него вошли представители следующих стран: В. Мак-Лейн, Т. Квелч (Англия), Р. Лефевр (Франция), В. Герцог, М. Вартель (Германия), К. Томанн (Австрия), Н. Бомбаччи (Италия), Вар Ван Оверстраетен (Бельгия), Ю. Эмбер-Дроз, В. Брингольф (Швейцария), Джон Рид (Америка), А. Луначарский, В. Полянский (Россия), Лангсет (Норвегия).

Бюро избрало Исполнительный Комитет из семи членов: А. Луначарский (председатель), В. Полянский (секретарь); члены: В. Мак-Лейн, Р. Лефевр, В. Герцог, Н. Бомбаччи, Ю. Эмбер-Дроз.

По организационному вопросу собравшиеся представители вынесли резолюцию: „По предложению Центрального Комитета Всероссийского Совета Пролеткульта мы обсудили великую проблему борьбы за пролетарскую культуру и решили создать Временное Международное Бюро Пролеткульта.“

Первой задачей Бюро будет распространение принципов пролетарской культуры, создание организаций Пролеткульта во всех странах и подготовка Всемирного Конгресса Пролеткульта“.

Очерки организационной науки.

Формы централистические и скелетные ¹⁾.

Развитие организационных форм путем системного расхождения дает, в ряду прочих, два специальных случая, особенно важных и по своей распространенности, и по тектологическому значению. Они „универсальны“, не в том смысле, как ингрессия и дезингрессия, которые входят в определение всякой организации вообще, а в том, что развертываются до мирового масштаба и захватывают все области нашего опыта. Это два типа, играющие исключительно большую роль в организационном развитии; один всего более *концентрирует* активности, создает возможности максимального их накопления в одной системе; другой по преимуществу *фиксирует* активности, закрепляет их в данной форме, обуславливает максимальную прочность системы. Если пользоваться обычными терминами, расширяя, однако, их значение, то первый тип можно было бы назвать „централистическим“, второй — „скелетным“. Но оба термина слишком тесно связываются для нашего сознания с определенными социальными и биологическими формами, которые, правда, и являются самыми характерными представителями этих типов, однако, далеко не вполне их выражают в их мировом масштабе. Поэтому мы введем два новых обозначения — „эгрессия“ и „дегрессия“, — точнее соответствующие тектологической идее.

1. Происхождение и развитие эгрессии.

Пусть имеется организованная система, состоящая из нескольких комплексов *A, B, C, D...* Это может быть Солнце с его планетами и их спутниками, группа людей, сочетание понятий, образующее какую-нибудь классификацию, и т. под. Система изменяется, сохраняя свою связь, развивается в ту или другую сторону, путем взаимодействия со средой благоприятной или неблагоприятной, т.-е. при условиях подбора положительного или отрицательного. Ее комплексы изменяются во взаимной зависимости, поскольку они остаются частями одного целого. Но степень этой взаимной зависимости, сила влияния одного комплекса на другой бывает различна, и притом *неравномерна*: со стороны, напр., комплекса *A* на *B* влияние больше, чем обратно. Так, движение той или иной планеты в большей мере определяется Солнцем, чем его движение этой планетой; один член группы другому „подчиняется“, или хотя бы чаще ему подражает и следует за ним, чем тот этому, и т. под. Связь такого рода и называется „эгрессией“, т.-е., по буквальному смыслу латинского слова, „выходением из ряда“. Тот комплекс, который имеет преобладающее влияние на другие, как Солнце в планетной системе, руководитель в группе людей, обобщающее понятие среди более частных, является как бы выходящим из ряда; его различие от других есть „эгрессивная разность“, а он сам по отношению к ним — „эгрессивный центр“.

Такого рода системы и обозначаются в обычной речи, как „централистические“. Но так как нам наиболее знакомы и близки социальные группировки этого типа, то мы и всякие иные невольно представляем по их образцу, и даже именно в той окраске „власти — подчиненности“, которая свойственна громадному большинству нынешних социальных эгрессий. Солнце для нас как-будто властвует над планетами, мозг над частями тела, и пр.; когда люди наблюдают жизнь пчел, муравьев, термитов, и находят в их организации эгрессивный центр, матку, то приписывают ей какую-то власть, что сказывается в названии „царица“. Все это, конечно, произвольные и неверные

¹⁾ Это — шестой в ряду очерков.

перенесения по аналогии¹⁾. Наше понятие агрессии должно быть совершенно освобождено от них, и выражать вполне объективное, формальное соотношение комплексов.

Рассмотрим на нескольких типичных случаях самое происхождение агрессии.

В современных нам организациях людей почти всегда имеется агрессия, если не в форме „власти“, то в виде фактического *руководства*. Есть, однако, много оснований полагать, что в первобытных родовых группах и такой агрессии не было—систематического руководства общим трудом не существовало: методы борьбы за жизнь были так просты и инстинктивны, что каждый знал и умел столько же, как и другие. Зародыши руководства—акты подражания, призыва к действию—исходили в одном случае от одного, в другом от другого члена группы, еще не создавая устойчивых различий между ними. Но все же однородность группы не могла быть полной: имелась индивидуальная разница „способностей“, т. е., психо-физиологический организованности человеческих особей; она выражалась в неодинаковой степени инитиативы, быстроты, целесообразности действий среди изменчивых условий коллективной борьбы с природою. Тот член общины, который превосходил в этом других, особенно часто подавал им пример или указание в нужный момент, напр., при угрожающей опасности, или просто при общей нерешительности.

Эта первичная разница с течением времени *увеличивалась*; человек, биологически выше организованный, усваивал лучше и полнее, чем остальные, накапливающийся коллективный опыт, а следовательно все больше отличался от них скоростью и успешностью ориентировки в условиях жизненной практики: типичное возрастание тектологической разности, по закону расхождения. Оно, большей частью, не останавливалось в общине и со смертью такого человека. Наследственность передавала его детям, в различной степени, его психическую гибкость, его органически-повышенный тип, тем более, что на его же долю обыкновенно доставались наиболее здоровые и красивые жены, способные приносить лучших детей; а поскольку отец принимал участие в воспитании детей, для них создавалась повышенная по сравнению с прочими возможность развития. Естественно, что из числа их, если не всегда, то в огромном большинстве случаев, выделялся такой, который успевал за свою жизнь еще несколько более подняться над средним уровнем своих родичей. Таким же образом разность продолжала понемногу возрастать и в следующих поколениях. Опыт и воля одного все более становились определяющим моментом в практике целого коллектива: развивалась устойчивая агрессия.

Сокращенно, в рамках одного поколения, подобный путь развития на каждом шагу повторяется и теперь. Его можно наблюдать в детских товарищеских кружках, где выдвигаются вожаки; но и всякие группировки взрослых людей, профессиональные, идейные, политические, возникающие на основе формального равенства всех членов, чаще всего переходят затем, сознательно или бессознательно, к типу агрессии.

В непрерывной цепи перехода от зародышей агрессии к высшим ее ступеням есть один момент, который следует отметить. Если выше организованный комплекс обозначим *A*, прочие комплексы той же системы *K, L, M, N...*, то при их взаимодействии влияние *A* на *K*, или на *L* больше, чем обратное влияние *K* или *L* на *A*; но *все вместе* комплексы *K, L, M, N...*, могут оказывать на *A* более значительное определяющее воздействие, чем он оказывает на них; в нашем примере выдающийся член группы хотя и чаще дает пример, руководящие указания каждому из остальных, чем тот ему, но в совокупности они все-таки больше руководят им, чем обратно. Таковы первые стадии развивающейся агрессии, ее не вполне выраженные формы. Когда

¹⁾ Напр., такна у социальных насекомых только центр родовой жизни и кровный член общины, а не руководительница труда.

же она достигает такой ступени, что и взятые в сумме комплексы $K, L, M, N...$ больше определяются комплексом A в своих изменениях, чем он ими, тогда перед нами эгрессия *вполне выраженная*. В нашем примере это соответствует той фазе, когда среди родовой общины выделяется постоянный организатор — патриарх или вождь, который систематически руководит ее жизнью.

В приведенной иллюстрации выступает одна черта, которая имеет общее тектологическое значение. Если выше организованный комплекс A и ниже организованные части той же системы $K, L, M, N...$ находятся в одинаковой для всех них среде, то разница в их взаимном влиянии, „агрессивная разность“, не остается на одном уровне, а *возрастает*. Легко понять, почему это так, и почему это необходимо; стоит только принять в расчет отношение системы, как целого, и отдельных ее частей к их среде.

Подвижное равновесие системы с ее средой всегда лишь относительное, лишь приблизительное; среда либо для нее благоприятна, и тогда имеется перевес ассимиляции над потерями активностей, положительный подбор с возрастанием суммы ее активностей, — либо неблагоприятна, т. е., перевешивает дезассимиляция, подбор отрицательный. При этом выше организованный комплекс в обоих случаях обладает преимуществом перед ниже организованными: лучше ассимилирует активности из внешней среды, лучше противодействует ее разрушительным влияниям. Следовательно, при положительном подборе он быстрее, чем остальные, обогащается активностями, усиливается за счет среды, при отрицательном медленнее беднеет активностями, отстает в процессе ослабления. Очевидно, что в обоих случаях агрессивное различие между ним и остальными комплексами возрастает.

Может даже случиться так, что комплекс A , по своей высшей организованности, „сильнее“ среды, больше берет из нее, чем она у него отнимает, тогда как прочие, $K, L, M...$ „слабее“ той же среды: для него подбор положительный, для них отрицательный. Тем быстрее тогда растет агрессивная разность.

В социальной жизни агрессивный тип организаций за всю историческую эпоху был повсюду преобладающим. Для исследования громадной массы случаев развития таких организаций положение, которое мы только что формулировали, является необходимой и надежной руководящей нитью. В революционные эпохи особенно часто и особенно ярко выступает процесс преобразования организаций с зародышевой эгрессией, в виде едва заметной авторитарности, в организации вполне выраженной эгрессии, строгой авторитарной дисциплины, „твердой власти“.

Мы установили неизбежность возрастания агрессивной разности между комплексами системы, когда они находятся в одинаковой среде. Но она, разумеется, может быть и не одинаковой для них; это различие среды может также явиться основой возникновения и развития эгрессии. Таково, напр., ее происхождение в солнечно-планетной системе по канто-лапласовской теории. Принимается, что взаимное тяготение элементов материи первоначально породило простые скопления „космического тумана“, — гигантские по объему комплексы крайне разреженного вещества, без определенного центра, с неустойчивым строением и неравномерной плотностью. Но срединные и периферические части подобных комплексов находились в разных условиях среды. Поскольку вообще скопление вещества возрастало, притягивая и присоединяя рассеянные в эфире частицы, постольку оно в целом находилось под действием положительного подбора. Именно для срединных частей это действие было наиболее сильным; и не потому, чтобы они были выше организованы, а потому, что они уже были окружены ранее собранной материей периферии: для их собирательной активности, их „силы притяжения“, имелся вблизи готовый и богатый материал, т. е. наиболее благоприятная среда. Напротив, части периферические имели с одной стороны эфирную среду, в которой частицы материи рассеяны с неизмеримой разреженностью, с другой — остальную массу туманности, которая еще оттягивала к себе материю с периферии.

Не только здесь был гораздо беднее материал для ассимиляции, но оказывалась тенденция к отнятию уже собранного вещества, к его разрежению в пользу срединных частей; и она усиливалась, рано или поздно становилась преобладающей, так что периферия подпадала под действие отрицательного подбора. Так образовывалось центральное сгущение,—комплекс выше организованный, потому что заключал в себе более значительную сумму активностей; его тектологическая разность с периферией, очевидно, возрастала. Это и было первичной эгрессией солнечной системы; дальше эгрессия только изменялась в своих формах: обособлялись туманные кольца, вращавшиеся вокруг центрального сгущения, они распадались, из них образовывались планеты, и т. д.

Из этой иллюстрации мы заимствуем для дальнейшего два термина. Главный, выше организованный комплекс эгрессивной системы мы будем называть „центральным“ для нее, или просто ее центром; прочие — „периферическими“, при чем будем иметь в виду только организационные отношения, совершенно устранив мысль о пространственном положении. Напр., в системе, состоящей из матери—беременной самки—и ее еще не рожденных детенышей, центром эгрессии, конечно, является мать, а детеныши—„периферические“, т. е. структурно более зависимые комплексы, хотя в смысле места взаимоотношения как раз обратное.

Это, кроме того, пример еще иного происхождения эгрессии через разделение комплекса, когда от него отделяются, оставаясь в некоторой системной связи с ним, его меньшие или слабее организованные части. Так образовались из центрального сгущения солнечной туманности планеты, или все, или, может-быть, только „внутренние“, ближайшие к Солнцу, Луна из земного сфероиды, и т. под.

Мать и нерожденные детеныши представляют подходящую иллюстрацию развития эгрессивной системы в ином направлении. Здесь эгрессивная разность не возрастает, а уменьшается, благодаря крайне различным для частей системы условиям среды. Зародышевая клетка находится в идеальной для развития среде, тогда как организм матери имеет дело с суровой обстановкою внешней природы, ее многочисленными стихийно-враждебными воздействиями. Если и для матери преобладающий характер подбора еще остается положительным, т. е. ее организм еще растет, накапливает энергию, развивается,—то ни в каком случае этот подбор не может быть таким интенсивным и быстрым, как для зародыша, формирующегося за счет ее готовых соков, под защитою ее тканей. И понятно, что эгрессивная разность уменьшается в огромной степени от момента зарождения детеныша в виде одной оплодотворенной клетки до акта родов, когда детеныш физически и физиологически отделяется от матери.

Основной тип соотношения и после этого не изменяется; оно только получает иную форму и количественно выражается не так резко. Мать или оба родителя вместе кормят, охраняют ребенка, руководят им, являясь для него главными по значению и в то же время максимально благоприятными по тенденции комплексами среды; они принимают на себя наибольшую долю ее враждебных влияний, и поддерживают условия, полезные для ребенка. Поэтому эгрессивная разность продолжает уменьшаться; и наконец, наступает время, когда она сводится к нулю. Ребенок стал взрослым человеком, его жизненная организованность уже не ниже уровня его родителей; в системе семьи он жизненно определяется ими не больше, чем обратно. И дело может на этом не остановиться: родители „старятся“, слабеют под отрицательным подбором; сын делается главой семьи: происходит „обращение“ эгрессии, перемена знака ее разности.

Эту иллюстрацию приходится пояснить, потому что наша постановка вопроса в одном пункте резко противоречит обычному до сих пор способу мышления. Те процессы роста организма, его остановки в развитии, затем его упадка, от которых зависит изменение эгрессивной разности, мы рассма-

триваем, как результат соотношений организма со средою, более благоприятною для него или менее благоприятною. Традиционная же точка зрения такова: в молодости организм растет именно потому, что он молод, и потому что это — естественный порядок жизненного процесса; зрелость ведет к остановке роста, а старость к упадку в силу той же общей естественной причины; дело тут не в окружающей среде, ибо никаким изменением среды в благоприятную сторону нельзя заставить старика расти вновь, как ребенка. Это кажется непреложным, как все прочно кристаллизованное в нашем опыте.

Но надо правильно и точно понять, что такое „среда“. Она есть совокупность внешних воздействий, под которыми находится система, но взятых именно по отношению к ней. Поэтому другая система — другая среда. Если взять старый организм и поместить его как раз туда, где только что находился молодой, то все внешние воздействия окажутся иными, чем были для молодого. Наприм., разница температур тела и окружающего воздуха будет не та, потому что температура крови в старости понижается; сумма световой энергии, действующей на сетчатку, не та, потому что прозрачность глазного яблока понижена; все раздражения, воспринимаемые органами чувств, не те, вследствие изменения функции этих органов — „притупления чувствительности“; действие кислорода воздуха в легких на кровь тоже не прежнее, и т. д. И вполне научно рассматривать старческий упадок, как результат неблагоприятных для организма внешних отношений, или, что то же, неблагоприятной среды: если сумма его активностей понижается, значит среда много отнимает у него и не дает достаточного материала для усвоения.

Конечно, нам до сих пор не удастся создать среды, достаточно благоприятной для старческого организма, или, что сводится к тому же, изменить его так, чтобы нашими обычными средствами ее можно было для него создавать. Это неразрешенная задача; но считать ее неразрешимой нет иных оснований, кроме консерватизма мышления. Частично, при известных условиях, даже и наша медицина все же решает ее. А природа принципиально решила ее для организаций выше и ниже нашего организма — для одноклеточных существ и для коллективов: их старость неокончательная, она может сменяться обновлением.

Что же касается эгрессии, то, как мы видели, ее развитие может идти в одном или в другом направлении, и это зависит от характера среды по отношению к различным частям системы. В сущности, среда никогда и не может быть одинаковой для центра и для периферических комплексов: поскольку они различаются структурно, постольку и различно, так сказать, „воспринимают“ ее действия, при прочих равных условиях. Это надо постоянно принимать в расчет при исследовании эгрессивных форм.

Возрастание эгрессивной разности внутри первобытной родовой группы привело к обособлению в ней постоянного центра в лице „патриарха“, руководителя труда и распределения, старейшего и опытейшего ее члена. Еще до этого времени можно было бы принимать жизненную среду за приблизительно одинаковую для членов группы, с поправкой только на различие самых организмов — потому что и труд и распределение, на основе кровной связи, оставались достаточно равномерными, а внешняя жизненная обстановка была одна и та же, общая. Но постоянный руководитель неизбежно пользуется своим положением, чтобы отклониться от этой равномерности; сознательно или бессознательно, он в распределении труда и продукта дает некоторое преимущество себе, а затем ближайшим своим родичам. Тогда эгрессивная разность увеличивается тем быстрее; а в связи с этим еще более развигивается неоднородность условий жизни внутри общины, и т. д. Неравенство ослабляет значение кровной связи; впоследствии ее рамки совсем разлагаются, и создаются новые формы эгрессии — феодализм, рабство, с их сопровождающей эксплуатацией, которая в патриархально-родовой группе заключалась лишь на ступени едва уловимого зародыша.

Получается, как будто, картина неограниченного, лавинообразного роста агрессивной разности на основе условий, все более и более благоприятных для центрального комплекса, по сравнению с периферией. Но при ближайшем исследовании это не так просто. Всякая жизнь вообще, и особенно социальная, есть сложный комплекс различных специфических активностей. Условия, особенно благоприятные для развития одних из этих активностей, могут быть вовсе не благоприятны для других; как раз таков случай социальной агрессии, связанной с эксплуатацией.

Две главные группы социальных активностей, это, с одной стороны, те, которые направляются на производство, с другой — те, которые относятся к потреблению. При развивающейся эксплуатации среда разных частей системы изменится неравномерно по отношению к этим двум группам. Для эксплуатирующей личности, группы, класса, чем дальше идет эксплуатация, тем шире возможности потребления; и в этом смысле агрессивная разность с эксплуатируемыми личностями, группами, классами, очевидно, не перестает возрастать, пока сохраняется основное строение системы. Так это и бывает; напр., у феодалов за все время их господства прогресс их потребностей, уменья разнообразно и утонченно пользоваться прибавочным продуктом, до самого конца не останавливался; то же наблюдается и для буржуазии в последующем периоде. Но иначе было с производственными активностями. Лишь в начале, при незначительном жизненном обособлении господствующих и подчиненных элементов социальной организации, первые могут прогрессировать и в производительно-трудовом направлении, потому что остаются еще в прямой, тесной связи с производством: отчасти и сами работают, руководя подчиненными при помощи живого примера, отчасти вмешиваются в работу тех, контролируя и регулируя весь ее конкретный ход, определяя его и переживая его если не прямо, то косвенно. В дальнейшем, все более возвышаясь над эксплуатируемыми, они все дальше отходят от непосредственно-трудового процесса, ограничиваются лишь все более общим руководством и надзором; материалы, орудия, т.-е. реальные условия производства, перестают быть их ближайшей средой; иметь дело со всем этим они предоставляют подвластным — крестьянам, крепостным, рабам, рабочим; и таким образом для эксплуататоров мало-по-малу исчезают основные предпосылки развития производственных активностей; в этом смысле среда становится для них все более неблагоприятной, и с течением времени начинается регресс, упадок. Исторически, обычно получалось, наконец, превращение эксплуататоров в паразитов, т.-е. полное отрицание их социально-трудовой функции, потери всей суммы производственных активностей.

Для „комплексов периферии“, т.-е. в данном случае, эксплуатируемых, подвластных, условия среды, как будто, являлись благоприятными в смысле трудового прогресса: живое взаимодействие с объектом труда, физической природой, с материалами и орудиями производства. Но это только одна сторона их „среды“. Другая ее сторона — это „центральные комплексы“, т.-е., в нашем примере, эксплуататорские элементы. Если они усиливают эксплуатацию больше и больше, отнимают у подвластных возрастающую сумму их жизненной энергии в виде продуктов и иными путями (напр., жестоким обращением), то все, приобретаемое трудовыми классами с одной стороны, теряется, и еще с избытком, с другой. Они оказываются под непрерывным действием отрицательного подбора, которое рано или поздно, накопясь, достигает разрушительных размеров: они вырождаются через истощение. Так было в рабовладельческом античном мире: господа обессилели от безделья и роскоши, рабы — от непосильного труда и тяжелой обстановки; в результате получилось общее крушение системы.

Однако, возможно и иное. Бывало так, что сила эксплуатации росла не так быстро, как совершалось трудовое развитие эксплуатируемых; тогда среда в целом была для них благоприятна, их социальная энергия увеличивалась. А это значит — увеличивалось сопротивление всяким вообще вредным воздей-

ствием, в том числе и усилению эксплуатации, так что она дальше и не могла расти с гибельной скоростью. Вырождение господствующих в сторону паразитизма шло рядом с трудовым прогрессом подвластных, и прежняя агрессия подрывалась шаг за шагом уже в совершенно ином направлении. Тогда возможен и иной результат: крушение, в конце-концов, не всей социальной организации, а только прежних ее „центральных комплексов“, господствующих групп или классов.

Разнообразны формы агрессии, различные пути ее эволюции. Но пользуясь выясненными понятиями, и наблюдая отношение агрессивной системы в целом и отдельных ее частей к их среде, принципиально возможно установить тенденции системного развития, а значит—и предусмотреть, или даже планомерным воздействием предопределить дальнейшую судьбу системы.

2. Значение и границы агрессии.

В человеческом организме есть свой центральный комплекс, именно — мозг. Все прочие органы, как принято говорить, „подчинены“ ему, определяются им в своих реакциях. Эта связь имеет громадное значение для устойчивости организма в жизненной борьбе и для его развития: благодаря зависимости от одного центра, активности-сопротивления целого могут концентрироваться на различных пунктах и направлениях в его взаимодействии с внешней средой. Судьбу системы, как мы знаем, решают ее наименьшие относительные сопротивления враждебным влияниям среды; деятельность мозга позволяет увеличивать эти наименьшие там, где угрожает опасность, или вообще имеется надобность: туда согласованно перемещаются активности других частей системы. Глаз, напр., весьма беззащитен сам по себе даже по отношению к небольшим механическим силам; но когда они направляются против него, то в громадном большинстве случаев наталкиваются на несравненно более значительное сопротивление передней конечности, или даже не достигают организма вследствие применения активности других органов, изменяющих положение тела. Или, напр., сосредоточенное на одном объекте—враге—действие рук, ног, зубов несравненно вернее и быстрее устранит возможный вред от него, чем усилия только одного какого-нибудь из этих органов.

Еще нагляднее выступает смысл агрессивной связи, если взять иллюстрацией систему *цепной* агрессии, хотя бы, армию. Ряд центральных комплексов высшего порядка—командиров маленьких частей—объединяется центром высшего порядка, начальником более крупной части; ряд таких центров—еще высшим, и т. д.: взводные офицеры, ротные, полковые командиры, генералы, вплоть до верховного главнокомандующего. Через эти промежуточные звенья миллионная живая сила связывается воедино, и главный центр определяет ее массовые движения, направляя сотни тысяч человеческих единиц в места, где имеется наименьшее относительное сопротивление, или где требуется наибольшее относительное действие.

Каждый данный комплекс есть нечто ограниченное, и в силу этого может быть прямо связан также лишь с ограниченным числом аналогичных ему комплексов; напр., человек в состоянии поддерживать живое и стройное *непосредственное* сотрудничество при сколько-нибудь сложной работе не более как с несколькими десятками человек, при иных же видах труда и того меньше. Но если один способен руководить, положим, даже всего десятью, то при двух-степенной агрессии высший руководитель, имея дело с десятью начальниками, может руководить ста человеками; при трех-степенной же — тысячу, и т. д.; цепная агрессия из 6 звеньев тогда объединяет миллион, из 9 звеньев миллиард.

Так агрессия концентрирует активности. Может показаться, что при ее цепном разветвлении эта концентрация не имеет границ. В действительности, однако, они всегда существуют. И это не просто факт, известный из наблюдений: тектологическое исследование показывает, что он вытекает из

организационной необходимости, что эгрессия по самой природе своей ограничена.

Дело в том, что цепь эгрессии не может развиртываться, звено за звеном, без конца. Между всяким высшим звеном и связанными непосредственно с ним низшими всегда должна существовать эгрессивная разность, означающая разный уровень организованности; переход от высшего звена к низшим соответствует *понижению организованности*, которое должно быть достаточно велико, чтобы эти низшие постоянно и устойчиво определялись высшим звеном в своих изменениях. Для бесконечного ряда звеньев потребовалось бы, следовательно, бесконечное число таких понижений; вопрос заключается в его возможности.

Отвлеченно, такой ряд, как-будто, легко представить; напр., взять математическую нисходящую прогрессию:

1; 0,1; 0,01; 0,001; 0,0001; 0,00001..., и т. д.

Но осуществимо ли подобное соотношение в виде реальной эгрессии? Всякая организационная связь,—конечно, и эгрессивная,—относится к *определенным* активностям; напр., связь армии чиновничества, производственной иерархии—к активностям „организаторским“; связь системы Солнца, планет, их спутников—к активностям „тяготения“, и пр. Для бесконечного ряда звеньев с их разностями потребовалось бы бесконечно делить эти активности. Но в нашем опыте никакие определенные активности не делятся без конца так, чтобы при этом оставаться теми же. Что организаторские активности нельзя неограниченно делить, это ясно само собою; но то же следует сказать и об активностях тяготения: их можно делить вплоть до „материального атома“; а если идти дальше, то перед нами будут уже иные активности, электрические; активности жизненные могут признаваться таковыми до частицы живого белка, а при дальнейшем дроблении можно говорить только о химических, о физических активностях „мертвого“ вещества, и т. д. Значит, и во всякой эгрессивной цепи, идя вниз от звена к звену, мы неизбежно достигаем такого, что при дальнейшем понижении организованности начинаются уже иные активности, не те, которые характеризуют нашу эгрессию. Не исключено, разумеется, и то, что эти иные активности, в свою очередь, образуют цепь эгрессии, но это будет не прежняя, а новая цепь, другая система, со своими особыми соотношениями.

Практически, эта ограниченность выражается еще и в том, что по мере удлинения эгрессивной цепи ее низшие звенья все меньше и меньше определяются центральным комплексом. Так, в деспотической монархии султан, царь или шах может реально руководить своими министрами, те—своими ближайшими чиновниками и т. д., вплоть до последнего крестьянина; но связь этого крестьянина с монархом, по своей отдаленности, очень ничтожна; она столь косвенна, что представляет лишь слабый намек на реальное руководство. Такая связь может быть достаточной при устойчивом равновесии всей системы: но ее слабость обнаруживается, когда выступают процессы развития или разложения. Тогда, напр., оказывается, что самый властный деспот не в силах достигнуть никакого повиновения со стороны масс, или что самый доброжелательный властитель ничего не в состоянии для них сделать. Так и полководец, отделенный от солдат целым рядом промежуточных ступеней, чрезвычайно мало может влиять на те перемены их „духа“, которые стремительно развиртываются в течение битвы и решают ее исход.—Это цепное ослабление связи кладет предел концентрирующей силе всякой данной эгрессии.

В том же направлении действует другой момент—накопление системных противоречий. Эгрессия есть частный случай дифференциации, организационного расхождения; чем она шире и дальше развиртывается, тем, значит, сильнее эта дифференциация со всеми ее последствиями; а одно из них, совершенно неизбежное, как мы знаем, есть развитие системных противоречий. И даже именно здесь встречаются особенно яркие, наглядные тому примеры.

Таковы уже упомянутые нами „авторитарные“ организации, наиболее распространенный до сих пор тип эгресий в обществе. Их формы очень разнообразны в истории человечества: патриархальная община, феодальный строй, рабовладельческое хозяйство, восточная деспотия, бюрократия, современная армия, мещанская семья, и т. под. Если наблюдать их развитие за достаточный период времени, то постоянно получается одна и та же, в общих чертах, картина. Частичные противоречия обнаруживаются почти с самого начала. Между центральным комплексом и периферическими, между „организаторами“, или властвующими, и „исполнителями“, или подчиненными, идет психологическое расхождение: их взаимное понимание становится неполным, а затем тенденция к его уменьшению все более усиливается. Отсюда, чаще и чаще, „ошибки“, несознательно-дезорганизирующие акты, с той и с другой стороны. Напр., офицер, не умея выикнуть в душевное состояние солдат, отдает нецелесообразные, а то и фактически невыполнимые приказания; солдаты, привыкая только слепо повиноваться, впадают в растерянность при перемене обстановки, не предусмотренной в приказаниях, хотя бы и незначительной; рабовладелец-деспот, не считаясь с переживаниями подвластных им людей, проявляют „капризы“, „произвол“; со стороны тех следуют скрытые или явные реакции озлобления; все это источники бесплодных растрат энергии, понижающих жизнеспособность организации.

Усиление подобных противоречий обычно вело к разложению и крушению авторитарных группировок. Так, античный мир погиб от результатов чрезмерной дифференциации двух его полюсов. Рабовладельцы и бюрократия Римской Империи превратились в чистых паразитов, способных только в огромном масштабе потреблять общественно-трудовые активности, воплощенные в продуктах работы других классов, но утративших организаторскую энергию и умение, необходимые для руководства трудовыми процессами и борьбы с враждебной средой, окружавшей Империю; рабы же вырождались и вымирали от чрезмерности работы и недостаточности потребления,—но в то же время по своему „подчиненному“, рабскому складу психики не могли бороться против подавлявшей их эксплуатации, даже не помышляли о переустройстве общественной жизни своими усилиями; остальные классы также колебались между паразитизмом и истощением, или даже совмещали то и другое, как тогдашний городской „пролетариат“, живший в нищете и бездельи, подачками богачей и продажей своих голосов и услуг политикамским группам. Во всем обществе уменьшалась и слабела „духовная связь“, т.-е. общность интересов и взаимное понимание; а от этой связи зависит согласование сил, практическая организованность. Она ослабевала, т.-е., происходила внутренняя дезорганизация; понижалась производительная энергия общества; и оно должно было погибнуть под ударами тех самых варварских племен, которые раньше легко побеждало и эксплуатировало, как источник рабов.

Подобным же образом армия, в которой дошло до крайности обособление солдат и офицерства, так что между ними нет живого общения и солидарности, оказывается бессильной в сколько-нибудь серьезной борьбе. Подчиненные без понимания и доверия воспринимают приказы начальников, начальники не умеют учитывать сил, способностей, а особенно — настроений своих подчиненных; в результате — непоправимые ошибки руководства, вялость и ненадежность исполнения, что ведет к неизбежной катастрофе.

Часто и авторитарная семья, мещанская, крестьянская, купеческая, помещичья, распадается вследствие развития деспотизма ее главы. Не принимая в расчет личной жизни своей жены и детей, даже ее не представляя себе сколько-нибудь ясно, он нецелесообразно распоряжается ими, наталкивается на неожиданные сопротивления, переходит от непонимания к враждебности, которая, конечно, становится взаимной, и, в конце-концов, своими руками разрушает семейную связь, основу своей власти. Картины такого разложения патриархально-организованной семьи — один из любимых сюжетов у старых романистов.

В отдельном организме агрессивным центром является мозг. Среда для него благоприятнее, чем для других органов: от внешней, он защищен, а внутренняя, питательная среда—кровь и лимфа—распределена с неравномерностью в его пользу. Естественно, что агрессивная разность возрастает: в развитии организма относительное значение мозга, его „власть“ над целым, увеличивается; и процесс этот не прекращается даже тогда, когда жизнь начинает идти на убыль. Сумма накопленных активностей мозга, выражающаяся в богатстве опыта, в выработавности методов, достигает максимум тогда, когда прочие органы, вся периферия, уже ослаблены. Тогда обнаруживается системное противоречие, состоящее в том, что для организаторской силы мозга недостаточны исполнительские активности прочих органов, и часть ее теряется бесплодно. *Si jeunesse savait si vieillesse pouvait!*—„если бы молодость знала, если бы старость могла!“—так житейская мудрость отметила горечь этого противоречия.

В неорганическом мире примером агрессии служила для нас солнечная система и ей подобные. Уловить их противоречия при современных методах возможно только теоретически. Если, как это можно с наибольшим основанием предполагать, Солнце, вместе с планетами, продолжает собирать материю, рассеянную в окружающем пространстве, то после достаточного времени оно, благодаря увеличению своей массы, неизбежно притянет и поглотит эти планеты. А если правильны современные идеи о строении атомов, то падение крупных планет на Солнце должно будет привести к значительному разрушению самой материи.

Способ разрешения системных противоречий принципиально для агрессии тот же, как и для других форм расхождения, а именно—контра-дифференциация. Это и наблюдается, напр., в некоторых социальных группировках такого типа, при чем обозначается обычно, как их „демократизация“: управляемые получают участие в руководстве общим делом; руководители, прежде в своем властном величии отрывавшиеся от живой исполнительской практики, вынуждаются стать в более тесное общение с нею; системные связи укрепляются таким путем. Новейшие революции в общем идут по линиям подобной контра-дифференциации: „буржуазные“ тяготели к смещению, т. е., конъюгации сословий, господствовавших с низшими; „социалистическим“ предстоит задача слияния классов. То обстоятельство, что конъюгация здесь идет в формах борьбы, или хотя бы даже войны, как мы указывали, ничего не меняет в тектологическом существе факта.

Возможны в агрессивных системах еще иные, особые противоречия, зависящие не столько от дифференциации, сколько от ее неполноты; они наблюдаются в случаях так называемого „многоцентрия“. Стройно организованная агрессия характеризуется *одним* центром; а если она сложная, цепная, то у нее есть один высший, общий центр, и каждая группа ее членов непосредственно связывается с одним ближайшим, а не с двумя или несколькими центрами. Но на деле такая правильная форма связи наблюдается далеко не всегда: встречаются системы с двумя или более главными центрами, с параллелизмом связей каких-нибудь низших центров, словом—не соответствующие принципу *единоцентрия*. Поскольку это так, в них проявляется неуравновешенность, противоречия, дезорганизация. Определяющее влияние одного центра на его периферию сталкивается с определяющим влиянием другого, и получаются неустойчивые соотношения. Древняя мудрость выражает это изречениями на тему: „не может один слуга служить двумя господам“. И действительно, в авторитарных формах агрессии противоречие выступает особенно наглядно; а древние иных форм и не знали; но правило везде остается то же.

В нашей планетной системе центр один—Солнце; спутники планет также связаны с ними моноцентрически; и целое, по нашим понятиям, весьма хорошо уравновешено. Среди двойных звезд, однако, встречаются, повидимому, и настоящие „близнецы“: пары приблизительно равных по массе солнц, которые обращаются вокруг их общего центра тяжести. Мы, конечно, не знаем пока,

имеются ли у них планеты; но ничего невероятного в этом нет. Можно только с уверенностью сказать, что в довольно широком поясе между ними планет быть не должно, именно там, где их притяжения в значительной мере konkurрируют: вычисление показывает, что никаких устойчивых орбит там не получалась бы. Если и возможны общие планеты, то лишь на таком большом расстоянии от обоих солнц, на котором их действие в достаточной мере сливается, так что они вместе образуют один центр для этих планет, или, вернее, эту роль играет их общий центр тяжести.

Существуют, как можно по некоторым данным предполагать, такие звездные системы, где вокруг темного центрального тела обращается светлый спутник, дающий лучистую энергию и этому темному телу, и всем планетам: один центр имеется для активностей тяготения, другой—для активностей „света и тепла“. Двоецентрие ли это? Нет, это просто две разных эгрессивных организации, относящиеся к разным активностям, каждая с одним центром; оба „солнца“, темное и светлое, не konkurрируют между собой в своих разных центральных функциях. Точно также, если когда-нибудь Земля станет центром жизни для всех планет нашей системы—будет заселять их своими эмгрантами,—то это не создаст никакого организационного противоречия с центральной ролью Солнца.

Однако, вопрос о двоецентрии не всегда решается так просто. Напр., в феодальных организациях разных стран и эпох имелась власть жрецов с одной стороны, власть светских феодалов—с другой. В иных случаях параллельное существование этих двух властей продолжалось веками без заметной дезорганизации социального целого; в других, напротив, между ними вспыхивала жестокая борьба, которая, через огромную растрату сил, приводила к подчинению той или другой стороны, т.-е. вообще к единоцентрию. Откуда такое различие?

Жрец и светский феодал по своему первоначальному экономическому значению определяются, как „мирно-производственный“ и „военный“ организаторы в общине или обществе: в руках одного сосредоточивалось высшее руководство мирно-трудовой практикой коллектива, в руках другого—такое же руководство практикой боевой, столь важное при феодализме с его бесчисленными мелкими и крупными войнами. У каждого, следовательно, свое особое поле собирания и концентрации социальных активностей; и поскольку это так, здесь на лицо не одна, а две разных эгрессии; двоецентриа в этих условиях не получается, и возможна устойчивая организация.

Но связь общественной жизни так тесна, ее элементы так переплетаются между собою, что разграничение двух полей активности никогда не бывает полным: они отчасти заходят одно на другое, центральные функции до некоторой степени смешиваются на той и на другой стороне. Так, воспитание молодежи находится, вообще говоря, в руках жрецов; однако, и военный вожь не может не вмешиваться в это дело: он должен заботиться о боевой подготовке кадров своей дружины; и его самостоятельные расчеты могут нередко тут не сходить с расчетами жреца, — хотя бы по вопросу о распределении времени обучающихся юношей. Иногда боевые инстинкты воинов обнаруживаются в притеснении более мирных членов их собственной общины, и восстановление порядка тогда касается обоих руководителей, а их тенденции могут оказаться в практическом противоречии: каждый стоит за „своих“. Да и вообще, сумма жизненных активностей данной организации ограничена, и потому их концентрация вокруг одного авторитета часто совершается за счет уменьшения сил, связанных с другим авторитетом; напр., толковейшие ученики жреца, которых он намечает себе в преемники, сминаются от него в дружину, и это ведет к столкновениям, к борьбе.

Когда же широко развивается феодальная эксплуатация, тогда противоречия и борьба двух властей становятся постоянным явлением. Полем эксплуатации служит вся „прибавочная энергия“ общества, т.-е. весь избыток активностей, усвояемых обществом из природы, над его трудовыми затратами; это

одна и та же сумма одних и тех же реальных вещей — „прибавочный продукт,“ — из которой черпают оба господствующих сословия; чем больше берут одни, тем меньше остается другим. Это вполне определенное двоецентрие; оно развивается в хроническую, возрастающую дезорганизацию, в обостряющуюся борьбу, вплоть до истребительного междоусобия; так бывало в позднюю феодальную эпоху во многих странах — Европе, Ост-Индии, Палестине, Японии и др. Выходом является настоящее единоецентрие, переход господства к одной стороне, подчинение другой; чем оно полнее и выдержаннее, тем более совершенным и надежным является прекращение дезорганизации.

Надо помнить, что внутренние противоречия, хотя бы значительные, могут не мешать системе существовать, и даже прогрессировать, если только ее организованность перевешивает эти противоречия. Поэтому есть также не мало двуцентренных и многоцентренных агрессий, которые сохраняются и развиваются. Особенно много их в области жизни, стихийной и социальной.

Яркий пример сложнейшего многоцентриа — экономика старого капиталистического общества. Каждый из его составных комплексов — предприятий обладает своим особым центром в лице хозяина, предпринимателя, индивидуального или коллективного. Специфические активности, организованные в разных предприятиях, частью различны, частью же одинаковы. Они различны, поскольку имеется общественное разделение труда, обособленные виды производственной деятельности, направленные к выработке тех и иных особых продуктов; они одинаковы, поскольку в каждой такой отрасли есть не одно, а несколько или множество конкурирующих предприятий, и затем поскольку все предприятия связываются рынком в одно общее поле эксплуатации, где все виды трудовых активностей выступают в одинаковой форме ценностей. Отсюда вытекает постоянная экономическая борьба, характеризующая капитализм, и с нею соответственная растрата сил общества: та хроническая, временами обостряющаяся болезнь, которую констатировала еще буржуазная наука. И несмотря на это, капиталистическое общество не только сохранилось, но и быстро развивалось, потому что его общая сумма организованности далеко перевешивала дезорганизующие моменты. Однако, это соотношение не может удерживаться без конца: рано или поздно, системные противоречия усилятся до того, что перевешивают организационную связь; тогда должен наступить кризис, ведущий либо к ее преобразованию, либо к распаду, крушению.

Капитализм уже не раз переживал подобные кризисы, и выходил из них частично преобразованным, вступал в новые и новые фазы своего развития. Но многоцентрие оставалось, хотя уменьшалось число центров; и вновь дезорганизующие силы росли вплоть до нового кризиса. При этом оказалось, что при меньшем числе центров экономические противоречия могут развиваться не менее резко, а вообще говоря — даже еще острее. В начальных фазах промышленного капитализма, когда имела масса мелких и средних предприятий, бедствия конкуренции были гораздо слабее, а общих кризисов производства не наблюдалось; когда стали преобладать крупные предприятия, конкуренция усилилась и выступили общие кризисы; когда десятки, сотни предприятий стали объединяться в синдикаты или сливаться в тресты, борьба стала еще более жестокой, а растрата сил в ней еще более значительной; когда же группировки финансового капитала, связывая тысячи и тысячи предприятий, охватили весь капиталистический мир, тогда дело дошло до невиданно-глубокого кризиса — мировой войны, с ее колоссальной дезорганизацией сил человечества.

Это представляется с первого взгляда каким-то тектологическим парадоксом: если уклонение от единогоцентриа порождает дезорганизацию, то, казалось бы, чем больше центров, тем ее больше, чем ближе к их объединению, тем ее меньше. Но дело объясняется просто, если принять в расчет общее значение агрессии. Она *концентрирует* активности. Если количество центров уменьшается, а сама система сохраняется в прежних размерах или растет —

как это и есть при капитализме,—то значит, в ней активности,—здесь именно социально-экономические,—концентрируются все сильнее, становятся относительно интенсивнее. А дезорганизация тут зависит от того, что при независимости отдельных центров организованные ими активности не согласованы, и могут сталкиваться между собою. Понятно, что столкновения активностей более концентрированных, т. е. более значительных и интенсивных, способны порождать и более острую, более глубокую дезорганизацию. Тектологически это вполне однородно с тем, как если бы в стихийном движении ударялись друг о друга огромные глыбы, вместо множества маленьких тел, из которых они образовались.

На принципе единоцентриа легко лишний раз иллюстрировать практическое значение организационной науки. В истории русской социаль-демократии есть пример наивного нарушения этого принципа, которое повело к немалым вредным последствиям. На съезде 1903 г. руководство партией было поручено сразу двум центрам, редакции центрального органа и центральному комитету. Конечно, это было сделано по разным политическим соображениям, вытекавшим из группировки сил на съезде; но важно то, что не подумали исследовать заранее и обсудить организационные результаты этого решения. Если бы вопрос был поставлен так, то легко бы выяснилось, что это — неизбежно конкурирующие учреждения, ибо поле деятельности у них было намечено, в общем и целом, одно и то же: ее основное содержание заключалось в политическом руководстве партией. Было смутное, инстинктивное сознание, что нужно разграничить роли так, чтобы один центр организовал одни активности, другой — другие: „литературные“ и „практические“; но самый умеренный организационный анализ показал бы, что литературные активности служат только для организации тех же активностей практических, и особой системы составить не могут; а исторический опыт феодализма с его борьбою „духовного“ и „светского“ центра был бы достаточным предостережением. Двоецентрие весьма обострило внутреннюю борьбу двух едва намечавшихся в партии течений, с большой растратой сил, которые нужны были для внешней борьбы, — и помогло расколу партии. В виду этого тяжелого опыта, оно было единодушно отвергнуто через два года; но то же, с огромной выгодой для дела, могло бы быть сделано с самого начала, если бы партия устраивалась по научно-организационным принципам, на основе прошлого тектологического опыта человечества, а не ощупью, путем инстинктивных попыток, через отбрасывание форм, уже на деле оказавшихся неудачными и успевших принести вред.

Подобные ошибки, со стороны отдельных людей и целых коллективов, всегда возможны, и будут повторяться, пока организационное сознание людей остается не оформленным в точную и строгую науку.

Мы упоминали о мировом масштабе эгрессии. В то же время мы выяснили неизбежную ограниченность каждой данной эгрессии. Тут нет противоречия, если мы примем во внимание, что масштаб отнесен к *нашему* миру, к полю труда и опыта человечества: это поле, непрерывно развертываясь, во всякое данное время остается все же ограниченным. Мировая эгрессия — это связь человечества и внешней природы. Человеческий коллектив, во всей его практике и познании, выступает как организационный центр для остальной природы: ее он „подчиняет“, над нею, в меру сил и опыта своего, „властвует“, „господствует“. Эти выражения — метафоры, взятые из общественной жизни, из авторитарных форм; но здесь выражается действительная связь: в труде и мышлении *строится* мировая эгрессия, границы которой постоянно расширяются.

Человечество находится в „борьбе“ с природой; это — тоже метафора, выражающая дезорганизационное соотношение; поскольку оно имеется, эгрессии, конечно, нет, потому что нет и единой системы. Но поскольку трудовой коллектив „побеждает“ природу, он овладевает различными ее активностями, концентрируя их, как *свои* активности, становится для „побежденных“ ком-

плексов природы центральным, определяющим комплексом: тут единая система образуется, она есть эгрессия, и притом, что особенно важно, цепная.

Другие животные, в своей борьбе за жизнь, также овладевают различными активностями и сопротивлениями окружающей среды: строят жилища, делают запасы и пр. Но животным не удастся то, что удалось человеку, и что составляет его основное отличие среди животного мира: сделать эту эгрессию цепною, — овладевая одними комплексами внешних активностей, *при посредстве их* господствовать над другими. В этом заключается объективный смысл применения *орудий*. Животное организует для себя элементы среды только посредством органов своего тела; человек при помощи органов управляет орудиями, при помощи орудий — другими внешними объектами: в эгрессии прибавилось еще одно звено. Результат — ее огромное расширение, выход из тех рамок, которые ставятся животным ограниченностью их органов.

В этом отношении человечество пережило один грандиозный переворот, а именно, переход от ручного производства к машинному. При ручном труде орудиями управляют непосредственно органы человеческого тела, и таким образом количество орудий в действии не может перейти известных пределов, от которых тогда зависят и пределы человеческой „власти над природою“. В машинном производстве между рукою человека и рабочим инструментом вводится новое звено эгрессии — механизм. Этим достигается и новое расширение эгрессии, притом особенно значительное: механизм свободен от биологической ограниченности органов тела, и может управлять сразу неопределенно большим числом инструментов. Затем, эгрессия разворачивается и в виде цепи механизмов, из которых одни приводят в действие или регулируют другие. Таким образом, машинная техника создает условия для неограниченно возрастающей концентрации активностей природы в распоряжении человечества, — для организации мира под его властью.

3. Происхождение и значение депрессии.

В предыдущем нам уже не раз приходилось встречаться с понятием организационной *пластичности*. Она означает подвижной, гибкий характер связей комплекса, легкость перегруппировки его элементов. Она имеет огромное значение для организационного развития. Чем пластичнее комплекс, тем больше в нем образуется комбинаций при всяких изменяющих его условиях, тем богаче материал подбора, тем быстрее и полнее его приспособление к этим условиям. Напр., сосредоточение активностей к тем пунктам, где оно требуется законом наименьших, т. е. где, положим, внешние воздействия угрожают разрушением части комплекса, возможно только при надлежащей его пластичности. Если жизнь побеждает мертвую природу, если нежный человеческий мозг господствует над огнем и сталью, то именно благодаря своей пластичности. Пластичность живой протоплазмы — основа всего биологического и социального развития.

Тектологический прогресс, основанный на пластичности, ведет к *усложнению* организационных форм, ибо в них накапливаются приспособления к новым и новым, изменяющимся условиям. Усложнение, в свою очередь, благоприятно для развития пластичности, так как увеличивает богатство возможных комбинаций. Поэтому, в общем, чем выше организация, тем она и сложнее, и пластичнее.

Но здесь есть и другая сторона: параллельно с этими положительными чертами возрастает одно, тоже весьма важное, отрицательное свойство: „нежность“ или „уязвимость“ организации. Подвижность элементов допускает и относительно легкое разрушение связей между ними; а сложность внутренних равновесий системы означает также их сравнительную неустойчивость. Яркая иллюстрация — человеческий мозг. Это наиболее высоко организованный из биологических комплексов, наиболее сложный, наиболее пластичный, — но также и наиболее нежный; он дезорганизуется самыми незначительными вредными воздействиями, раз только они находят к нему доступ.

Здесь перед нами одно из типичнейших тектологических противоречий: возрастание организованности по одним направлениям достигается за счет ее уменьшения по другим. Из противоречия сама собою вытекает задача, которая и должна решаться организационным развитием; задача, конечно, в *объективном* смысле слова, означающем именно необходимую линию развития. Поясним это конкретнее.

Пусть в водной среде имеется живая свободная клетка, организм из числа простейших, микроскопический комок протоплазмы в подвижном равновесии с его средою. Равновесие свободится к обмену веществ и энергии. Клетка усваивает извне одни материалы, выделяет другие. Эти последние обозначаются вообще, как „скелетные“ продукты; они — результат распада тканей самой клетки и отбросы переработки захваченных ею элементов среды. Одни из этих скелетных продуктов прямо вредны для клетки, „токсичны“, разрушают ее, если накаплиются в ней или в соприкосновении с нею; другие более или менее нейтральны; все они вообще характеризуются, конечно, *нижней* организованностью по сравнению с протоплазмой. Продукты более нейтральные могут временно накапливаться вокруг клетки, или даже внутри нее, без особого для нее ущерба. При своей *нижней* организованности, некоторые из них могут оказаться значительно более *прочными* по отношению ко многим разрушительным для клетки воздействиям. Если эти воздействия, наталкиваясь на них, тем самым парализуются, и клетки не достигают, то для нее это — прямой жизненный плюс, и процессы подбора будут идти в таком направлении, чтобы такие скелетные продукты до известной степени удерживались в связи с клеткой. Напр., если в водной среде есть растворенные известковые соли, то клетка, выделяя при своем дыхании углекислоту, неизбежно осаждает внутри и вокруг себя углекислую известь; эта известь способна служить защитой для клетки, образуя внешний скелет, или увеличивать механическую устойчивость ее формы, отлагаясь внутри. Так и образовались известковые скелеты многих корненожек, напр., те, из которых состоят меловые пласты, — а равно и скелеты некоторых полипов и очень многих моллюсков. В других случаях подобную роль играют иные выделяемые вещества: клетчатка, образующая внешнюю оболочку большинства растительных клеток, кремнезем у некоторых простейших, хитин у раков, пауков, насекомых, и т. д.

Человек обладает наружным скелетом из роговой ткани эпидермы и лежащей под нею волокнистой ткани кожи, и внутренним скелетом из костей — позвоночника и других. Первый охраняет тело от большинства вредных физических и химических воздействий, второй придает ему общую механическую устойчивость. Но не следует думать, что это — принципиально различные организационные приспособления: их роль по существу однородна. Если на тело действуют, напр., механические силы, стремящиеся разорвать или деформировать, привести в ненормальное положение его ткани, то эти силы встречают сопротивление сначала в коже с ее эпидермою; когда же оно оказывается недостаточно, то благодаря упругости кожи и мягкости тканей под нею, эти силы, еще не разрывая связи тканей, а только деформируя их, передаются внутреннему, костному скелету, твердость которого их, обыкновенно, и парализует, продолжая функцию внешнего, кожного скелета. У разных животных тот и другой скелет жизненно замещают друг друга; напр., у насекомых хитинная оболочка, у большей части моллюсков раковина делает излишним внутренний скелет; но у каракатицы он есть — так назыв. „кость“ ее, состоящая из углекислой извести, а не из фосфорно-кислой, как наши кости; в сущности, — это внутренняя раковина вместо внешней, она точно так же дает мягкому телу моллюска стойкость против деформирующих или разрывающих его воздействий.

Заметим, что слова „внутренний“ и „внешний“ мы сейчас употребляли в их обычном, пространственном смысле; но для тектологии, науки об организационных отношениях, смысл их должен быть неизбежно иной. Мы гробим

разных болезней пространственно находятся внутри тела, но тектологически они являются *внешней* для него силой, ибо к его организации они не принадлежат, это другая, чуждая ему и борющаяся с ним организационная форма. Напротив, если несколько работников работают при одной машине, то для их системы сотрудничества отношение к этой машине, которое вызывает их воедино, есть *внутренняя* связь системы, хотя оно есть отношение к пространственно-внешнему предмету. И с этой точки зрения пространственно-внутренний скелет есть, конечно, защита против внешних дезорганизующих воздействий.

Далее, нет, равным образом, оснований, тектологически противопоставлять защитительную и наступательную функцию скелетных частей. Роль, положим, когтей и зубов представляется как будто совершенно иной, чем других роговых и костных элементов. Но для организационной науки все активности и сопротивления соотносительны, так что между защитой пластичных частей системы от активностей, которым они сами по себе не способны сопротивляться, и преодолением для них сопротивлений, которых непосредственно они не способны преодолеть, разница сводится к выбору точки зрения, так сказать, позиции того, кто исследует.

Не надо представлять скелетные комплексы непременно как более прочные или твердые в механическом смысле. Когда преследуемая каракатица окружает себя облаком чернильной жидкости, делающей воду непрозрачной, так что усилия врага не могут точно направляться и не достигают цели, это—тоже временный наружный скелет каракатицы, противостоящий только особой группе разрушительных сил среды, энергии руководимых зрением животных. Такого же рода „наружным скелетом“ является у некоторых животных окружающая их зона специфического, отвратительного для других животных запаха; даже окраска некоторых безобидных насекомых, подражающая окраске других, ядовитых, и отклоняющая нападение многих хищников, и т. п.

Таково типическое происхождение „скелетных“ форм в области жизни: они образуются за счет организационно высших группировок, выделяемых, „дезиссимилируемых“ пластичными комплексами. Распространение их, однако, гораздо шире—пластичность и прочность свойственны, в разной мере, всем ступеням организации. Поэтому мы заменим очень привычное, но зато и узкое обозначение „скелетных форм“ новым термином — „дегрессия“, по-латыни—„схождение вниз“, не придавая ему, конечно, такого отрицательного смысла, какой вкладывают в родственные слова „деградация“ (упадок), „регресс“ (движение назад). Дегрессия, напротив, есть организационная форма огромного *положительного* значения: только она делает возможным высшее развитие пластичных форм, фиксируя, закрепляя их активности, охраняя нежные комбинации от грубой их среды.

Отсюда гигантская широта применения дегрессии в технической жизни общества. Сюда относится одежда—дополнительный наружный скелет тела—и жилище, аналогичный скелет высшего порядка; футляры и ящики для сохранения всяких продуктов труда, сосуды для жидкостей, и т. д. Здесь уже, естественно, материал для дегрессии может быть и не „скелетного“ происхождения, не из отбросов жизненного обмена со средой, но вообще всякий, какой подходит для технической задачи. Это относится и не только к человеческой технике, а точно так же ко всем ее зародышам в животном царстве. Черви-трубчатники, некоторые личинки и другие животные делают себе защитительные футляры из разных твердых частиц, какие попадутся,—песчинки, раковинки, кусочки дерева и т. под., при чем обыкновенно их склеивают особыми выделениями. Гнезда птиц, ульи шмелей, ос, и другие подобные сооружения—коллективные наружные скелеты—строятся главным образом из подходящих элементов внешней среды, хотя и здесь иногда применяются выделяемые скелетные вещества в качестве цемента.

Что касается неорганической природы, то мы можем твердое ложе озера или русло реки рассматривать, как естественный сосуд для воды, охраняю-

щий форму пластичного жидкого комплекса; и когда сверху часть воды замерзает, лед дополняет собою эту депрессию. Даже поверхностный слой жидкостей вообще, с его особыми механическими свойствами, делающими из него как бы натянутую упругую пленку, выполняет аналогичную функцию; для отдельной капли воды он образует своего рода невидимый сосуд, определяющий и до известной степени охраняющий ее форму.

Чрезвычайно важный и интересный случай депрессии представляют разного рода символы, в частности же наиболее из них типичный и распространенный — слово. Слово является своеобразным центром, объединяющим целый ряд представлений, целую их „ассоциацию“; напр., слово „человек“ связывает воедино для нашей психики целые тысячи, может-быть, миллионы представлений о людях, существующих, бывших раньше или будущих, взятых на самых различных стадиях их развития, при самых различных условиях. Это центр, но не эгрессивный; его объединяющая роль основана не на высшей его организованности, а на его большей устойчивости, прочности. Представления, психические образы воспоминания с их производными комплексами, группируясь массами, иногда прямо несчетными, в ассоциации „по сходству“, взаимно влияя друг на друга и смешиваясь, сами по себе имеют тенденцию расплываться в психической среде. Вновь и вновь всплывая среди других, они воспроизводятся каждый раз неполно, с вариациями; их цепи то и дело переплетаются; их накопление дало бы в результате, наконец, совершенно перепутанную, хаотичную ткань, если бы их не связывали и не удерживали отдельными группами устойчивые, прочные комплексы: слова, а также иные символы, как, напр., научные знаки и схемы, образы искусства и проч.

Символ — комплекс вообще отнюдь не выше организованный, чем любое из объединенных им представлений; стоит только сравнить хотя бы то же слово „человек“ с конкретным психическим образом человека. И неправильно было бы сказать, что им „определяются“ изменения связанных с ним представлений; этого нет уже и потому, что слово несравненно менее изменчиво, менее пластично, чем они; а таковы же другие символы. Дело именно в этой устойчивости: символы фиксируют, т.-е. скрепляют, удерживают и охраняют от распада живую, пластичную ткань живых образов, совершенно аналогично тому, как скелет фиксирует живую, пластичную ткань коллоидных белков нашего тела.

Обыкновенно о символах говорится, что они „выражают“ свое содержание. Термин „выражать“ относится к определенной социальной связи: связи взаимного понимания, т.-е., психического общения, передачи всякого рода переживаний между членами социального целого; при помощи символов, особенно же — слов, люди сообщают их друг другу. И действительно, происхождение символов — социальное: именно социальная потребность в закреплении, фиксировании трудового опыта явилась исходным пунктом их развития. Вполне естественно и понятно, что только фиксированный материал опыта может передаваться от человека к человеку и храниться в коллективе; а с другой стороны, только социальное закрепление и коллективное хранение опыта и его форм вводит его в поле науки, всякой вообще, и в частности — тектологии: закрепление и хранение чисто индивидуальное имело бы неизбежный конец в смерти организма.

Интересно, что основная группа этих форм депрессии, слова, произошли также из своеобразных „отбросов“ человеческого развития. Согласно гениальной теории Людвигу Нуаре, „первичными корнями“ речи явились трудовые междометия, произвольные крики, сопровождавшие коллективное действие: эти крики сами по себе являлись понятным для всех обозначением соответственных трудовых актов. Так, напр., и мы, не вида, хотя бы за стеною, работников, но слыша вырывающийся у них звук „ухх“, догадались бы, что они с усилием нечто тянут, или, на корабле, по звуку „гоп-ля“ поняли бы, что матросы поднимают что-то тяжелое; эта понятность и была исходным пунктом развития таких звуков в слова, в элементы речи. Но подобные

междометия порождаются, в сущности, „лишними“, „ненужными“ мускульными сокращениями: кроме тех мышц, которые, собственно, работают для практической цели, сокращаются еще другие — голосовые связки, мышцы глотки, языка, губ и пр., вследствие чего выдыхаемый из груди воздух приходит во вполне определенное звуковое колебание, которое и воспринимается всеми окружающими. Физиология выясняет, что подобные „лишние“ сокращения бываюи при всяком сколько-нибудь значительном усилии: они — результат „иррадиации“ нервного возбуждения в двигательных центрах мозга, т. е. того, что это возбуждение, не ограничиваясь основными работающими центрами, распространяется с них по ассоциативным побочным путям на другие, достаточно близкие. Иррадиация затрагивает то те, то иные мышцы: при поднятии большой тяжести искажается лицо и дрожат ноги; при писании непривычные к нему дети высовывают язык; при гимнастическом приеме подтягивания себя кверху на руках дергаются ноги, и т. д.; звуковые рефлексy — только частный случай. Все это, конечно, лишняя растрата активных сил организма; и в общем, процесс развития их отбрасывает, вернее — сводит к минимум: так назыв., чистота или отчетливость движений, в гимнастике или в работе, к тому и сводится, чтобы сокращались только те мускулы, которые действительно необходимы для выполнения задачи; рефлексy иррадиации отбрасываются, как отбрасываются скелетные элементы. Но, как видим, в социальном развитии людей часть этих рефлексов, именно звуковые, используется для закрепления опыта трудовых процессов, опыта двигательных усилий, который есть основа всякого опыта вообще.

Возьмем, как иллюстрацию, арийской корень „ku“ или „sku“, от которого и в русском, и в латинском, в немецком и других родственных языках произошло множество слов со значением „копать“ и разными к нему подходящими. Началом его был, вероятно, звук, вырывавшийся у работника при надавливании грудью на какой-нибудь примитивный инструмент для рытья, прообраз заступа. Уже тогда одним этим „словом“ фиксировалось много разнообразных трудовых реакций. Выполнение акта рытья у каждого работника, очевидно, изменялось по мере совершенствования в нем; а у различных людей оно было в общем еще более различно. Но затем то же слово обозначало все, что способно было вызвать у человека живое „двигательное представление“ об акте копания: не только его выполнение упомянутым предполагаемым орудием, но всякое копанье, хотя бы руками, состоящее из совершенно иных движений; затем выскабливание полости в куске дерева или камне (слово „скоблить“ не даром того же корня); далее, аналогичная работа не человека, а крота или землеройки; далее, самое орудие копания; вырытая земля; пещера, хотя бы естественного происхождения, и т. д. При детской импульсивности дикаря, достаточно было любого из таких восприятий или даже живого представления о чем-нибудь подобном, чтобы вызвать в мозгу невольный импульс к акту копания, а с ним и импульс к произнесению „слова“, в этом примитивном его виде.

Ясно, насколько „слово“ было устойчивее того „содержания“, которое им фиксировалось. Все же это была, конечно, лишь относительная устойчивость. Сама нервно-мускульная реакция, образующая слово, происходит не абсолютно одинаково каждый раз, но при разных условиях с известными изменениями, отчего изменяются и звуки слова; на такой изменчивости основывается все историческое развитие языков: подбор действует таким образом, что определенное изменение первичного корня связывается с определенным изменением комплекса представлений, который им „выражается“. Различна степень той и другой изменчивости, — для слова она значительно меньше, чем для закрепляемого содержания; а это и требуется для депрессии¹⁾.

¹⁾ Когда нервно-мускульная реакция слова происходит в ослабленной степени, звуков может вовсе не получаться: слово не „произносится“, а только „мыслится“, оно недоступно другим людям. Мышление — внутренняя речь. Его элементы — „понятия“ — тоже, следовательно, депрессивны, „скелетны“.

Самая обширная и вместе с тем самая пластическая система, с какой познание может иметь дело, это система опыта в его живом, разветвляющемся целом: вся сумма вещей и образов, доступных труду и мысли человечества, его организующим усилиям. Содержание этой системы непрерывно изменяется: каждый момент вносит в поле опыта новые сочетания активностей, унося некоторые из прежних. „Внешняя среда“ этой системы—все недостигнутое и неизвестное, все, что лежит еще вне человеческого усилия, восприятия, расчета, предвидения; в коллективной борьбе с этой средой, в процессе ее последовательного завоевания растет наш „мир“, наш физический и психический опыт, как целое. И никогда нельзя предусмотреть ни размеров, ни значения того нового, что принесет его дальнейшее расширение: какие силы стихий вступят в поле труда, до каких элементов дойдет исследование, какие создадутся сочетания и формы. Ясно, что для такой системы депрессия необходима,—депрессия, которая была бы способна фиксировать и старое и новое, которая, не давая всему содержанию нашего опыта расплыться в безграничности-неопределенности, сама вместе с ним расширялась бы, неопределенно и неограниченно, насколько потребуется. Именно таковы мировые формы депрессии—*пространственная сетка и лестница времени*.

Пространство образует как бы неразрывную сетку из нитей, мыслимых линий, идущих по трем основным направлениям (в длину, ширину и высоту) и постоянно пересекающихся между собою. В петлях этой ткани размещаются, получая тем самым определенное положение, всевозможные вещи и образы, как на карте географические изображения в петлях градусной сети. Время представляется в виде непрерывно поднимающейся лестницы с бесчисленными ступеньками-моментами; каждая из них служит опорой для закрепления фактов, событий. То, что не отнесено к этой сетке и этой лестнице, теряется для человеческого опыта, расплываясь и исчезая безвозвратно, как забытые сновидения.

Чтобы достигнуть мирового масштаба, та и другая депрессия должны разветвляться неограниченно. Как же это осуществляется? Путем *периодичного строения*, т.-е. однообразной повторяемости соотношений. Две соседние петли пространственной сети связаны между собою совершенно так же, как любые две других соседних петель; две последовательные ступени лестницы времени—вполне одинаково с тем, как любые две других последовательных ступени. При такой форме организации новые и новые звенья могут прибавляться к ней без конца во всех направлениях.

Но отсюда должна возникать иная, специальная неопределенность и неустойчивость. Однообразные, повторяющиеся соотношения сами по себе *неразличимы* для человеческого сознания; а если они будут для него смешиваться, то и связанное ими пластическое содержание опыта должно тоже смешиваться, расплываться. Следовательно, и для этой мировой депрессии нужна еще другая, которая бы ее фиксировала, давала ей строгую определенность, депрессия высшего порядка. Если пространство и время—скелет живого опыта, то ему нужен становой хребет. Надо, чтобы в пространстве имелись устойчивые, недвигаемые линии, во времени—прочно установленные моменты, из которых можно исходить, относя к ним, как-бы закрепляя ими все прочие. Это так называемые *мировые координаты* пространства и времени; таковы, напр., в обычном опыте линии севера—юга, востока—запада, верха—низа, момент „Рождества Христова“ или иная „эра“. Строго научно устанавливает подобные координаты астрономия; для нее прочною базой служит небо неподвижных звезд и правильные движения космических тел. На памяти человечества очертания созвездий еще не успели заметно измениться,—так ничтожна, огромная с нашей точки зрения, скорость их движений сравнительно с их колоссальными расстояниями: структурные линии этой системы практически являются для нас неизменными. С другой стороны, если взять взаимное расположение планет, солнца и звезд в какой-либо момент, то оно не повторится в точности никогда больше; и его можно принять как определение одной устой-

чивой точки в цепи моментов, чтобы от этой точки рассчитывать их в обе стороны; она и явится „арой“ точного времясчисления. Всякий пункт пространства и всякий момент времени связываются с мировыми координатами посредством *мер*, которыми отсчитываются расстояния пунктов и промежутки моментов.

Такова научная, т. е. коллективно выработанная человечеством система координат. А первая, начальная их система для всякого отдельного организма сводится к основным направлениям самого тела. Постоянство же этих направлений зависит от устойчивого взаимного положения частей тела; а эта устойчивость определяется устройством скелета; и в частности, для человека главная координата, вертикальная линия (верх—низ), соответствует нормальному положению, зависящему от анатомии позвоночника. Следовательно, наше сравнение мировых координат с ним не случайно, не простая метафора: он есть, действительно, биологическое начало наших мировых координат опыта, их жизненный прообраз.

В наш организм постоянно вступают и из него устраниаются разнообразные элементы вещества и энергии. В этом непрерывном, волнующемся потоке сохранение и накопление всяких активностей возможно лишь благодаря фиксирующим их и поддерживающим форму целого скелетным тканям; без них организм расплылся бы, как река, лишенная своего твердого ложа. В систему опыта вступают так же непрерывно все новые и новые элементы активностей из окружающего ее океана недоступного—неизвестного; и другие элементы уходят из нее туда. Никакое сохранение и накопление опыта не было бы возможно, и он весь расплылся бы в хаос, если бы всякое содержание не фиксировалось в нем связью с определенными пунктами пространства и моментами времени, не укладывалось в готовые прочные рамки этой мировой скелетной ткани, более прочной, чем сталь и алмаз, при всей „идеальности“ своего строения.

4. Развитие и противоречия депрессии.

Исследуем типический ход развития депрессивных систем. Каждая такая система состоит, как выяснено, из двух частей: выше организованной, но менее устойчивой по отношению к некоторым разрушительным воздействиям; ее мы обозначим, как „пластичную“,—и ниже организованной, но более устойчивой; ее назовем „скелетной“. Пусть вся система находится вообще в условиях положительного подбора; как тогда пойдут ее изменения?

Если нет никаких специальных условий, особенно благоприятных для скелетной части, то, очевидно, процессы роста и усложнения будут сильнее и быстрее совершаться в пластичной части, как выше организованной, более способной к ассимиляции; скелетная, менее к ней способная, должна тогда *отставать*. Из прежнего равновесия, следовательно, нарушается: „скелет“, связывая пластичную часть системы, стремится удержать ее в рамках своей формы, а тем самым—задержать ее рост, *ограничить* ее развитие.

Этот теоретический вывод вполне оправдывается в действительности; примеры бесчисленны во всех областях опыта. Так, для человека именно костный скелет является основной причиной остановки роста всего тела: когда кости вполне отвердевают („окостенение“ главных частей скелета), тогда они почти перестают развиваться; а пластичные ткани, к ним прикрепленные, тем самым стесняются в своем разворачивании, и оно происходит уже в узких пределах, достигнув которых совсем прекращается. Мозг, напр., заключенный со всех сторон в черепную коробку, в значительной доле костенеющую довольно рано, увеличивается по своей массе медленнее других пластичных тканей, хотя он выше их всех по своей организованности,—и развивается преимущественно в сторону усложнения. Череп гориллы окостеневает еще много раньше и отличается огромной прочностью: он гораздо толще нашего черепа, и там, где у нас имеются хоть немного увеличивающие пластичность „швы“, у гориллы—толстые и высокие костные гребни. В зависимости от этого рост

мозга у гориллы заканчивается в очень юном возрасте, и величина мозга относительно меньше, чем у человека, в несколько раз. — Наружные скелеты, покровы хитинные, роговые, у многих насекомых, ракообразных, позвоночных, отставая в процессе роста от пластичных тканей, начинают жизненно стеснять их; тогда эти оболочки должны разрываться и сбрасываться, заменяясь новыми, более просторными, что обыкновенно и происходит периодически. У некоторых змей случается, что одно или несколько колец прежней оболочки остаются, и между тем как тело продолжает расти, прогрессивно сдавливают его, не только не растягиваясь, но высыхая и сжимаясь, вследствие утраты связи с механизмом питания; тогда змея погибает.

То же в других областях. Одежда ребенка не растет с его телом, а в лучшем случае немного растягивается, и затем все более стесняет его движения, либо рвется. Жилище не увеличивается по мере того, как умножается его население; отсюда, между прочим, все жестокие последствия скученности масс народа в больших городах. Не увеличивается и сосуд с прибавлением жидкости в него; а если и увеличивается, как, положим, резиновый сосуд с его эластичными стенками, то своим давлением препятствует накоплению жидкости, и либо прекращает доступ ее на определенном уровне, либо разрывается. Также твердое ложе реки, этот естественный сосуд для протекающей воды, противодействует увеличению ее массы, тем в большей мере, чем оно теснее и круче, т.-е. чем полнее регрессивно ее охватывает; при этом усиленный приток воды приводит к возрастанию скорости ее течения, т.-е. ко все более энергичному ее удалению; вместе с тем, становится все более интенсивным разрушение берегов, в котором выражается противоречие системного развития между пластичной частью комплекса и „скелетной“. Ледяной покров усиливает это противоречие, делая регрессию более полной, более замкнутой; весенний прилив воды наглядно его обнаруживает, взламывая стесняющий покров, как рост змеи разрывает ее кожу.

Особенно важный и интересный случай представляет социальная регрессия—область „идеологий“.

Мы видели, что символы вообще, а в частности главная их группа—слова, понятия—выполняют скелетную роль для социально-психического содержания. Вся и всякая идеология складывается из таких элементов, разного рода символов: из слов-понятий образуются суждения, теории, догмы, равно как правила, законы и иные нормы; из специальных символов искусства—художественные комплексы. Следовательно, вообще природа идеологии—дегрессивная, скелетная, со всеми ее необходимыми чертами. Конкретным исследованием это подтверждается на каждом шагу.

Так, начиная с простейшего, слово не только закрепляет живое содержание опыта, но своим консерватизмом также стесняет его развитие. В науке, в философии привычная, но устаревшая терминология часто служит большим препятствием к прогрессу, мешая овладеть новым материалом, искажая самый смысл новых фактов, которых не может со всей полнотой и точностью выразить. Но еще ярче выступает это противоречие в развитии более сложных комплексов—идей, норм и их систем. Термин „окаменение догмы“, применяемый и к религиозным, и к научным, и к юридическим, политическим, социальным доктринам, не даром заимствован из физиологии скелета: их отставание в процессе развития от живого содержания жизни, их задерживающая роль тектологически такова же, как роль всякого скелета.

Догма есть система теоретических идей и норм, или тех и других вместе, охватывающая некоторое жизненное содержание, известную сумму познавательного и практического материала. Так, в религиозных мировоззрениях догма, сначала устная, а затем фиксированная священными книгами, оформляла исторический опыт народов, закрепляла их быт, организацию экономическую и политическую, даже нередко приемы их техники. Все это было содержанием религиозной догмы, и все это изменялось, разумеется, гораздо быстрее, чем она сама. Получалось расхождение между нею и жизнью, при

чем ее консерватизм стеснял и замедлял развитие жизни, как, напр., католицизм в Европе Средних веков и начала Нового времени, православие у нас, библейская и талмудическая догма—до сих пор в массе еврейского народа. Новое жизненное содержание, вырываясь из рамок старой догмы, создавало себе новые депрессивные формы: на ряду с религиозной системой идей и норм вырабатывались научные, философские. Прежняя догма отрывалась от растущей практики и опыта, и тем самым лишалась питания, атрофировалась; новые системы захватывали все, что было более жизненно, и из старого содержания, которое, таким образом, частью уходило из нее, а частью само отживало, разлагалось. Напр., для католика Средн. веков священным писанием определялись воззрения космогонические, астрономические, общепсихологические, исторические и проч.; а в наше время даже наиболее верующие католики, сколько-нибудь образованные, во всем этом держатся идей и теорий научных; догма же священных книг в этих областях знания стала, как принято говорить, „мертвюю буквою“, т.е. символами без содержания, оболочкой пустой и иссохшей. Наблюдались даже такие случаи, как, напр., это было с богослужением и священными книгами огнепоклонников парсов, когда часть символов потеряла, путем искажения и забвения, всякий смысл, и никто, даже сами хранители древней догмы—жрецы—их уже не понимает, т.е. не связывает с ними никакого, хотя бы устарелого содержания.

Подобным же образом часто утрачивает прежнее содержание норма, правовая или нравственная: ход жизни не только выдвинул отношения, которые в нее не укладываются, но и создал новые нормы, регулирующие все относившееся к ней прежде содержание вместе с новым, которое успело прибавиться; старая норма тогда ничего или почти ничего жизненно не связывает; таково, положим, сохранение должностей, ставших „синекурами“, бездельем,—званий, соответствующих исчезнувшим социальным функциям,—в ведении дел, формальности, потерявшие всякий смысл, но практически стеснительные, то, что хорошо обозначается, как „безжизненный формализм“, „власть мертвой буквы“, и т. п. А когда новые нормы еще не сложились вполне или недостаточно укрепились в жизни, тогда устаревшие могут играть весьма разрушительную роль для нарастающей жизни,—как, положим, законы уже негодного, но продолжающего сохраняться государственного строя, в нашей до-революционной России, или правила патриархально-мещанской морали при современных тенденциях в семейной жизни трудовых классов, и т. п.

Бывали примеры, что отжившие религиозные и политические формы останавливали развитие целых обществ, и вели даже к длительному упадку целых стран. С Испанией XVII—XVIII века пережитки католицизма и феодализма сделали почти то, что делает с организмом змея недоросленная часть уже мертвой кожи.

До сих пор мы разбирали случаи, когда система в целом находится в условиях положительного подбора. При общих условиях отрицательного подбора закономерность та же: пластичная часть больше поддается разрушительным влияниям, скелетная, более устойчивая, и в этом от нее отстают. Напр., при усиливающемся истощении организма внутренний и наружный скелет еще некоторое время сохраняются почти в прежнем виде. Также и при постепенном упадке организаций общественного типа формальная их сторона разрушается медленнее, чем их живое содержание.

Таковы системные соотношения развития депрессии. Мы видим, что противоречия здесь тектологически неизбежны, что они вытекают из существа депрессии. Но зная их, понимая их значение и закономерность, возможно сводить их к наименьшей величине, растрату активностей ограничивать рамками безусловно необходимого. Здесь и нужно оформленное тектологическое знание.

Так, в области социальных депрессий—политических форм, правовых и всяких иных норм, разных доктрин и пр.—оно позволит объективно иссле-

довать каждый случай: какое содержание организационно закрепляла данная депрессия с самого начала, насколько оно сохранилось или изменилось, что из него исчезло и что прибавилось нового, соответствует ли наличная форма наличной сумме содержания, не намечается ли, не может ли быть конструирована другая, более для него подходящая, насколько прочна прежняя и своевременно ли ее разрушение, и т. д. При этом сами собой получатся практические, научно обоснованные директивы.

Еще шире может применяться тектологическое знание к организациям, которые устраиваются сознательно и планомерно, каковы в наше время частные предприятия, союзы, партии, научные учреждения, и пр. Для них „скелетными“ формами являются уставы или правила распорядка, официальные программы, технические или тактические директивы, и т. п. При самой выработке этих форм должен ставиться вопрос о степени их эластичности, о легкости их изменения с дальнейшим ростом и развитием организации. Обычно же этого не делают, и принимают в расчет только прочность форм и их соответствие непосредственным задачам организации. Результатом могут явиться в дальнейшем весьма тяжелые противоречия скелетного консерватизма—суровое выражение власти организационных законов, тяготеющей над людьми, пока они сами не овладели этими законами.

Область, где особенно сильно сказывается незнание законов депрессии, это воспитание детей. Здесь тектология должна дать важные и широкие практические указания.

Так, современное воспитание вводит в психику ребенка немало идей и норм особого рода, которые должны служить не для руководства его будущей активной жизнью, а только для облегчения и упрощения труда самих воспитателей. Сюда относятся, напр., мнимые, иногда заведомо ложные объяснения, которые даются детям по поводу слишком сложных или щекотливых вопросов; затем многие правила поведения, которые для взрослых были бы непригодны, и порою даже—весьма вредны. Это „временные“ скелетные формы для молодой души. Научная педагогика должна, очевидно, сводить их к возможному минимуму, если не сумеет совершенно устранить их; а затем она обязана заботиться о своевременном их разрушении, о том, чтобы они не укоренились больше, чем надо, и не успевали окостенеть. Этим будет избегнута большая растрата сил в последующем развитии ребенка.

Так, ребенку, положим, внушается, что он не должен быть скрытным, или что лгать никогда не следует. Это удобно для воспитателей; но в современной действительности человек обречен на гибель, если он не способен скрывать во многих случаях свои переживания, а иногда и целесообразно лгать. Воспитатель должен заблаговременно приступить к надлежащему смягчению этих правил, должен сам взять на себя при случае инициативу их разумного ограничения, которое не вело бы к деморализации, т. е. не дезорганизовало бы социальную сторону детской психики. А до сих пор, если это иногда и делается, то вовсе не ради интересов развития ребенка, не из опасения будущей растраты сил, а из соображений мелко-практического удобства; напр., ребенку объясняют, что и ради правдивости он не должен говорить неприятного старшим. Как часто родители, восхищающиеся чистотой души своих детей, и не представляют себе, во что обойдется юноше эта чистота при первых же грубых столкновениях с жизнью,—какую бурю тоски и отвращения к себе вызовут первые вынужденные нарушения слишком хорошо усвоенных норм.

Другая чрезвычайно обычная ошибка—внушение детям стыдливости, а подросткам—целомудрия, в виде норм абсолютного характера. Этим до крайности обостряются кризисы полового развития: к потрясениям физиологическим прибавляется ломка нравственного скелета.

Воспитание должно вообще стремиться к наибольшей гибкости и эластичности депрессивных форм юной психики. Средства для этого могут быть разные; одно из главных—раннее внесение историзма в систему обучения, при-

том историзма возможно более живого и наглядного. Мысленно переносясь в культурную жизнь далеких эпох прошлого и чуждых народов, ребенок участвует, по крайней мере частично, укладывая свой опыт в иные рамки, чем те, которые для него самого вырабатываются средою и даются школою. Это препятствует полному окостенению усвоенных идей и норм, облегчает их преобразование, когда оно понадобится.

На таких примерах достаточно ясно огромное практическое значение знания законов депрессии. Не менее велико собственно теоретическое; его можно иллюстрировать хотя бы одним из моментов уже выполненного нами анализа. Достаточно было выяснить, что идеи, нормы, политические учреждения суть депрессивные формы для организации живых активностей общества, — и как выводы, сами собой получились положения, которыми можно руководиться в социально-историческом исследовании, и которые раньше были с большим трудом получены на других путях: 1) все эти формы („идеологические“) *зависят* от живых активностей общества („социально-трудовых“), ими определяются; 2) все они в процессе развития *консервативнее*, чем их социально-трудовое содержание — пластичная часть социальной системы; они сохраняются еще тогда, когда она уже их переросла; и неизбежен такой период, в котором они становятся стеснением и препятствием для ее прогресса, так что их разрыв, разрушение является организационной необходимостью. Закономерность социальных революций с этой стороны оказывается однородна с той закономерностью, в силу которой змея должна время от времени сбрасывать свою кожу.

5. Отношение агрессии и депрессии.

Эти два организационные типа отнюдь не противоположны один другому, как может с первого взгляда показаться. Агрессивный центр далеко не всегда более пластичен, чем его периферия, — часто он даже гораздо ее консервативнее; закрепление активностей не противоположно их концентрированию, — нередко, напротив, является для него необходимым условием. Соотношение обоих типов лучше всего для нас выяснится на случаях, где они реально соединяются. Из них особенно важный и интересный — „авторитарные“ формы социальных комплексов.

„Авторитет“ — это не просто агрессивный центр какой-нибудь организации людей, не просто фактический ее руководитель. Берем такой случай: группа путешественников идет к намеченному пункту за проводником. В пределах задачи проводник есть агрессивный центр; его движением определяется путь всех других; но, конечно, если бы мы его обозначили, как „авторитет“, это было бы только метафорой: в историческом развитии авторитарных форм это слово означает нечто большее. Патриарх библейских времен — первый тип „авторитета“ — не только руководил практически жизнью своей общины: за ним признавалось всеми особое *право* на это, он был *властью*; его роль фиксировалась в понятиях и нормах общинной идеологии, в мышлении общины и ее обычаях или морали: „патриарх знает и приказывает“, „ему должны все повиноваться“. Очевидно, это — агрессия, соединенная с депрессией; непосредственная связь организации здесь закреплена идеологическим скелетом; и он придает ей величайшую прочность. Отсюда возникает целый ряд интересных, и вне нашей точки зрения совершенно необъяснимых социальных фактов.

Так, в патриархальных общинах нередко, разумеется, случалось, что старый патриарх, обремененный возрастом, уже не был способен руководить всей трудовой жизнью общины, а то и прямо впадал в детство. На смену ему выдвигался другой глава-организатор, который и выполнял его прежние практические функции. Прежняя агрессия сменилась новой; но идеологический скелет ее не так-то легко разрушается: он слишком прочен, слишком укреплен десятками лет авторитарного подчинения. Старец остается для родичей, даже для его фактического преземки, фигурой центральной, высшей, почет

ным главою общины. В сущности, это просто символ единства общины. Община растет, ее состав меняется, ее территория раскидывается, отношения кровного родства с каждым поколением менее тесны; но пока жив праотец, он не перестает воплощать в себе ее организационное единство. Он играет в ее сплочении, приблизительно, такую роль, как еще недавно, а может быть, иногда и теперь, знамя в сплочении боевого коллектива. Когда в ходе битвы разрывается связь отряда, тогда его разрозненные части направляют свои усилия, чтобы пробиться туда, где развевается старый лоскут истрепанной ткани; это депрессивное объединение дополняет и укрепляет живую агрессию, с ее реальным центром в лице вождя. Когда жизненные комбинации порождают противоречия внутри общины и подрывают ее единство, тогда взоры и мысли родичей направляются к старому символу этого единства: в присутствии патриарха утихают порывы враждебных страстей, смягчаются конфликты, и примирительная деятельность реального организатора встречает уже меньше сопротивлений. Благодаря консерватизму идеологии, старый авторитет для всех „выше“ нового.

Дело идет и дальше. Идеологический скелет остается даже тогда, когда старый патриарх уже умер. Его заветам продолжают повиноваться, на его волю ссылается его преемник. Он умер, но его руководящая власть, его „авторитет“ сохраняется, и притом, как высший по сравнению с авторитетом его преемника. А когда умрет и этот, его авторитет, в свою очередь, удерживается, тоже как высший по сравнению с авторитетом третьего, который его заменил, и т. д. В этой цепи авторитет умерших таким образом возвышается над авторитетом живых, и тем больше, чем дальше уходит в прошлое. Самый отдаленный предок, заветы которого еще передаются в живущих поколениях, вырастает в гигантскую, сверхчеловечески-авторитетную фигуру: в божество. Так из реальных авторитетов, через сохранение идеологического скелета, облекающего агрессию и остающегося, как пустая оболочка, после их отмирания, получаются мнимые, символические авторитеты религиозных мировоззрений. В то же время это посмертное сохранение авторитетов порождает миф о бессмертии „души“: душа, это, собственно, и есть организаторская сторона человеческого существа, его руководящая функция; оттого первоначально бессмертием пользуются только души патриархов и вождей; и лишь позже, с расчленением организаторской роли, с развитием цепной агрессии в обществе, мало-по-малу бессмертие распространяется и на души других людей ¹⁾.

В росте мнимых авторитетов религии с большой наглядностью исторически проявляется и возрастание агрессивной разности, и окостенение депрессивных комплексов, в данном случае — символов. Боги растут и все дальше уходят от людей; но в то же время их роль становится все более консервативной, их авторитет сжимает и стесняет живую жизнь, пока она не сбрасывает его, как змея свою высохшую кожу.

Итак, в религии с ее божествами мы видим мнимую агрессию; на деле это — депрессия, идеологические комплексы, возникшие на основе действительных агрессий. Но такого рода тектологические иллюзии в современном мышлении простираются еще дальше, на большую часть идеологии: оно полагает, что идеи, нормы, учреждения, вообще „господствуют“ над жизнью общества, т. е. организуют ее по типу агрессии, а не депрессии. Откуда эта иллюзия?

Масштаб современного мышления — индивидуалистический: личность с ее частным опытом. Между тем в жизни общества объективно руководящая роль принадлежит целому, коллективу, обще-социальному или классовому, или групповому. Идеи, нормы, учреждения, связывают личность с системой

¹⁾ На первых порах это, вообще говоря, не бессмертие, а только посмертная жизнь души, более или менее продолжительная, после которой и душа умирает: ведь исчезает рано или поздно и самая память о предке-организаторе, отмирают и забываются его руководящие заветы... Подробнее обо всем этом см. мою „Науку об обществ. сознании“, стр. 50—64.

коллектива; через них личность подчиняется его объединенным живым активностям, их общим тенденциям; эти тенденции только „выражаются“, симболизируются, закрепляются в идеях, или нормах, или учреждениях. Так, государство „господствует“ над личностью, повелевает ей, направляет ее; но оно не господствует над обществом, а лишь выражает и закрепляет господство одних элементов общества над другими. Класс высший реально господствует над низшими классами; но государство с его правовыми нормами лишь устойчиво оформливает это господство,—представляет нечто подобное системе возжей и сбруи для управления низшими классами. И вообще всякие идеологические комплексы „управляют“ движением личности в потоке социального процесса по такому же типу, являясь средством ее введения в рамки, ее подчинения некоторому целому. Если бы лошади никогда не видели кучера, они считали бы возжи высшею силою, ими управляющею, своим агрессивным центром; так и человек, мыслящий индивидуалистически, не видящий реальных коллективов с их живыми активностями, оформляемыми идеологией, считает эту идеологию самое по себе высшей, руководящей силою,—принимает депрессию за агрессию.

Другого рода комбинация агрессии с депрессией—система из матери и ребенка, которым она беременна. Тело матери для него—определяющее условие жизни и развития, агрессивный центр, которому то и другое подчиняется; но вместе с тем оно—защитительная оболочка, отделяющая ребенка от разрушительных воздействий среды; его живая одежда, его внешний „скелет“. С первой точки зрения, тело матери должно обладать высшей организованностью по сравнению с телом ребенка, со второй, напротив—низшей. Как совместить то и другое?

Загадка решается просто: две разные тектологические формы относятся к разным специфическим активностям. Агрессивная роль матери здесь лежит в сфере питания, т. е. извлечения и доставки из внешней среды веществ и энергии, необходимых для поддержания и роста жизни; в этом отношении тело матери организовано, разумеется, несравненно выше, чем тело ребенка, которое даже не способно самостоятельно работать в данном направлении. Роль же оболочечная, защитительная связана с пластическими, формировочными процессами жизни ребенка: они идут с такой интенсивностью, что его тело, непрерывно изменяющееся в строении, было бы слишком неустойчиво под враждебными воздействиями стихий, слишком „нежно“ для них. С этой стороны ткани матери следует признать ниже организованными, чем ткани ребенка: первые уже остановились в своем развитии, только устойчиво сохраняют свои формы; вторые—стремительно развиваются. Оттого первые „грубее“, и могут выполнять свою роль покровов для вторых. Специально для этого назначения служит матка—мешок из мускульной и соединительной ткани, комплекс, очевидно, низшего порядка сравнительно с телом ребенка.

С этим примером связана поучительная история, показывающая скелетную прочность форм организационного мышления и их власть над людьми. При тяжелых родах иногда бывают такие случаи, когда жизнь матери можно спасти только ценою жизни ребенка, и обратно. Кем тогда жертвовать? Как ни странна такая постановка вопроса, но среди ученых специалистов-акушеров об этом долго велись когда-то споры, при чем приводилось множество моральных и метафизических соображений одними в пользу одного, другими в пользу другого решения. Причина теперь нам понятна, она лежит в суженности, односторонности мышления специалистов; именно, часть их видела системное отношение матери и ребенка только с точки зрения депрессии, другая же видела и агрессию. Для последних мать была—человек, а ребенок—зародыш; для первых мать—сосуд, вмещающий то, что специально интересует специалиста-акушера, кругозор которого ограничен задачей освобождения младенца из этого сосуда. Чем уже, чем ограниченнее был специалист, тем больше он должен был склоняться ко второму решению.

Можно было бы привести много других примеров сочетания агрессии с депрессией, хотя бы, положим, корабль, агрессивно подчиненный в своем движении экипажу с капитаном во главе, депрессивно же заключающий в себе, как внешнем скелете, и капитана, и экипаж, и пассажиров, и ценные грузы. Все комбинации сводятся к двум типам: либо депрессия идет параллельно с агрессией, и служит для ее закрепления, как в нашем примере с авторитетами; либо та и другая относятся к разным специфическим активностям, которые тогда надо точно установить и разграничить.

Какого же рода связь между мировой агрессией и мировой депрессией? Легко видеть, что она первого рода. Мировая агрессия развертывается в последовательном подчинении природы человечеством; мировая депрессия закрепляет каждый шаг этого процесса, определяя и фиксируя его в пространстве и времени. Власть общества над природою реальна и прочна лишь там, где все установлено и распределено в пространстве и времени; это ее первое и основное фиксирующее условие. Новооткрытая страна реально открыта постольку, поскольку определены ее географические координаты, ее положение в пространстве; новооткрытая планета—только тогда, когда установлены ее астрономические координаты и время обращения на орбите; машиной можно управлять только через точное измерение и соизмерение ее частей в пространстве и их скоростей во времени; всякий труд и всякое познание—агрессивные, подчиняющие природу активности—опираются на такую же депрессивную „ориентировку“. В своем завоевательном движении человечество накидывает пространственно-временную сеть на все, что ему доступно, и закрепление каждого ее звена—ступень к новым победам.

А. Богданов.

Ближайшие этапы пролетаризации науки ¹⁾.

Время в которое мы живем, войдет в историю под двумя различными наименованиями: мы называем его эпохой „диктатуры пролетариата“, и в то же время у нас входит уже в обиход другой термин: „переходный период“.

Термины эти взаимно дополняют друг друга. Старый термин „диктатура пролетариата“ выражает политическую грань нашего бытия, новый—„переходный период“—говорит о культурном и хозяйственном строительстве. Завоевание власти определяет не только наше право на строительство, но и наши обязанности в этом направлении, и потому с термином „переходный период“ мы связываем уже самые широкие задачи в области хозяйственного и культурного строительства. В плоскости этих задач лежит и задача построения новой пролетарской науки—точнее новой систематизации всего познавательного опыта прошлого. В самом деле, товарищи, только политической диктатура пролетариата остается лишь в самые первые моменты после его победы. Немедленно вслед за тем понятие политической диктатуры ширится, растет, захватывает одна за другой почти все области жизни: хозяйство, право, науку, искусство, быт. Всюду происходит ломка и творчество зараз, и всюду старое наследие человеческого опыта, творившегося в условиях старого классового бытия, просеивается сквозь сито нового пролетарского сознания. Наша материальная культура и наша идеология перестраиваются сверху до низу. Если посмотреть откуда-нибудь с далекой звезды на наше творчество, то наблюдателю покажется, что мы непрерывно переходим от одной формы к другой, спотыкаясь, падаем, поднимаемся и снова идем вперед в поисках новых форм бытия.

В каких же взаимоотношениях находятся искательство форм новой материальной культуры и новой идеологии. Над этим вопросом пора задуматься,

¹⁾ Доклад, прочитанный на Всерос. Съезде Пролеткульта.

товарищи. Идеологию нельзя пересматривать только как таковую, удовлетворяясь тем, что она является новой надстройкой нового бытия. К этой старой истине пора прибавить другую, тоже старую, но недостаточно еще оформившуюся в нашем сознании: *перестройка идеологии есть сама по себе фактор и движущая сила перестройки материальной культуры*. Это особенно ярко сказывается, когда мы говорим о научном познании, как о движущей силе создания нового хозяйства.

В самом деле, товарищи, оторвемся на минуту от той весьма пока что оппортунистической действительности, в которой мы живем, и представим себе в его полном объеме то хозяйство будущего, к которому мы идем. Бросим взгляд на тот широкий мир производительных сил, который будет объектом организации социалистического мирового хозяйства. Представьте себе, товарищи, современного русского земледельца, стоящего у сохи, кое-как обрабатывающего землю весьма несовершенными орудиями, не имеющего почти никакого хозяйственного расчета в пределах того ничтожного клочка земли, который он обрабатывает. Предел его достижений в этом направлении многопольная система, применяемая в рамках тех немногочисленных культур, которые ему известны, и тех немногих десятин, которыми он владеет. Он не может ввести в систему своего хозяйственного учета ни атмосферических влияний, ни путей сообщения, ни мощных орудий обработки земли, ни рациональных систем труда, ни научных способов учета особенностей и качеств почвы, ни наконец, связи между земледелием и другими отраслями хозяйства. Для всего этого масштаб его хозяйства и уровень его развития слишком ничтожны. Представьте себе теперь, товарищи, крупное рациональное хозяйство развитой капиталистической страны с более или менее точным расчетом севооборота, почвенных и климатических особенностей, применением новых земледельческих орудий и систем труда, словом с несравненно большим расчетом объема производящегося труда и его методов. Сложность этого хозяйства во много раз превышает сложность первого хозяйства, о котором мы говорили, и однако, она совершенно ничтожна по сравнению с той грядущей сложностью мирового расчета земледелия, к которому нам предстоит перейти. Мирового расчета земледелия? Что это значит? Я должна извиниться, товарищи, за некоторую неточность: здесь речь идет, конечно, не о „мире“ в подлинном значении этого слова, а только о том маленьком черном шарике, который занимает сравнительно скромное место в числе планет солнечной системы, но который мы, его обитатели, все же называем миром. Итак, я говорю о построении земледельческого плава для всего земного шара в его целом. Напрягите все свое внимание, товарищи, и представьте себе, *как будет распоряжаться несметными сокровищами мировых производительных сил владелец их—человечество*. От нищенского хозяйства в несколько десятин, которым владеет отдельный человек, от зажиточного буржуазного хозяйства, которым владеет акционерное общество, перейдем к этим необъятным богатствам, владеть которыми может только гигантский человеческий коллектив в его целом. Я миную тот этап развития, когда владельцами будут целые народы—те политические формации, с которыми мы до сих пор им-ли дело, как с максимально-большими известными нам коллективами. Я миную его не только потому, что время мое ограничено, а и вполне сознательно, потому что в историческом ходе событий время этого этапа будет тоже ограничено. Если только человечество совершит, наконец, свой многотрудный переход от суммы частных хозяйств, хотя бы и крупных и рациональных, по отнюдь не согласованных между собою в единое целое, к тому, что мы называем *системой народного хозяйства*, то следующий этап—переход к *системе международного хозяйства*—будет уже сравнительно легким и быстрым.

Итак, товарищи, представьте себе, что нам нужно произвести расчет земледелия на всем земном шаре со всем огромным разнообразием его климатических, почвенных и расовых особенностей. Здесь сразу должны отпасть все эти старые термины: несчетные, необъятные, неисчислимые и т. д. Все, что было прежде необъятным и неисчислимым, должно быть обято нами и исчислено.

Все культуры, какие только знает земной шар, все методы труда все условия сочетания между собой отдельных культур, все пути сообщения—словом, товарищи, *весь* об'ем земледельческих возможностей человечества и *все* методы земледельческого труда. Но и этого мало: ведь земледелие только часть хозяйства. Следовательно, тот же расчет мирового масштаба предстоит провести и по отношению к другим отраслям хозяйства, и в первую голову к промышленности; а затем выступает вопрос о соотносительности частей и о том едином хозяйственном плане земного шара, по отношению к которому земледельческий план является лишь частью целого. И как об'ем этого рассчитываемого целого, так и совокупность методов его осуществления явятся с точки зрения современного человека такими гигантскими и такими сложными по своему строению величинами, что мысль его, его бедная мысль, воспитанная на анархическом хозяйстве капитализма, почти что отказывается их воспринять. И я уверена, товарищи, что многие из вас в глубине души с сомнением смотрят на такие возможности, и считают их утопией. Но назвать эти планы утопией—это значит стать на опортюнистическую точку зрения и отказаться от социализма, в подлинном значении этого слова.

„Социализм есть учет“, сказал когда-то тов. Ленин, но мы, к сожалению, поняли эти слова слишком узко и слишком мелко, как учет тех жалких крох, которые нам достались в наследство от разоренного войной капитализма. В подлинном, большом значении этих слов их следует понимать иначе: „Социализм есть учет мировых производительных сил и мировых методов и систем труда“—вот тот большой, реальный смысл, который мы, коммунисты, прокладывающие путь к социализму, должны вложить в эти слова.

А раз это так, то приходится поставить себе другой вопрос: какими путями человечество придет к этому коллективному владению учтенных мировых производственных сил. На этот счет существуют разные гипотезы. Английский писатель Уэльс изобразил в своем романе „Когда спящий проснется“, такой строй, когда технические усовершенствования в области хозяйства уже достигнуты в максимальном размере, учет мировых производственных сил тоже имеется, но сами эти производственные силы принадлежат не всему человечеству, а одному только спящему человеку, заслужившему еще при теперешнем капитализме и спавшему все время, пока мировые богатства переходили к нему в руки. Управляют всеми богатствами мира кучка его приближенных, а все остальное человечество превращено в машины, исполняющие их волю. В более оформленном и менее образном виде мы встречали ту же идею в работах некоторых публицистов, которые допускали возможность планомерной технической организации хозяйства и труда при подчиненном состоянии трудящихся масс, управляемых вместо теперешней буржуазии классом или группой квалифицированной интеллигенции. Самое дело расчета планомерной хозяйственной организации и ее проведения в жизнь казалось достижимым в руках кучки инженеров и статистиков, действующих, как инициаторы и управители труда полусознательных масс. Но, товарищи, как образная концепция Уэльса, так и эта более оформленная точка зрения, страдают одинаковой утопичностью. Представить себе осуществление нового хозяйства без *перевоспитания мышления всех участников производства* совершенно невозможно. При оторванности труда от познания, при невозможности для участников трудового процесса отдать себе полный отчет о сущности этого процесса, о полном об'еме его и о связи с трудом других людей, тот строй идеальной организации человеческого труда, о котором мы говорили выше, совершенно неосуществим. Коллективное овладение материальным миром предполагает и коллективное овладение миром духовных ценностей. Оба элемента должны слиться воедино.

Предпосылками осуществления этого нового строя являются не только прогрессивное развитие производительных сил, не только теоретическое решение вопроса о хозяйственной системе максимальной общественной выгоды, но и создание новой идеологии и нового мышления у участников трудовой системы.

Рабы производства, прикованные к своим станкам, охватывающие мыслью лишь те немногие элементы труда, в которых они непосредственно участвуют, не могут быть активными членами социалистического строя. Решение проблемы социализма часто теоретическим путем группой интеллигенции именно и привело бы к строю организованного рабства, который описывает Уэльс, а не к свободному товарищескому сотрудничеству, к которому мы стремимся.

Разница и состоит именно в овладении пролетариатом наукой и в ее преобразовании.

Здесь две раздельных проблемы: овладение наукой и ее преобразование.

При ближайшем же рассмотрении их оказывается, что вторая является предпосылкой первой.

В самом деле, мы говорили до сих пор о возможности теоретического построения формулы социализма, как об одной из существующих гипотез. Авторы этой гипотезы делают 2 допущения:

1) Что проблема эта может быть решена группой теоретиков, как теоретическая проблема и 2) что она может быть решена современной наукой без внутреннего преобразования самой науки.

Мы уже видели, что первое допущение, если бы оно оказалось верным, привело бы к совсем неверному решению вопроса: к новым формам классового господства, а не к строю трудового равенства. Но и второе не могло бы привести нас к желательному исходу. Современная наука, не смотря на все блестящие завоевания ее, есть все же наука „раздробленного опыта“, как и строй, который ее создал. Она выросла на решении отдельных проблем и создании изолированных, самодовлеющих систем, ибо таковы были задания, которые давал ей технический прогресс капитализма.

Капитализм создал стройно-организованные системы в пределах отдельных предприятий или групп предприятий, но не мог, по самой природе своей, идти к согласованию этих систем в единую хозяйственную и культурную систему. Отдельные отрасли производства не были для него стройными системами предприятий, а хозяйство не было для него целостной системой производств и методов труда. Тот учет мировых производительных сил, о котором мы говорили выше, не мог быть его заданием, ибо он был ему органически чужд, и, если развитие производительных сил все же фатально приводит к необходимости такого учета, то капиталистическая система ставит этой необходимости такие препятствия, которые развивают до максимума ее внутренние противоречия и обрекают ее на гибель.

Буржуазная наука не ставила себе задания стройного и целостного решения проблемы социализма и была чужда его, несмотря на свое блестящее развитие последних веков, несмотря на блестящие достижения в решении частных проблем.

И только в области экономической мысли зародилось новое учение, отразившее в себе идеологию пролетарской классовой борьбы—учение о новом строе.

Это была систематизация опыта пролетарской борьбы и обобщающее построение ее конечных результатов. И эта систематизация пришла на смену индивидуалистическим системам старой политической экономии, объявлявшим незбылемыми экономические категории капитализма.

Та же революция должна быть проделана и в других областях науки.

Вопрос о системной целостности человеческого опыта должен быть поставлен на очередь классом, который борется за преобразование общественного бытия, а, следовательно, и мышления.

Мы не можем подойти к той системе коллективного мирового труда, о которой мы говорили выше, с старыми навыками мысли. И здесь должен произойти коренной переворот. Чтобы быть соучастником иной мировой системы труда, мы должны уметь охватить ее мыслью количественно и качественно, во всем ее объеме и во всей ее сложности. А для этого мы должны приспособить и преобразовать наше научное познание так, чтобы оно дало возможность это сделать.

Это, конечно, не значит, что каждый из участников мировой системы труда должен знать буквально все отрасли и разновидности его и вместить в своем сознании всю сумму накопленного человечеством опыта. Решение задачи заключается не в овладении бесконечно разнообразным материалом опыта, а в такой подготовке мышления, благодаря которой человек легко овладевает новыми областями опыта и легко переходит от одной к другой. Возможность такого овладения и такого перехода возрастает по мере возрастания общности содержания опыта, его системной целостности. То, что человек должен изучить прежде всего—это не выводы и результаты отдельных отраслей труда и мысли, а методы труда и методы познания в их взаимодействии и в их гармоническом сочетании в единую стройную систему.

Такова новая наука, к которой мы идем, и которую пролетариат выкресталлизует из всех элементов науки, полученных им в наследие от пройденных до сих пор человечеством фаз развития.

Каковы же, однако, организационные предпосылки такого преобразования науки? В каких храмах науки и какими силами оно совершится?

Мы не можем, товарищи, представить себе конкретно и детально всех форм, которые примет эта работа в будущем, но мы знаем одно: она не может совершиться в стенах наших старых университетов с их старыми традициями и старыми навыками. Пролетаризация высшей школы и пролетаризация науки это не одно и то же. Это надо твердо помнить.

Старые университеты были до сих пор чужды пролетарской борьбе и пролетарским идеалам. Они воспитывали или узких специалистов или людей индивидуалистического типа мышления, неспособных осмыслить и построить теорию социализма.

На фоне современного послевоенного хозяйственного распада такие фабрики специалистов ошибочно принимаются иногда за необходимойшую и полезнейшую форму высшего образования, облегчение же доступа туда рабочим принимается также ошибочно за пролетаризацию науки. Дать некоторой части рабочих право на звание спецов обычного старого образца это, быть, может, практически необходимо в данный переживаемый период, но не в этом основная задача пролетариата, как класса организатора: чтобы осуществить свои высшие классовые цели в научной области, он должен создать и свои классовые университеты, где пролетарская идеология не растворится в живучей и крепкой еще идеологии мещанства и буржуазии.

Пролетарские университеты и пролетарские студии—это та среда, где может возникнуть и развиваться, новая систематизация научного и трудового опыта человечества, где класс впервые внесший в мир идеал всемирной солидарности трудящихся, класс—творец ценностей, приобщится к научной методологии с целью пересмотра ее и применения ее к решению задач социализма.

С этой точки зрения пролетарские университеты и студии являются научным опытом чрезвычайной важности. На ряду с массовым приобщением к научному мышлению широких кругов рабочих здесь должна быть проделана опытная, лабораторная работа в небольшом масштабе, но чрезвычайно углубленная. Подбор студентов и профессоров и выработка программ должны быть произведены с максимальной тщательностью и так, чтобы создать наиболее благоприятные условия для производимого опыта.

Я говорю, товарищи, пролетарские университеты и студии. На самом деле в данный момент жизнь делает к этому двойному термину поправку. Пока нам приходится оборонять революцию на всех фронтах, университет, как более сложное учреждение, требующее большей затраты сил и средств, вынужден уступить место студиям, как учреждениям меньшего объема и легче осуществимым.

Весной 19 года в Москве начал работать Московский Пролетарский Университет, но уже летом 19-го студентов его мобилизовали на фронт, а в решительную зиму 19—20 года в Москве не работал Пролетарский Университет, но за то на южном фронте работал отряд имени Московского Пролет-

тарского Университета, добровольно и коллективно мобилизовавший себя и оставивший на юге могилы трех лучших своих членов.

При таких условиях дело организации университета приходится отложить и сосредоточить пока что все усилия на меньшей задаче—организации небольшой научной студии, человек на 40—50.

Работая в таком небольшом масштабе, можно провести эту опытную работу в наиболее благоприятных условиях: тщательно подобрать человеческий материал как со стороны студентов, так и со стороны профессоров. Нужно помнить, товарищи, что как бы правильно не был задуман опыт и как бы верны не были методы работы, опыт может все же дать отрицательные или сомнительные результаты, если он проведен на дефективном материале. Это так же верно в химическом или биологическом опыте, как и в общественном. Между тем, принимая во внимание классовый состав населения нашей республики, можно с уверенностью сказать, что в каждую так называемую „рабочую“ аудиторию обязательно проникнут в значительных количествах элементы не пролетарских масс—представители крестьянства и городского мещанства.

Количественно пролетариат находится теперь в меньшинстве, качественно он является классом—организатором новой жизни.

Сплотиться организационно как в области боевой, так и в области культурной, такова одна из важнейших задач его. Процесс сплочения включает и процесс отгораживания от мещанских элементов, проникающих теперь в таких больших количествах в политические и всякие иные организации пролетариата и всюду вносящих свою разлагающую индивидуалистическую психологию. Приходится отгораживаться в иных областях и от крестьянства. Политически между пролетариатом и крестьянством заключен союз, но в области социального строительства и культурных достижений пролетариат не может не иметь своих классовых задач.

Само собою разумеется, что для крестьянства и всех слоев населения должны быть открыты, как можно шире, двери высшей и всякой школы, даже больше того: школа, обслуживающая производителей деревни, должна быть децентрализована и разбросана по всем земледельческим округам, перенесена в рабочие районы.

В городе же должны существовать 2 типа высших школ: одни, несущие знания широким массам трудящихся, децентрализованные, доходящие до самых глубин населения, затрагивающие все слои его, другие опытного характера, имеющие целью не распространение уже приобретенных человечеством знаний, а преобразование нашего познавательного опыта. Обычно с такого рода заданием связывается представление об ученых институтах, где жрецы науки ищут новых путей ее, тщательно изолировавшись от жизни и ее требований. Мы вносим, однако, в такое представление огромный корректив: мы не только ищем новых путей в науке, но и новых искателей этих путей. Мы думаем, что социальная природа ищущих не может не отразиться на самом искательстве, что в ней лежит один из важнейших стимулов искательства; и мы пытаемся найти путем отбора те элементы пролетарской мысли, которые окажутся способными на такое искательство.

Вот почему, товарищи, вопрос в правильном подборе студийцев играет такую же колоссальную роль в этом социальном опыте, как вопрос о правильном выборе материалов и приборов для экспериментатора точных наук.

Какого же рода элементы должны мы извлечь из пролетарской среды, чтобы поставить правильно нашу студию?

Важнейшими признаками отбора должны быть: 1) промышленный стаж, 2) общественно-политический стаж и 3) культурно-научный стаж.

Прежде всего, товарищи, студийцы должны быть действительными подлинными пролетариями, выварившимися, по старому выражению, в фабричном котле, знающими фабрично-заводской труд и участвовавшими в борьбе труда и капитала. Никакой половинчатости в этом отношении. При большом

масштабе опыта влияние просочившихся в пролетарскую среду мещанских элементов не так сильно сказывается. Но именно при небольшом *студийном* масштабе работы чрезвычайно важно, чтобы состав студийцев был чисто пролетарский. Каждое из 40 мест, которыми располагает студия, принадлежит по праву пролетариям, и исключения допускаются лишь в крайних случаях.

Рабочий опыт промышленного пролетариата является с точки зрения преподавания необходимым элементом психики студийцев. На этот рабочий опыт опираются все программы студии и в особенности программы экономических наук. Поэтому одни общие ссылки на принадлежность к пролетарским массам или на непринадлежность к буржуазии недостаточны. Необходимо, чтобы кандидат в студию указал точно свой производственный опыт, и чтобы пролеткульт, делегирующий его в студию, тщательно проверил его принадлежность к классу промышленных рабочих.

Но не всякий заводской рабочий является, однако, кандидатом в научную студию. Вторым признаком является его общественно-политическое прошлое, и в частности чрезвычайно важно знать, в чем выражалось активное участие кандидата 1) в политической работе в дореволюционные времена, 2) в экономической борьбе в пределах завода или профессионального союза, тогда же, 3) в культурной работе его прежде и теперь и 4) в политической и общественной работе после революции. Самое важное, при этом найти в прошлой и настоящей работе кандидата боевые и организаторские элементы, характеризующие активность его натуры и его творческие способности. С этой точки зрения проведенная забастовка или партийная кампания гораздо важнее, чем перечисление занимаемых видных должностей. Необходимо тщательно выяснить, насколько кандидат в студию является активной и сознательно развитой единицей в политической и экономической борьбе и в социалистическом строительстве теперь, и насколько *понятие товарищеской солидарности в труде и в борьбе* является для него реальными, не лишенными живого содержания понятиями. Тут приходится также остерегаться отрицательных черт современного быта: карьеризма и стремления властвовать, нередко заменяющих у нас стремление к творческой работе и к товарищескому сотрудничеству.

Нужно еще остановиться и на учебно-культурном стаже. В этом отношении преимущество должно быть отдано тем кандидатам, у которых их собственные ярко выраженные черты научного любопытства и стремления к научному познанию преобладают над шаблонными, навязанными извне моментами любознательности. В этой области выраженная индивидуальность так же ценна, как ярко развитое чувство классовой солидарности в области общественного опыта. Одна хорошо понятая книга или теория важнее дюжины свидетельств об окончании тех или иных курсов и дюжины же названий прочитанных книг. Еще того важнее стремление и интерес к самостоятельным изысканиям. Ивой раз мысль кандидата сосредоточивалась больше всего над решением тех проблем, которые попадали преимущественно в его поле зрения: техника производства, классовая борьба в прошлом, строительство социализма в настоящем и будущем. Но бывают и случаи, когда индивидуальные черты именно сказываются более ярко, чем классовые, и когда интерес кандидата сосредоточивается преимущественно на проблемах математики, естествознания, философии или религии. Отнюдь нельзя игнорировать и этих моментов. При наличии достаточного промышленного и общественно-политического стажа и такие стимулы к научной работе чрезвычайно важны, если только они достаточно самостоятельны и глубоки.

В инструкции по выборам в научную студию центрального пролеткульта, которую вам раздают, товарищи, вы найдете более подробные указания по этим вопросам. Но сущность их остается та же: ярко-развитое чувство классовой солидарности, участие в работе грандиозного промышленного коллектива современного крупного производства и достаточно выраженная индивидуальность в научной области.

И я надеюсь, товарищи, что, вернувшись на места, вы тщательно приглядитесь к рабочим—сторонникам пролетарской культуры и выделите из них необходимых нам кандидатов.

Скажем еще несколько слов о преподавателях студии. Тут подбор еще труднее, чем при подборе студийцев. Научных работников пролетарского происхождения почти нет, и поневоле придется быть менее требовательным к ним в смысле их происхождения. Но и преподаватели не должны быть чужды знания заводского труда и заводской жизни. Их общественно-политический стаж должен быть таков, чтобы включать в свои рамки наблюдение и изучение промышленного труда. Короче говоря, товарищи, они должны быть марксистами, но не марксистами-книжниками, всю жизнь просидевшими за своими письменными столами, а активными марксистами, изучавшими реальную жизнь, втягивавшимися в социальную борьбу труда и капитала. Желательно, хотя и трудно достижимо, чтобы все преподаватели, даже наиболее специальных предметов, имели и политический стаж; и в настоящее время мы, товарищи, почти сформировали такую коллегию преподавателей, в которой все преподаватели имеют больший или меньший политический стаж и примыкают к марксистскому мировоззрению.

Преподавательский состав должен удовлетворять еще одному признаку: он должен состоять по возможности не только из лекторов, но и из самостоятельных изыскателей. Одно дело талантливо излагать чужие мысли, а другое—быть самому исследователем, хотя бы и в скромных пределах. Преподаватель всегда больше всего учит своей манере мыслить, исследовать, анализировать. И чем ярче выражена в этом направлении его индивидуальность, тем больше он дает своим ученикам.

Есть еще одно чрезвычайно важное требование, предъявляемое преподавателям: они должны стоять на точке зрения самостоятельной позиции рабочего класса в области науки. Это требование вытекает, конечно, из самой сущности всего нашего задания в целом, и все же его необходимо подчеркнуть, ибо оно определяет в значительной мере постановку и методы работы.

А методы эти не сводятся только к обучению, а скорей к совместной исследовательской работе, в которую преподаватели и студенты вносят каждый свой соответствующий опыт. Лекции и преподавание являются только одним из средств к достижению этой цели; они часть работы, но не вся работа,—и даже меньшая часть. Они играют роль, главным образом, вначале, а затем постепенно вытесняются беседами, в которых преподаватель является руководителем, всячески стимулирующим умственную инициативу своих слушателей, дающий им методы научного наблюдения, научного анализа и научных обобщений на том материале, которым они уже вполне овладели.

Конечной стадией является совместная коллективная исследовательская работа, служащая переходной гранью от студии обучения к студии творческой работы.

В программу студии мы вводим, товарищи, все те предметы, которые имеют наибольший методологический интерес и дают в то же время важнейшие элементы целостного миропонимания. Все, что носит конкретный и утилитарный характер, мы предоставляем будущей инициативе студийца. Мы же даем ему только то портативное орудие научной методологии, которое позволит ему стать вполне сознательным участником того коллективного трудового владения миром материальным и миром идейным, о котором я говорила в первой части этого доклада.

Соответственно этим данным, товарищи, в программу нашу входят следующие предметы: математика, физика, технология, биология, история, политическая экономия, методы статистико-экономических исследований, исторический материализм и учение о пролетарской культуре, как о форме рабочего движения.

Это ближайшая программа первого года. Дальше предполагаются видоизменения и дополнения, но тут уж потребуется взаимодействие учащихся и учащихся и опыт первого года будет учтен для проведения их в жизнь.

Мое время истекает, товарищи, но я должна сказать еще несколько слов об одной из форм работы, которая явится подготовительной по отношению к студиям. Это работа клубов, товарищи. В них могут получить свое первоначальное воспитание будущие студийцы, и в них же может быть произведен отбор кандидатов в научную студию. Ставя клубную работу, следует иметь это в виду. Рабочие клубы являются по своему назначению общими студиями пролетарно-бытового творчества, и потому организаторы и руководители клубов должны иметь в виду и подготовительную роль клубов по отношению к студиям.

Я должна кончать, товарищи, и позвольте мне закончить этот доклад надеждой, что вы проведете на местах работу отбора таких элементов пролетарской мысли, которые дадут нам возможность осуществить в наиболее благоприятных условиях наш социально-культурный опыт и дадут научной мысли могучий толчок по направлению к ее пролетаризации.

М. Смит.

Письма о литературной критике.

Дорогой друг! Вопросы, которые ты ставишь, давно и глубоко волнуют меня. Ты прав, когда настаиваешь, чтобы мы дали на них исчерпывающие ответы. Но ты сам знаешь, можно ли в данное время спокойно заняться теоретической работой. И сейчас я не могу до конца удовлетворить тебя, но все же надеюсь, что наши основные положения дадут тебе достаточный материал для разрешения твоих „проклятых вопросов“, как ты постаринке выражаешься.

Ты вспоминаешь „Покоящегося Трудолюбца“ Новикова, где в статье „Путешествие на Парнас“ зло писали: „вид у критиков угрюмый и свирепый; глаза сверкали как молния, а языком они никакого не щадили“. Язык у тебя острый, и свои отточенные стрелы ты пускаешь в наш лагерь. Правда, мы много ранили самолюбий, немало развенчали мнимых талантов, но нас всегда интересуют принципы, идеология, а до самого автора нам нет никакого дела. Но раз ты заговорил о нашей свирепости, разреши напомнить один эпизод из литературной жизни Энгельса. Когда он полемизировал с д-ром Мюльбергером по жилищному вопросу, и тот напал на его „тон“, Энгельс отвечал: о „тоне“ моей критики не стану спорить. Кто принимал участие в движении столько времени, сколько я, тот приобрел довольно-таки толстую кожу по отношению к нападкам,—предполагаю, что и претивники точно также обросли ею“. Но суть вопроса не в „тоне“ критики, а в самой ее сущности.

Нас не привлекает схоластическая критика Сумарокова и Третьяковского. Ты сам указываешь, что мы не любители сводить критический разбор к замечаниям: „преславлен, скаредно, подлю и гнустно“, или „нет моего терпения смотреть на его сочинения“. Но ты не доглядел другого явления; есть люди, которые до сих пор смотрят на критика с точки зрения XVIII столетия, как на ругателя и бранчилого человека. А если ты читал отчеты о съезде пролетарских писателей, то наверное, заметил, что на нем нашлись люди, которые эту мысль „углубили“, самоуверенно заявив, что критики это просто неудавшиеся художники, и что поэт должен идти своей дорогой, не прислушиваясь к голосу критики.

Вспоминая русских критиков: Белинского, Добролюбова, Чернышевского, которые, конечно, художниками не были, ты возмущаешься этой заносчивой безграмотностью, как и мы разумеется. Тут сказывается ребяческий групповой интерес, и явление это старое. Еще в карамзиновское время Шишков писал, что „истинные таланты никогда не возникнут при существовании критики“, а тогдашние академики изъали все академические издания из ведения журнальной критики. С этой точкой зрения может быть только борьба, отчаянная, жестокая борьба. Кажется, только Гегель пробовал ставить поэта выше философа, да Шопенгауэр гению—художнику приписывал чистое познание; а наши поэты в довер-

шение всего выдумали „теорию“, что поэзия—мать всех искусств и является главной руководительницей трудовых масс, вдохновляя их на героические подвиги.

Хотя ты, как закоренелый просветитель, стараешься ссылаться на Писарева, указываешь на его горячие и страстные тирады о поэтах, но и ты тоже умаляешь роль критика. Я отыскал эти места. Отрицая замкнутое служение красоте, будучи в то же время натурой глубоко-художественной и чуткой ко всему прекрасному, Писарев много требовал от поэта. Он писал: „истинный и полезный поэт должен знать и понимать *все* (курсив наш), что в данную минуту интересует самых лучших, самых умных и самых просвещенных представителей его века и народа... Истинный поэт, принимаясь за перо, отдает себе строгий и ясный отчет в том, к какой общей цели будет направлено его новое создание, какое впечатление оно должно произвести на умы читателей, какую *святую истину оно докажет* (курсив наш) им своими яркими картинами, какое вредное заблуждение он подроеет под самый корень. Поэт—или великий *бог мысли* (курсив наш), бесстрашный и безукоризненный „рыцарь духа“... или же ничтожный паразит, потешающий других ничтожных паразитов мелкими фокусами бесплодного фиглярства. Середины нет. Поэт—или тиран, потрясающий горы векового зла, или же козлявка, копающаяся в цветочной пыли“.

И разве ты не видишь в этих возвышенных стремлениях таких требований к поэту, которых он не в силах выполнить без поддержки науки и критики. Писарев носился с идеей критически-мыслящей личности, для него поэт был одновременно и этой критически—мыслящей личностью. Мы же живем совершенно в другое время; на каждом шагу мы видим, как „новое“ буржуазное искусство, несмотря на разного рода теории, приправленные общественностью, соборностью, замыкается в самом себе, углубляясь с своею индивидуальностью и гоняясь за оргинальностью формы. Временами эти мутные волны захлестывают и наших пролетарских писателей. Ты вот все носишься с Писаревым и не замечаешь, что вокруг происходит. А что ты скажешь, когда считаешь какого-либо К. Малевича: „поэту присущи ритм и темп и для него нет грамматики, нет слов, ибо поэту говорят, что мысль изреченная есть лож, но я бы сказал, что мысли еще присущи слова, а есть еще нечто, что потоньше мысли и легче и гибче. Вот это изречь уже не только что ложно, но даже совсем передать словами нельзя... Поэт слушает только свои удары и новыми слово-образованиями говорит миру, эти слова никогда не понять разуму, ибо они не его, это слова поэзии поэта“.

Подступи к такому иступленному человеку, заговори с ним о том, что поэт—рыцарь мысли, да он тебя за варвара сочтет, или захочет в сумасшедший дом отправить. Пушкин для него мастер и то *может быть* мастер; за что ему почет, как „старейшей фирме“.

А сам он продолжает философствовать: „самое высшее считаю моменты служения духа и поэта, говор *без слов*, когда через рот бегут безумные слова, безумные ни умом, ни разумом непостижимые... Когда загорается пламя поэта, он становится, поднимает руки, изгибает тело, делая из него ту форму, которая для зрителя является живой, новой, реальной церковью. Здесь ни мастерства, ни художества не может быть, ибо будет тяжело земельно загромождено другими ощущениями и целями.“

Ула Элэ Лэл Ли Оне Кон Сц Ан | Сабно Оратр Тулож Коалиба Влесторе
Онон Кари Рче Коа Самби Моена Леж Тиво Орена Алиж.

Вот в чем исчерпал свое высокое действо поэт, и эти слова нельзя набрать, и никто не сможет подражать ему“.

Прибавь к этому бреду всякого рода имажинистов, супрематистов и т. д. И снажи по-совести: титаны они,—потрашающие горы векового зла, или же ничтожные паразиты.

Конечно, на эту публику мы мало обращаем внимания, а если иногда и показываем ее, то на манер медицинских выставок со страшными картинками, чтобы предостеречь молодежь от увлечений.

Ну!.. Ты и теперь будешь умалять роль критики?

Нет. Как и раньше критика будет направлять внимание писателя и поэта, помогая им на основании точного познания осознавать и выявлять художественные образы, формирующиеся большей частью подсознательно, интуитивно, или на слишком узком, индивидуальном или групповом опыте и наблюдении. Литература без критики невозможна. Критик помимо эстетического вкуса имеет вооруженный ум, а поэт, как я заметил, большей частью покуда, к сожалению, живет „свободным“ чувством, которое нередко несет его в даль, как лодку „без руля и без ветрил“. Критик поможет и читателю разобраться во всех вереницах перед ним встающих поэтических образах и картинах.

Ты утверждаешь, что критика должна оценивать литературное произведение и со стороны содержания и со стороны формы художественного выполнения. Это все верно. Прав ты и дальше, когда вместе с Добролюбовым доказываешь, что сравнительная оценка художников должна определяться не целью произведений, а их предметом. Кто же в наше время будет оспаривать и сомневаться в том, что явления общественной жизни придают литературному произведению большую ценность, чем великолепные поэтические картины журчащих ручьёв, лунных бликов, или трепетания листвы. Но эти твои положения старые, общи и носят черезчур формальный характер. Но что значит оценить? В разное время бывает разная оценка. Даже отдельные критики по мере своего роста меняют свои мерилa оценки. Вспомни неистового Виссариона. В первый период его деятельности критика его носила философско-эстетический характер в духе Надеждина, а во второй эстетико-публицистический характер. А на протяжении истории? Эстетика Платона с его диалогами „Федр“ и „Филеб“, в которых он показывает, что красота земная есть отражение красоты божественной и связана она с истиной, справедливостью и добром. И эта красота служит источником чистого удовлетворения, не смешанного со страданием. А утилитарный принцип эстетики Спенсера? а теория игры Шиллера? а эмоциональная теория Гюйо, который писал, что „назначение искусства вызвать симпатические эмоции, вследствие чего оно должно изображать не объекты чистых ощущений или мыслей, а предметы, могущие вызвать сочувствие, и живые существа, с которыми мы могли бы войти в общение“. Видишь, только точек зрения для оценок. Этот ряд можно значительно увеличить. Но ясно, что ни одна из них нас не удовлетворит.

Я, если хочешь знать, склонен всякого рода оценку заменить объяснением. Оценка—акт второго порядка, она возможна, когда произведение анализировано, объяснено. Ты не думай что я так наивен, что, вводя понятие объяснения, считаю задачу разрешенной. Я только ближе подхожу к вопросу, яснее его ставлю.

А для объяснения нужна точка зрения или нет? спрашиваешь ты. Конечно, нужна. Кто же это будет отрицать. Сейчас я и попытаюсь изложить, что я понимаю под объяснением и как к этому вопросу подхожу.

Сначала сделаю небольшую экскурсию в историю эстетики. Как ты помнишь, Кант первый объявил эстетику частью философии, превратив ее в науку. И как ни странно, тот же Кант пришел к выводу, что научной критики не может быть. Кант был убежден, что художественное произведение возникает у гения без всяких правил, непонятным образом для него самого. Кроме того, кенигсбергский старец не признавал общих законов вкуса. Это многие повторяют и до сих пор. Я не считаю эстетику наукой, но думаю, что общие законы вкуса есть,—только не для отдельных личностей, а для целых классов. Но этот вкус лежит не в плоскости чистой красоты, красоты „самой в себе“, как любил писать Кант, а в плоскости жизни со всеми ее перипетиями, радостями и горестями, победами и поражениями, достижениями и разочарованиями. А отсюда я делаю вывод, что наша критика должна быть научным анализом, научным объяснением.

Напомню тебе и о Гегеле. Гегель не признавал искусства самостоятельной деятельностью человеческого духа. Он утверждал, что религия, искусство и

наука суть исторические последовательные моменты сознания самосознающего духа. Раньше искусство было преобладающей формой выражения абсолютного, в наше время абсолютное выражается в науке. Отбрасывая идеалистическую шелуху, мы признали, что „абсолютное“ выражается и в искусстве и в науке. А заменив „абсолютное“ более живым содержанием, действительностью, жизнью, нашим индивидуальным и коллективным опытом, мы встали на твердую почву.

В связи с этими воспоминаниями у меня встают следующие вопросы: об отношении чувства к сознанию и о связи искусства и науки.

Ты всегда клеймил меня „бесчувственным“; таковым я остался и до этих дней. Как тогда, так и теперь, я думаю, что наши чувства должны быть контролируемы разумом. Как и ты я, конечно, не раз переживал душевные коллизии, когда сталкивались категории „я хочу“ и „я должен“. Такой конфликт, с виду морального характера, по своему существу есть конфликт чувства и сознания; и я всегда подчинял свое чувство сознанию и убежден, что никогда не шел наперекор развитию жизни. Жизнь биологическая и социальная идут в сторону гармонии этих двух категорий. Хаос чувств все более и более регулируется сознанием, оно организует их и приводит в ясность и единство. Я не буду анализировать и доказывать это мое положение. Прими его на веру, а то придется залезть в дебри биологии и социологии.

Скажу, как я смотрю на связь искусства и науки. Наука есть орудие строительства жизни, социальной борьбы и победы. Эту функцию выполняет и искусство. Разница только в одном: наука доказывает, искусство показывает. Но ведь это различие не в содержании, а в обработке содержания. Искусство организует нашу жизнь посредством живых образов, наука — посредством умозаключений, логики. Следовательно, наука и искусство не исключают друг друга, не противоречат, а дополняют друг друга. Наука доказывает, искусство показывает, и оба они убеждают нас и направляют нашу волю.

Если мы допускаем контроль сознания над чувством, то тем более неизбежен контроль познания над искусством. И должно все оно быть проникнуто нашей пролетарской, классовой точкой зрения.

Следовательно, я возвращаюсь к литературной критике, и она должна быть научной, классовой, пролетарской критикой, куда мы еще не изжили структуру классового общества.

Ты любишь разглагольствовать о силе внушения в искусстве. Эта сила как раз и убеждает нас, что критика не должна быть беспечна насчет того, что внушается. Ницше поклонников поэзии зло обругал „дураками ритма“. Идолопоклонство ритму пол-беды; надо всегда глядеть, что преподносит поэзия: просто ли потешает, или же является наставницей. Я доставлю тебе величайшее удовольствие. Я повторю слова Чернышевского, что искусство должно быть для общества „учебником жизни“. Но тут я делаю добавление, — учебником в строительстве коммунистической жизни.

Я не забыл, что в начале было дело, а потом слово, но я полагаю, что слово, в свою очередь, может быть источником новых дел и человеческих подвигов. Но это слово всегда должно быть классовым, пролетарским, коммунистическим. Ты сидишь в своем медвежьем углу, давно я тебя не видел и не беседовал с тобой. Может-быть, тебя, как и некоторых пролетарских писателей, гнет в три погибели. Может-быть, вместе с с ними ты опасешься, что мы заставим их в их творчестве справляться каждый раз с партийной программой. Может-быть, ты, как и они, негодуешь на нас, что мы надаваем на них „партийный колпак“, как выражались на съезде. Скажу откровенно и даже грубо и резко. Никаких „свободных“ чувств, никакой „свободы“ фантазии, как это понимает К. Бальмонт, или Бердяевы и Булгаковы, мы не признаем. Бальмонт мог говорить, что поэт свободен, как птица. Но был ли он сам этой свободной птицей, болтаясь между Колчаком и своим социализмом, хотя бы и плохеньким? Мы хорошо знаем этих свободных птиц, ушедших в белогвардейский лагерь от трудовых народных масс. Знаем, почему они ушли туда.

На съезде пролетарских писателей с великим пафосом муссировали вопрос об утилитаризме. И ставили этот старый вопрос прямо, остро и решительно. Пролетарские поэты полны страха и ужаса, что мы заставим всех их писать стихи и рассказы на злободневные агитационные темы, принаровленные либо к польскому фронту, либо к сбору хлеба по разверстке, либо к трудовому фронту и т. д. Тут, конечно, много непонимания и шаржа. Каждый может писать о чем он хочет, что сильное захватывает его воображение, что ярче вызывает художественные образы. Ты вот злословишь над нашими заводами, горнами, трубами, машинами. Несомненно, не в одном этом пролетарская поэзия. Можно, и даже следует, писать и о деревне, и о природе, и многом другом, даже пожалуй и о сиреновой душистой ветке, но умей обо всем этом написать по-пролетарски, а не по-мещански и обывательски. Вопрос не столько в том, что может служить предметом литературы, а с какой точки зрения этот материал освещен. Вагранки и трубы начинают наводить скуку и притом зеленую, как ты язвишь. Это правда. Это превратилось в моду, в шаблон. Но это исторически было неизбежно, потому что гимны стали и железу, труду и заводу вскрыли новые настроения рабочего класса.

Будем ждать новых мотивов. Сумеют ли дать их наши признанные поэты — это вопрос. Не ими, так другими, которые придут на их смену, но новые мотивы, о которых ты тоскуешь, будут принесены; и мы их примем, если они будут выражать пролетарские идеалы.

Но ты меня отвлек в сторону. Я хочу сказать еще несколько слов о „партийном колпаке“. Мы полагаем, что истинно-пролетарский писатель сам, в силу своего внутреннего влечения, без всяких заказов и давлений, не может не откликнуться на нашу быстро текущую жизнь; в ней он живет и действует, в ней он укрепляет свои идеалы, в ней он разворачивает свою коллективистическую психологию. Разве ты чувствуешь ту тяжесть воздуха, которая приходится на поверхность твоего тела? И смог ли бы ты существовать без воздуха? И не стал ли бы ты выкидывать невиданные курбеты, если б Уэльс вздумал переселить тебя на Марс или Луну. Точно так же и пролетарский поэт, как дитя своего класса, не может чувствовать тяжести своей классовой идеологии, вне ее он как рыба без воды, обречен на умирание, на быстрое или медленное в зависимости от различных условий. Если же текущая жизнь борьбы и строительства проходит мимо писателя, не затрагивает его воображения, не волнует его, и он живет в мире несвойственных рабочему классу стремлений и настроений, значит писатель оторвался от своего класса, ушел от него, он — не пролетарский писатель.

Мы, критики, никогда никого не обязываем писать на определенные темы и определенным образом. Мы только констатируем, кто о чем и как пишет, и отсюда делаем соответствующие выводы.

В своей пролетарской критике мы встретимся со многими: и с теми, кто выдвигал на первый план идею литературного произведения, и с теми, кто носился с жизненной правдой, нравственностью или эмоцией. Но наша встреча будет формальной, так как в каждое понятие мы внесем новое, наше пролетарское содержание.

Все известные нам системы сложились в старом обществе на основе собственных хозяйственных отношений; какой бы революционный и даже социалистический оттенок они не носили, собственнический фундамент нет-нет да и высунет свой буржуазный остов. Наша будущая система критики целиком будет построена на коммунистическом фундаменте, на принципах научного социализма Маркса и Энгельса. Она не ограничится простым требованием отражать нашу новую жизнь. Это старо. Еще Надеждин в своей диссертации писал: „где жизнь, там и поэзия“. Мы к этому добавляем, что литература должна отражать пролетарский коллективный опыт, наше коллективное сознание, нашу коллективистическую психологию.

Словом, пролетарская критика и научную систему и литературное произведение будет объяснять и оценивать исключительно с точки зрения органи-

низации жизни, а выдвинет ли художник во главу угла эмоцию или „познание в образе“, это вопрос второстепенный, и разрешение его целиком зависит от самого художника.

Наша организационная точка зрения снова подводит нас к вопросу о научности критики. Иначе и не может быть, как ты сам понимаешь прекрасно. Какая же организация жизни возможна вне научного опыта и научных построений. Тут я хотел бы воспользоваться твоим Писаревым. То, что он требует от поэта, я в первую очередь требую от критики. Критик „должен знать и понимать все, что в данный момент интересует самых лучших, самых умных и самых просвещенных представителей его века и народа“. Эту правильную мысль в наше время я формулировал бы несколько иначе. Я бы так сказал: „критик должен знать и понимать свой класс, его конечный идеал и то, куда его авангард в данную минуту идет“. Понимая вполне глубокий смысл движения общественной жизни, критик сумеет и оценить писателя.

Ты спросишь почему же невозможное для писателя возможно будет для критика. Я думаю, что писатель не только может, но и будет вооружен научным знанием, но этого надо еще долго ждать. А в настоящем таких писателей нет.

Не забываю я и того, что критик больше оперирует сознанием, а художник инстинктом, чувством, интуицией.

Научная критика подойдет к произведению и со стороны содержания и со стороны формы. Ты не думай, что форма для нас не имеет значения. Очень большое. Мы полагаем, что форма и содержание не раздельны. Мы боремся не против формы, а против ненужной утонченности, филигранности, идущей в ущерб содержанию. Недавно мне попала работа Циммермана. Перелистывая ее, я наткнулся на очень интересные замечания о „метафизике красоты“ Фишера. Циммерман пишет: „великая форма возможна только при великом содержании, законченность формы при ничтожном содержании граничит с неимеющим вовсе никакого значения“. Золотые слова.

Что мы требуем от писателя в смысле содержания ясно из всего сказанного ранее. Буду говорить исключительно о формах выявления содержания.

Нас интересует вопрос, почему наши поэты пишут, например, стихи, а не рассказы и повести, почему нет романа, и начинают появляться, хотя бы и в несовершенной форме, драмы и комедии? Это не случайность, и дело не в свободе выбора. В 40-х и 50-х годах преобладал толстый роман Толстого, Тургенева, Достоевского и других, а в 80-х и 90-х мелкие рассказы Чехова; тут есть строгая закономерность, обуславливаемая общественной жизнью.

Надо пересмотреть существующие определения поэзии и прозы. Они слишком формальны: далеко не все стихи являются поэзией; и наоборот, прозаические вещи часто блещут великолепными поэтическими картинами.

Надо разработать вопрос об образах и символах. До сих пор их брали без всякой научной критики. И почти постоянно наши словесные образы не только не организуют сознание читателя, а, наоборот, дезорганизуют его, преподают „истины“, давно превзойденные наукой, — „истины“, мешающие оформлению коммунистического мировоззрения. Об этом уже упоминалось мною на страницах „Пролетарской Культуры“. На это начинают обращать внимание и наши историки — марксисты. Вот что пишет тов. М. Покровский в своей новой книжке „Русская история в самом сжатом виде“: „анимизм был некогда основным верованием всего человечества и до сих пор живет в языке. Когда мы говорим „солнце встает“, то мы повторяем слова человека, жившего тысячи лет тому назад и искренно убежденного, что солнце есть живое существо, что оно каждый вечер ложится спать и утром встает с постели“. В науке мы утверждаем, что земля вращается около солнца и своей собственной оси, отчего происходит смена дня и ночи, и мы не можем мириться с тем, чтобы поэзия, сильная своей силой внушения, учила обратному. Таких анимистических и анти-

научных образов можно найти великое множество у каждого писателя. Научная критика должна эстетическую ценность сблизить с познавательной истиной и ни в коем случае не подчинять вторую первой.

Ты недоволен тем, что я больше ставлю вопросы, чем разрешаю. Я всегда держался, держусь и теперь убеждения, что правильная постановка вопроса приближает к правильному его разрешению.

Знаю, что тебе было бы больше удовольствия знать мои мнения об элементах в искусстве—трагическом и комическом, возвышенном и юмористическом, об отношении действительности к искусству, о целесообразности без цели, о форме и моментах красоты в произведении и о многих других высоких материях. Но для нас это мелочи, и я не хочу начинать с частных. Имей терпение выслушать в том порядке, какой я нахожу более целесообразным и убедительным.

А сейчас иду пилить дрова, а потом их надо колоть.

Жму твою руку.

Валерьян Полянский.

Москва.

7 ноября 1920 г.

Техническое и организационное начало в социалистической школе.

1. Техническое начало.

При разработке проблемы научной организации воспитания можно идти двумя путями. Можно, опираясь на педагогический и научный опыт современности, попытаться набросать в самых общих чертах основные—далеко идущие—руководящие принципы, как это делает тов. А. А. Богданов в своей тектологии, или же исходить из частных положений, неоспоримость или значительность которых может быть легко установлена. Оба метода, понятно, не исключают, а дополняют друг друга. В настоящей статье избран второй путь, и руководящим положением является следующий тезис:

„Социалистическая школа включает, как важнейшие звенья своей творческой работы, начало техническое и начало организационное.“

Трудовая школа кладет в основу своего построения идею „производительного труда“; этого еще недостаточно. Включение в систему школы общего знакомства с техникой и организацией, „элементов“ той и другой, педагогически желательно и исторически неизбежно. Наша задача сводится к тому, чтобы эту желательность мотивировать и заранее определить объем включаемого нового материала.

Поступление ребенка в школу знаменует для него настоящую революцию: он выходит из рамок элементарной ячейки человеческого общества—семьи, в которой протекают его ранние, детские годы, и вступает, как звено, в более широкий, товарищеский коллектив, принципиально отличный от семейного. С последним он связан узами родства, определяющими характер отношений к родителям, братьям, сестрам и т. д. Совсем на других основаниях возникают связи со школьными товарищами; ребенок впервые поставлен в такие условия, что он начинает осознавать, хотя и в смутной форме, факт своего приобщения к более широкому, отличному от семьи, социальному целому. Это влиянивание молодой индивидуальности в новую—по иному организованную среду—обуславливает настоящий сдвиг в душе ребенка—сдвиг большой важности; уже в первые дни и часы пребывания в школе зарождается чувство общности, которое с годами должно крепнуть и развиваться. Это внезапное расширение горизонта есть начало жизни ребенка, как существа общественного. И сдвиг этот неизбежен по самой природе школы, как учреждения социального.

Большим подспорьем в развитии чувства общности могла бы оказаться рационально организованная система воспитания. Социалистической школе следует сосредоточить много внимания на разностороннем ознакомлении детей с элементами социальной среды, и в первую очередь заняться изучением „мира вещей“, — так мы обозначим все предметы, непрерывно создаваемые самими людьми в процессе труда. Это ознакомление в течение известного времени может происходить даже в ущерб „миру явлений“, — подразумеваемая под этим обозначением все факты и процессы „чистой“ природы, протекающие помимо трудового участия людей. Если, пользуясь известной терминологией, можно утверждать, что школа феодального времени со стороны своего содержания была преимущественно гуманитарной, буржуазная — школой естествознания, то пролетарская школа должна быть школой по преимуществу технической. Противоставления эти, понятно, следует принимать условно, поскольку техника вообще базируется на естествознании, не упуская, однако, из виду, что круг явлений, организуемых техникой, обращается всецело в поле человеческого труда.

Технический подход к школе педагогически правилен и потому, что такой постановкой воспитания не будет нарушена преемственность между дошкольным опытом ребенка и опытом, приобретаемым впоследствии через школу. Между тем уже на первых шагах допускались ошибки. Действительно, когда ребенок поступает в школу, особенно городскую, ему приходится в первые же годы своего обучения знакомиться с предметами, чуждыми его детскому опыту. Особенно отчетливо это проявлялось в старой школе с ее оторванностью от жизни вообще и детской — в особенности. Достаточно привести в качестве иллюстрации раннее знакомство — чуть ли не с первого класса — с географией или историей. Изучение географии, дающей сведения о близких и далеких странах, или истории разных времен и народов — вся совокупность этого нового приходящего в сознание ребенка опыта — принципиально отлична от того материала, с каким ребенок приходит в школу. Если говорить о ребенке города, то из своего небольшого детского опыта он кое-что знает об улицах, домах, стенах, многих предметах домашнего обихода. Сведения эти, стихийно приобретенные, достаточны на первых шагах для его ориентировки и практики, чтобы не заблудиться, уберечь себя от ушиба, ожога, чтобы не порезаться и т. д. Однако вместо того, чтобы привести ребенка в более глубокое соприкосновение с миром близких вещей, в его сознание вводится мир совершенно чуждых для него переживаний. Даже в передовой школе ребенок скорее знакомится с составом воздуха и воды, строением цветка, жизнью мотылька, чем с тем, из какого материала соткана его рубашка, сшиты его башмачки, изготовлена его кровать, построено дом, в котором он живет или печка, у которой он греется. Зачастую знакомят с необычными явлениями природы, редко вступающими в поле детского опыта, ради чего и приходится их специально вызывать, например, давая детям в руки компас или магнит. Все это происходит в ущерб ознакомлению с миром вещей. Не оспаривая всей важности задачи питать детскую фантазию всем необычным, далеким, увлекательным, надо признать, что в результате обычной школьной постановки самое близкое и самое важное все богатое разнообразие вступающих в поле детского опыта предметов технического, трудового происхождения, на задворках на втором плане. Между тем мало разве любопытного и значительного заключается в скрытой форме в любом предмете, любой безделушке, обычно нами воспринимаемых как нечто буднично серое. Тут возможны настоящие поэмы из железа и меди, жести и дерева, краски и камня, глины и стекла. Дети социалистического общества все еще ждут своего Пушкина, Андерсена, братьев Гримм, которые устранили бы романтику прошлого с его косвенным принятием социальных неравенств, прежних героев сказок: царей и королей, „принцов и принцесс“, богатых и бедных, сохранили бы все очарование олицетворения стихийных сил природы, и в пролетарских сказках подошли бы к апофеозу творческого человеческого труда и всего с ним связанного.

В отсутствии теоретического интереса к вещам — продуктам труда — на деле еще сказывается барское равнодушие и инстинктивное неуважение к самому физическому труду. Все многообразные предметы, поступающие к нам из сферы труда, наши вечные спутники; но в то же время они все остаются какими-то пасынками в нашем опыте. Мы слишком привыкли к этим вещам, их существование не возбуждает нашей пытливости, любознательности, они нам хорошо известны, знакомы, само собой понятны, неинтересны, не заражают нас чувством загадочного, таинственного, заслуживающего достойного внимания.

Только в Метерлинковской сказке „душа вещей“ вступает в общение с детьми; обычно, возможный, многоголосый хор вещей молчит, и мы безучастным взором скользим по домам и стенам, стеклам, столам и стульям, тарелкам и кускам сахара или мыла... Другое дело если это явление природы: светлое облачко на удивительно голубом небе, горный пейзаж, альпийский плетчер, или произведение искусства-полотна Рубенса, Сикстинская Мадонна, Венера Милосская. Тут есть чем восторгаться — это природа и искусство, — но не „труд“. Такова живучесть остатков античного, барского пренебрежения к труду. Надо считаться и с тем, что мир вещей с ростом культуры непрерывно возрастает количественно и усложняется качественно; мы можем оказаться в будущем по отношению к продуктам производства в таком же беспомощном положении, как и первобытный дикарь по отношению к явлениям природы. Следует в школе передвинуть поэтому центр внимания, по крайней мере для некоторых возрастов, из мира явлений внешней природы в мир явлений труда, поскольку человечество выделяет и противопоставляет себя природе. Трудность заключается в том, чтобы определить, как подойти к этому миру вещей, в чем заключается метод и последовательность его изучения.

Этапы этого изучения сводятся: 1) к классификации вещей с точки зрения их практического назначения, 2) к анализу материалов, из которых они произведены и 3) к изучению общих приемов их производства — принципов техники. Вещи, поступающие в поле детского сознания, могут быть разбиты на определенные группы по тому или иному признаку; пусть это будут предметы непосредственного потребления, сырье, орудия труда, орудия транспорта, предметы хранения и т. д. Если проводить такую работу классификации достаточно полно и глубоко, можно заложить в душе ребенка навыки не только стройного, логического, но и тектологического мышления, ибо зачастую придется связывать предметы, в обычном опыте далеко отстоящие друг от друга. С этой точки зрения такие вещи, как шкаф, кувшин, конверт, бочка, кошелёк и т. д. окажутся в одной рубрике, как предметы для хранения; телега, лодка, тачка, велосипед, вагон — орудия транспорта. Некоторые предметы могут оказаться в двух или большем количестве рубрик: это может содействовать укреплению сознания, что любой предмет можно рассматривать под любым углом зрения, в зависимости от той или иной практической и теоретической потребности.

Но такое суммарное изучение вещей совершенно недостаточно. Более плодотворным и существенным представляется изучение любой вещи с точки зрения материала, из которого она создана. Это важнее и в том отношении, что вещей очень много, и задача их анализа во всем их многообразии явно утопическая и для целей педагогики не нужная. Между тем число „строительных материалов“, вступающих элементами в предметы, сравнительно небольшое; и их не так трудно классифицировать по степени их важности и их распространенности. Тут сама по себе напрашивается аналогия с ограниченным количеством элементов, на которые химия разлагает все тела.

На практике первое место занимают металлы, главным образом чугун и его производные, железо и сталь; вслед за тем дерево — материал очень удобный для педагогических целей, и, наконец, строительные материалы в узком смысле слова, так называемые естественные камни, кирпич, стекло и пр. Несколько в стороне вяжущие вещества — различные виды цементов. Следует

с полной отчетливостью указать, в каком объеме изучаются перечисленные строительные материалы, и каков должен быть подход к ним, чтобы все время оставаясь в предметах педагогических задач, избежать, с одной стороны, ремесленно-профессионального уклона, а с другой—не вторгаться в чужие дисциплины. Ведь металлы и камни и дерево являются объектами физики, химии, минералогии и т. д. Важно поэтому подчеркнуть тот особый подход, который нужен для наших целей. Он заключается в изучении материалов под углом зрения их *сопротивляемости* различным деформирующим усилиям. Если анализу подлежат железо, дерево или камень, то такие их свойства как цвет, звонкость, удельный вес, химическое строение и т. д. не привлекают здесь нашего особого внимания: все это остается в компетенции физики, химии, минералогии. В данном случае важнее такие специфические их особенности, как упругость, твердость, крепкость, хрупкость, их сопротивляемость разрыву, сжатию, скалыванию, кручению или изгибу.

Будет большим приобретением, если молодежь из своих лабораторий вынесет ряд трудовых впечатлений, связанных с преодолением механических сопротивлений различных материалов при их обработке. Пусть из школьной практики будет найдено, что дерево оказывает большое сопротивление усилиям растяжения или сжатия, направленным вдоль волокна, и сравнительно слабо сопротивляется усилиям скалывающим; что чугун иначе реагирует на те же усилия—устойчиво по отношению к усилиям сжатия и слабее к деформациям растяжения и кручения; железо еще иначе и т. д.: естественным тогда представится, почему молоток, лопата, топор в зависимости от характера их работы изготавливаются не из чугуна, а из железа и т. п. Количество затрачиваемых усилий будет вместе с тем и субъективной мерой сопротивляемости материала определенным деформациям. Это совершенно аналогично тому, как мы судим о близости или дальности места, о высоте горы по количеству усилий, нами затрачиваемых на преодоление расстояния или на подъем. Если затем обработка материалов будет производиться на полу-автоматических или вполне автоматических станках, то прибавляется еще новый и важный момент: зарождается „пафос машины“, как бы шутя снимающей железную стружку, расверливающей отверстия в неподатливом материале, придающей не оформленным кускам строгие очертания рельса или балки. Тут будут заложены элементы мощной, преобразующей и гордой культуры.

Прием железа полезен не только при некоторых заболеваниях; длительное, наступательное воздействие на мир металлов может оказаться высоко совершенным гигиеническим средством для укрепления человеческого духа, для извлечения его от настроений распада, угныния и пессимизма. Перифразируя Ницше, можно сказать: „человек есть нечто преодолевающее“. В чем, однако, заключается педагогическая ценность изучения материалов со стороны их сопротивляемости? Большой поддержкой к разрешению поставленных вопросов может оказаться та принципиально новая, оригинальная постановка проблемы воспитания, которую предложил тов. А. Богданов:

„Объект воспитания—личность; но его факторы и задачи лежат в... социальном целом—обществе, классе, группе. Воспитание личности объективно есть не что иное, как частичное самовоспитание коллектива. Данному лицу—ребенку, юноше—предстоит быть пунктом приложения некоторой части враждебных его социальному целому активностей среды, и воплотить в себе некоторую долю активностей этого целого, преодолевающих внешние сопротивления. Надо, очевидно, выяснить вероятный характер и размеры враждебных воздействий, с которыми организму придется иметь дело, и надо развивать в нем сопротивления, достаточные для максимальной предполагаемой их величины. Возникающие отсюда требования не всегда возможно совместить в полном объеме; тогда приходится выбирать те из них, которые относятся к наиболее вероятным и значительным из предвиденных враждебных моментов, жертвуя заботой о менее вероятных и менее опасных. Поскольку же все эти предвидения неполны и несовершенны, постольку для личности

необходимо усвоение общих методов организации сопротивления самым различным активностям среды. Эта последняя сторона дела в положительном смысле наиболее важна потому, что она заключает наибольшие гарантии успеха всей воспитательной работы⁴⁾.

Дело сводится, таким образом, к тому, чтобы сознательно подводить ребенка к восприятию мира, социальной и особенно природной среды, как системы сопротивлений; себя же самого ребенок должен научиться рассматривать, как определенную активность, индивидуально или совместно с другими преодолевающую сопротивление. Первою ступенью в развитии такого мироощущения могут как раз оказаться те лабораторные занятия по технологии, о которых речь была выше. Что касается „усвоения общих методов организации сопротивлений“, то дальнейшее наслоение технического опыта даст необходимый материал. Практика любого машиностроительного завода легко выявляет, что большинство операций укладывается в три определенные группы:

1) обработку металлов резанием (точение, сверление, строгание, фрезерование),

2) обработку металлов давлением в горячем или холодном состоянии (ковка, волочение, штамповка) и

3) тепловую обработку, основанную на их плавкости.

Одновременно с овладением методами механической технологии усваиваются и другие приемы, более окольного порядка: применение химических реактивов электролиза и т. д.

Но изучением строительных материалов дело далеко не исчерпано: „мир сырья“, „мир механизмов“ и „мир двигателей“, в свою очередь, вклиниваются в школу, как явления, могущее занять определенное место в системе школьной работы. Мир сырья выходит за пределы понятия строительных материалов. Если фиксировать внимание на „командующих“ и „важнейших“ видах сырья, то к первым следует отнести уголь, нефть, движущуюся воду—как источники тепловой и механической энергии, а из металлов чугуи и его производные—железо и сталь, затем медь; ко вторым, „важнейшим“, принадлежат хлопок, шерсть, кожа, как виды сырья, идущие на удовлетворение элементарных, в то же время насущных потребностей. Легко представить себе то великое потрясение во всей общественной жизни, которое произошло бы, если вследствие каких-либо причин перечисленные виды сырья или хотя один какой-либо из них выпал бы, как звено из цепи современной техники. Это могло бы привести к крушению всего современного уклада и возвращению на многие сотни лет назад. По силе своего действия и последствиям устранение угля или железа из современного производства привело бы к колебаниям по масштабу, аналогичным тому, как если бы из нашей астрономической системы неожиданно был устранен ее организационный центр—Солнце: вся система оказалась бы в распыленно-рассеянном виде. Если таково значение этих видов сырья в производстве, то, очевидно, оно должно иметь свое отображение в социалистической школе, поскольку вообще революционный смысл реорганизации школы сводится к перенесению методов труда, применяемых в производстве, в сферу педагогики.

Изучение сырья должно быть сосредоточено на особых, условных, технических моментах: уголь, нефть, дерево исследуются преимущественно, если не исключительно, с точки зрения их теплотворной способности. Вопрос о химическом их строении—момента, обуславливающем определенную калорийность—и другие более нейтральные качества остаются в ведении химии, как теоретического предмета преподавания.

Хлопок или шерсть рассматривается со стороны особенностей, имеющих техническое значение: длина волокна, его тонкость, степень извитости, упругость и т. д. Для обычного естествознания теоретически все стороны исследуемого явления одинаково важны и интенсивны.

⁴⁾ См. „Всеобщая организационная наука“, т. I, стр. 196 и дальше.

Для ботаники, например, „добро и злу внимающей равнодушно“, одинаково ценны и любопытны и корень, и стебли, и листья, и строение чашечки любого растения; между тем с технической стороны все это далеко не одно и то же. Перечисленные выше особые качества находятся в определенной зависимости от целого ряда иногда очень сложных условий, рассматриваемых отдельными научными дисциплинами; для нашей же задачи они должны быть выделены из сложной сети зависимостей, и на них концентрируется особое внимание. Этот же подход следует применять и при изучении всяких иных технических предметов, с их особым назначением: изучение красок с точки зрения их цветоупорности (по отношению к различным агентам: воздуху, свету, влаге), разных строительных материалов с точки зрения их огнестойкости, стираемости, звуко- и водо- непроницаемости и т. д.

Дальнейшие шаги—перенесение техники в школу—сводятся к сознательному включению в сферу ее интересов и „мира механизмов“.

Отдел прикладной механики, известный под названием машиностроения, имеет своим исходным пунктом так называемую математику механизмов, т. е. рассмотрение условий воспроизведения определенных заранее вполне заданных движений, при чем самой конструкцией механизма все нежелательные движения устранены. Учение о движении простейших машин вкраплено в физику—в ее отдел механики; более сложные механизмы принимаются лишь вскользь. Задача, как и раньше, сводится к извлечению оттуда тех механизмов, которые представляют особый кинематический интерес. Их надо рассмотреть наиболее полно с тем, чтобы основной смысл механизма, как системы связанных друг с другом звеньев, реализующих в совокупности определенное движение, проявился вполне наглядно.

Из большого числа разнообразных механизмов, применяемых в технике, можно выдвинуть изучение частного случая плоского шарнирного четырехугольника, а именно: механизм паровой машины, имеющий столь огромное распространение на практике. Тут задано поступательно-колебательное движение ползуна по направляющим, которое при посредстве промежуточного звена-шатунa преобразуется во вращательное движение кривошипа. Вне рассмотрения остаются движущие силы самой машины, для целей кинематики это совершенно безразлично.

Соразмерность частей этого, как и любого механизма, определяемая теоремами кинематики, может педагогически послужить прообразом необходимой взаимозависимости звеньев хозяйственного механизма. Как в одном, так и в другом случае требуется получить определенный конечный результат: в механизме, например, паровой машины—круговое равномерное движение, в хозяйственном механизме—готовые продукты. Тут аналогия не только внешняя, а более глубокая. Механизм считается тем совершеннее, чем меньшие потери происходят при передаче движения или энергии. Если взять для иллюстрации ремennую или зубчатую передачу, то в зависимости от степени натяжения ремня или прирабатанности зубцов эти потери на „скольжение“ могут быть весьма значительны. С тем же правом можно говорить о потерях хозяйственного механизма вследствие присущей капитализму диспропорциональности и неслаженности составляющих его частей: постоянные потери на борьбу конкуренции с ее трениями, на лишние передачи и перемещения продуктов, а затем периодические растраты на производственные, военные, революционные кризисы, приводящие к колоссальному расточению производительных сил. Некоторые принципы кинематики дают таким образом книгу для последующего построения теорем политической экономии.

Вторым механизмом, подлежащим изучению, является механизм регулятора. Он вносит принципиально новый момент в паровую машину. Благодаря регулятору, действующему на органы парораспределения, паровая машина имеет возможность приспособляться к условиям переменной нагрузки. Механизм машины вследствие работы регулятора превращается в организм, в известных пределах автоматически приспособляющийся к условиям своей работы.

К той же категории механизмов следует отнести и маховые колеса, гарантирующие известную равномерность движения в течение данного оборота.

Разные виды двигателей, в свою очередь, также должны быть извлечены из обычного курса физики и для изучения с той же точки зрения.

Объем и характер этого изучения двигателей определяется в связи с общей конструкцией учебного плана.

Из техники, как и раньше, выделяется тот материал, который имеет общеобразовательный интерес; речь, понятно, идет об установлении того минимума общеобразовательной технической грамотности, за порогом которого мы оказываемся в пределах технической специализации.

При рассмотрении двигателей можно интересоваться не только качественной стороной процесса, т. е. превращением одного вида энергии в другой (тепловой, водяной, электрической, в механическую работу), но и количественной—в целях выявления коэффициента полезного действия двигателя или экономичности всей силовой установки в целом. При любом техническом использовании энергии неизбежны потери на, так называемые, вредные сопротивления, на трение вращающихся частей, лучеиспускание и т. д.

Тут важно дать учащимся живое представление об этих потерях, так чтобы своевременно выработалось своеобразное чутье при оценке возможного использования энергии. Впоследствии определение таких коэффициентов может оказаться удобной формой и педагогической подготовкой для подсчета потерь, возникающих в любой другой сфере человеческого опыта и практики: потери в человеческом общении на взаимное непонимание, на устранение противоречивых тенденций в индивидуальной психике, потери на устранение семейных, групповых или классовых коллизий, и т. п.

Последнее, что может быть прослежено, это длина цепи в процессе превращения энергии. Зачастую цепь эта состоит только из двух звеньев; так, водяная турбина передает часть своей энергии непосредственно рабочей машине. Возможны, однако, и установки, осложненные несколькими или одним дополнительным промежуточным звеном, скажем, попутным получением энергии в форме электрического тока, и двухчленная цепь: «энергия падения воды—механическая работа», видоизменяется в трехчленную формулу—«энергия падения воды, электрическая энергия, механическая работа». Это удлинение пути между начальным и конечным звеном имеет свою аналогию и во всей машинной технике, когда между рукой ремесленника и инструментом оказался ряд промежуточных звеньев, в своей совокупности образующих механизм машины. Эти окольные пути в получении необходимой энергии характерны для техники последних десятилетий, и в виду этого должны иметь хотя бы и элементарное отображение в социалистической школе.

Вслед за тем существенно важным представляется выявить для школьного коллектива, какими приемами вообще пользуется техника для «организации вещей», т. е. для сочетания частей в одно организационное целое. Тут на основе сопоставления отдельных работ и наблюдений могут быть обнаружены наиболее общие приемы и группировки. Так, намечаются три основных типа соединения: по принципу «болта», «защелки» и «шарнира».

Сущность первого типа сводится к такому соединению частей, при котором остается возможность обратно раз'единить обе части без какого-либо повреждения соединяемых частей или самого соединяющего элемента. Типичными для данного случая являются соединения частей при помощи болта, отсюда и заимствовано общее наименование для этой группы связей. К этому же типу относятся соединения шкивов при помощи ремней или канатов, соединение валов муфтами, соединение при помощи клиньев, шпонок, шурупов, листов бумаги, при помощи булавок. Сюда же относятся периодические зацепления рычагов регулятора с паровпускным механизмом и т. д.

Принцип «болта» (разным образом и два остальных) остается в силе не только в пределах техники, но имеет свои аналогии в любых областях нашего опыта: вот почему изучение этих типов имеет не узко-техническое значение,

но и общеобразовательное в широком значении этого слова. К типу болтовых связей принадлежат и связи людей в области личных отношений, не выходящие за пределы простого знакомства или легкой дружбы, когда расхождение зачастую происходит совершенно безболезненно без всякого ущерба для обеих сторон. Из экономических объединений под эту рубрику подходит картелли с их слабыми организационными связями. Сюда же, повидимому, могут быть отнесены и связи атомов между собой.

„Заклепочный“ принцип объединения существенным образом отличается от предыдущего. Тут обратное разделение частей неосуществимо без их повреждения или порчи объединяющего их элемента. Для того, чтобы отделить два склепанных листа железа, приходится срезать головку заклепки или повредить один из листов. К этой же группе относятся и соединения при помощи цемента, клея, сургуча. В качестве экономической иллюстрации могут служить тресты, после распада которых к владельцам могут вернуться их прежние предприятия, но уже не те, изменившиеся в смысле их оборудования, административно о персонала и т. д. Продолжая прежнюю аналогию, можно обычную буржуазную, интеллигентскую семью считать организованной по тому же принципу; тут распад и кризис этой ячейки обычно сопровождается глубокими разрушениями для обеих или по крайней мере, для одной из сторон.

Третий тип связи, „шарнирный“, характерен тем, что, несмотря на известную подвижность частей, входящих в объединение, в целом последнее представляет устойчивую систему, часто такую, что разделение частей неизбежно влечет за собой разрушение системы, этой стороной напоминая принцип заклепки. Однако шарнирные связи предоставляют частям известную самостоятельность, свободу, подвижность. Таковы связи двух половинок ножиц, дверных петель и т. д.

Если человек участвует в нескольких организациях одновременно, примиряет в душе свои разнородные, быть может, даже противоречивые, тенденции, мы опять наталкиваемся на „шарнирную“ практику и „шарнирный“ тип связей внутри индивидуальной психики.

Последний, „шарнирный“ тип связи занимает как бы промежуточное положение между болтовым и заклепочным. Имеются и другие промежуточные сочетания, но так или иначе все они тяготеют к разобранным трем основным формам.

Таким образом в социалистическую школу очень многое следует привнести из мира техники. Не желая, однако, загромождать изложения детальной программой, достаточно лишь перечислить в самом общем виде отдельные дисциплины, обычно излагавшиеся лишь в специальных учебных заведениях, и которые следует внести в пределы школы. Это технология (преимущественно камня, дерева и металла), элементы машиностроения (сопротивление материалов, кинематику механизмов, детали машин), учение об источниках энергии (уголь, нефть, движущаяся вода), учение о важнейших двигателях, и в качестве подсобного орудия интернациональный язык современной техники—технический чертёж.

В условиях буржуазного общества техника стояла особняком, зачастую за пределами общего образования; в условиях социалистического строя любой из нас должен быть, по крайней мере, технически грамотен.

II Организационное начало.

На социалистическую школу возлагается важнейшая культурная задача нашего времени: сочетать труд, преимущественно физический, с наукой—трудом интеллектуальным.

В силу исторических условий в течение столетий интеллектуальный труд обособляется от физического. Возникавшие научные дисциплины, имея своим источником трудовые процессы, затем отрывались от своих трудовых

корней и развивались согласно присущей каждой из них внутренней логике. Одновременно в процессе развития утрачивалось сознание того, что не только истоки научных дисциплин трудовые, но и их устье, что их конечное назначение—быть орудием организации труда и жизни, по скольку последнюю можно принять за трудовой процесс.

Техника машинного производства, правда, практически уже подходит к устраниению этого дуализма физического и умственного труда, поскольку в развитой индустрии любой рабочий превращается в машиновожатого; но процесс это длительный, сопряженный с большими трудностями, протекающий стихийно.

Между тем в школе этот дуализм и противоречивость физического и умственного сравнительно легко могут быть преодолены. Нетрудно показать, как из школьного труда можно извлекать импульсы для школьной научной работы, и, наоборот, превращать научные занятия в орудия организации школьного труда¹⁾.

Для решения поставленной задачи необходимо трудовые процессы, протекающие в школе, превратить в объекты школьного исследования. Таким образом школьный труд подымается до уровня явлений естественно-научного порядка; трудовые процессы превращаются в проблему, над которой юные умы упражняют свои исследовательские и творческие способности.

Ближайшим образом здесь нас интересует извлечение из трудовых процессов не естествознания, а общественных наук и в первую очередь политической экономии.

Поскольку последнюю рассматривают как науку об основном строении общества, с определяющим его моментом—социально трудовыми отношениями между людьми,—постолкну школьный труд и вообще школьная жизнь дает достаточно материала для конструирования элементов политической экономии. Как это осуществить и в чем подход? Решение вопроса может быть намечено, если исходить из изучения форм товарищеского школьного сотрудничества. На школьном труде легко проследить всю гамму различных форм, начиная от простейших до наиболее сложных. В изучении этих организационных форм заключается то второе—помимо технического—начало, которое привносится в школу: „начало организационное“.

Если, допустим, в классе решается письменная задача по математике каждым совершенно самостоятельно (без заглядывания в тетрадку соседа), перед нами случай чисто-индивидуальной работы—случай нулевого сотрудничества. Последовательное решение той же задачи несколькими лицами является иллюстрацией сотрудничества со слабо дифференцированным техническим разделением труда.

В трудовых процессах другого порядка: в мастерской, саду, школьном театре, разделении труда между участниками может быть более отчетливым, поскольку та или иная функция определенно закрепляется на более длительное время за данным участником: тут мы уже переходим к типу сотрудничества ремесленной мастерской или мануфактуры. Особенно наглядно это может проявиться, если осуществляется расчленение труда по типу организаторскому и исполнительскому. Это легко отметить, когда в процессе участвуют, как постоянные руководители, и взрослые (учитель, врач, заведующий мастерской, садовод и т. д.). Нетрудно уловить даже оттенки, когда будут выступать временные руководители для данного, вполне определенного случая: тип организатора-консультанта.

На основе школьной жизни могут быть прослежены и другие явления политической экономии. Часто практикуется у школьников обмен вещами. Совершается он далеко не на основе трудовой стоимости, но это и неважно. Существенно тут проследить факт обмена вещи на вещь помимо участия

¹⁾ Элементарные иллюстрации к указанному приведены в нашей брошюре: „Проведенный труд в советской школе“. Государст. Издат. 1919 г.

денежного посредника,—обмена, протекающего на основе субъективной оценки предмета. Случай организованного распределения поступающих в школу продуктов по норме „каждому равные доли“—дальнейший принципиально новый момент в развитии присвоения: первое приближение к разумно регулярному распределению. Распределение по признаку—„каждому по его потребностям“—может быть прообразом его наиболее совершенных форм.

Даже явления эксплуатации имеют свое отображение в школьном быту, когда более сильный зачастую подчиняет своей воле более слабых, и последние оказывают ему определенные услуги, хотя бы вопреки своему желанию. При моральном превосходстве кого-либо из учащихся над другими, с возникновением авторитета, неоспоримого для всех, явления эксплуатации принимают формы односторонних, добровольных услуг. В дальнейшем, при крепнущей дружбе, налицо бескорыстная, бесрасчетная, взаимная поддержка и помощь: зародыш высшей формы сотрудничества.

Явления борьбы, столкновение интересов групп или классов, столь характерные для любой общественной, некоммунистической формации, легко улавливаются в тех случаях, когда по характеру игры одна часть школьников противопоставляется другой, как соперничающая сторона: игры в мяч, крокет, „разбойники, короли“,—зачастую с их сложным иерархическим построением.

Случаи детских ссор, доходящих до полного расхождения сторон или даже столкновений, иллюстрируют случаи не только вулевого, но и отрицательного сотрудничества.

Вслед за таким суммарным изучением труда со стороны его организационных форм выдвигаются перед школой задачи многостороннего учета различных сторон трудового процесса.

Обычная школа трудового типа преследует в общем те же задачи, но не в достаточно отчетливой, осознанной форме. Мало чувствуется в теоретических построениях и практических воплощениях мысль о подготовке молодежи, как будущих активных участников социалистически организованного человечества, и необходимости поэтому дать уже в юные годы навыки и умение свободно оперировать с явлениями труда: методами его организации, анализа, учета. В пределах школы этот учет может быть проведен по нескольким направлениям,—и в первую очередь со стороны количества производительной работы. Во многих случаях об этом количестве можно точно судить: перевесено столько-то пудов дров или угля, столько-то мешков картофаля, ведер воды и т. д., с указанием соответствующих расстояний.

Зачастую подсчет может оказаться весьма затруднительным, если работы более сложного порядка протекают где-нибудь в мастерской, саду или огороде, ибо придется столкнуться с трудностями выбора единицы работы.

Если по характеру дела процесс работы связан с операцией расходования определенных видов сырья, то учету подвергается расход в целом, равно и неизбежные потери на отдельных этапах, с выявлением определенных коэффициентов использования.

Весь процесс работы может быть подсчитан и с точки зрения расхода времени как на всю операцию в целом, так и на отдельные ее части. При чем особо изучается время, ушедшее непосредственно на работу, затем отдельно так называемые производительные потери вследствие дефектов в организации дела, несвоевременного снабжения материалами, инструментами и т. д.

Таким образом в результате анализа трудового процесса может получиться ряд данных, характеризующих количество произведенной работы, расход усилий, сырья, материалов и времени, и не только в суммарном виде, но—что еще важнее, с определенным выявлением общего коэффициента использования, с подсчетом величины в той или иной форме непроизводительно рассеянной энергии.

В социалистической школе, однако, важен не только анализ труда, но и его синтез; представляет поэтому известный интерес указать, как это может быть достигнуто.

Возьмем в качестве иллюстрации того и другого совершенно гипотетический случай, который мог и не иметь места в школьной практике.

Пусть перед коллективом детей возникла задача уборки своего помещения. Можно приступить к этому делу, не мудрствуя лукаво, но можно подойти к этому как к определенной организационной задаче. Изберем вторую возможность; в таком случае выделяется из коллектива группа организаторов, на которых возлагается задача составления предварительного проекта всей работы, ее руководства и осуществления. Заранее предусматривается распределение труда между участниками: одни ведают всеми предварительными операциями, связанными с заготовкой материала, другие производят непосредственно работу вытирания пыли, смачивания и вытирания окон и т. д. Третья группа берет на себя научно-исследовательскую работу, связанную с предварительным определением необходимого количества материалов, которое следует заготовить. Для возможности таких подсчетов придется прибегнуть к эксперименту и определить, сколько в среднем расходуется, скажем, воды на единицу поверхности пола, окна; до какой температуры следует нагреть воду, сколько уйдет на это дров или угля и т. д. Та же группа составляет математически точное предварительное расписание начала и конца работ с расчленением процесса на отдельные этапы и т. д.

Особая группа занимается уже не предварительными изысканиями, а изучает протекающий трудовой процесс в натуре во время самой работы. Это могут быть те же дети, но сгруппированные в другие сочетания. Тут вероятны и возможны наблюдения, связанные с учетом всех факторов, искажающих закономерность течения трудового процесса. Для ведения этих наблюдений, несомненно, потребуется известное предрасположение, умение сосредоточиться, особый характер внимания, а из инструментов скорее всего весы, термометр и часы, пожалуй, с секундной стрелкой.

Любопытно, что при более интенсивном расчленении операций можно будет натолкнуться на промежутки времени до того малые, что уловить их при помощи часов не представится возможным. Тут на помощь приходит орудие другого порядка—математика, в частности алгебра со своими методами составления и решения уравнений. С таким случаем пришлось столкнуться Ф. Тейлору, одному из первых, поднявшему вопрос о научной организации единичного промышленного предприятия. Изучая с точки зрения „элементов времени“ работу грузчика, Тейлор убедился, что „часть элементарных операций настолько непродолжительна, что трудно, если не совсем невозможно, взять точный отчет по секундомеру“; и пришлось для изучения работы погрузки болванок в тележки делать наблюдения не над каждой элементарной операцией в отдельности, а над целой группой. Соединяя элементы в различных сочетаниях в группы, можно получить достаточное количество наблюдений и уравнений, решение которых и дает ответ, касающийся расхода времени на каждую операцию в отдельности.

Тут алгебра совершенно отчетливо выступает, как орудие анализа труда, вместе с тем и его организационной.

Еще более детальное и глубокое расчленение труда может заронить потребность в пользовании и оперировании величинами „бесконечно-малыми“, (т. е., в сущности практически неуловимыми или практически неинтересными по своей относительной малости), и тем самым подвести трудовой фундамент для изучения так называемого высшего анализа.

Протекающие трудовые процессы могут быть также исследованы со стороны „элементов движения“, как это практикуется одним из сторонников научной организации промышленности Ф. Джильтбетом.

Приведенные выше моменты и приемы в исследовании трудовых процессов являются материалом для научной организации социалистической

школы: по существу же во многом это оказывается попыткой перенесения приемлемых для социализма методов тейлоровского анализа труда в школьную практику. Это и неудивительно. Здоровое ядро тейлоризма, связанное с рационализацией труда, несомненно, будет включено в научную организацию социалистического хозяйства; а если это так, то социалистическая школа должна впитывать эти элементы в себя и по-своему в пределах школьных возможностей их ассимилировать.

И. Кан.

Задачи художественного образования

Буржуазное общество воспринимало искусство, как украшение жизни. Художники рассматривались, как производители украшения. Академия, призванная готовить художников так называемого чистого искусства, художников — прикладников и учителей искусства была вдохновляема единой диктуемой буржуазным государством тенденцией — консервировать художественные традиции.

Так было в области того, что называется чистым искусством, так было и в прикладничестве, т.-е. в так называемой художественной промышленности.

Старая академическая школа искусства была построена на изучении образцов классического искусства. Искусство академии вылилось в искусство, подражающее какой-либо из эпох, оставивших след в искусстве. Самый выбор образцов искусства, которым решала подражать Академия, определялся идеологией той части буржуазии, которая занимала главенствующее положение в стране, другими словами, стояла у власти.

Академия как в зеркале отражала буржуазную идеологию со всеми ее оттенками, придавая ей тот или иной стиль предшествующей эпохи. Она одевала своих натурщиков в панфиры и шлемы, вкладывала меч в их руки и брала орудием в те моменты, когда это от нее требовалось.

Несколько раз Академия, по требованию мелкой буржуазии, „демократизировалась“. Парижская Академия в конце XVIII века в лице своего руководителя, художника Давида, была выразительницей левой группы республики. Но та же Академия, в лице того же Давида, возложила лавровый венок на голову Наполеона, и тот же Давид сделался придворным живописцем и при его непосредственном участии культивировался и создавался стиль новой империи. Мелкобуржуазное преклонение перед личностью, перед отдельными героями и вождями мелкой буржуазии — столь характерное в эпоху реставрации — нашло свое полное выражение в картинах официальной Академии.

Со времени французской коммуны выдвигается ряд новых художников, выросших вне Академии. Разрушение Вандомской колонны, этого ложно-классического создания официальной Академии, художником Курбе, идеологом нового мышления, нового подхода к искусству, мы рассматриваем как попытку порвать с ложно-классической догмой и создать новую натуралистическую школу, основателем которой он и является. С этого времени появляются группы художников, выросшие и организовавшиеся вне Академии — Академия потеряла свое первенствующее положение. Все вновь образовавшиеся группы в области подхода к искусству безусловно связаны с Курбе. С этого времени началась жесткая борьба между Академией и художниками, выросшими вне Академии. В дальнейшем Академия все больше и больше теряла свое первенствующее значение и руководящую роль в искусстве, все больше замыкалась и отражалась стеной от живой жизни, от искусства, выросшего за ее стенами. Мелкое дворянство, бывшие титулованные эстеты, развенчанные князья и графы стали официальными ее покровителями; даже крупная буржуазия, ставшая у власти, не очень была заинтересована в ее процветании. Вне Академии в это время создавались многочисленные группы художников, дифференцировавшиеся на массу отдельных, так называемых, художественных течений. Это время сов-

падает с открытием частных художественных студий художниками, представителями тех или иных художественных течений. Все это знаменовало, что искусство, отражая буржуазное общество, вступило на путь крайнего индивидуализма. Таким образом вне Академии создавалась та анархо-богемская среда художников, которую мы застали у нас и за границей в момент октябрьской революции. Каково же было отношение буржуазии, стоящей у власти, к этим новаторам? Здесь мы видим следующую картину: какая-то сторона творчества этой вновь сложившейся анархо-богемской среды новаторов была нужна и выгодна буржуазии, и какая-то другая сторона была определенно враждебна буржуазии, и враждебна настолько, что буржуазия пускала в ход зонты и палки на выставках этих новаторов. В чем же заключалась выгодная и невыгодная сторона нового искусства для буржуазного общества, или какие индивидуальности новаторов были наиболее враждебны буржуазии и чем? Дело обстояло следующим образом: поскольку новое искусство, искусство новаторов выявляло идеологию буржуазного мирозерцания, постольку оно было приемлемо, но постольку выяснялось, что новаторы стремятся (хорошо или плохо—это другой вопрос) переоценить сложившиеся понятия об искусстве, его форме и содержании, постольку новаторы обнаруживали отказ от буржуазной романтики и метафизики, и попробовали вступить на путь более и менее объективного мышления, и с этой точки зрения стали подходить к анализу художественной формы, что в дальнейшем привело бы к новому материалистическому подходу в искусстве, постольку буржуазия не мирилась с новыми живописными течениями, остро чувствуя то враждебное ей, что крылось в новом искусстве.

С этой стороны очень интересна критика современных живописных течений и отдельных художников самих представителей этих течений. Интересны наши русские критики, например, Чулков и Бердяев, написавшие по несколько книг. Бердяев в своей книжке „Кризис искусства“ говорит следующее: „искусство должно будет создавать новые нематериальные формы, должно перейти в иной план мира“. Футуристы для этой цели не годятся, так как они, по выражению Бердяева, „больше верят в моторы и электрические лампы“.

Но если мы снимем весь налет буржуазной фантастики, которым обыкновенно окрашивают картины современных новаторов, то мы увидим под этим начало анализа художественной формы—и это есть одно из ценных явлений в современном искусстве. Новый объективный строго научный метод подхода подвергнет и искусство новаторов жесточайшей критике. Наметить этот новый метод подхода, основанный на научных данных—основная задача пролетарской критики и всей художественно-просветительной работы в области изобразительного искусства. Работа переоценки художественных явлений продолжается сейчас. Анализ художественной формы, столь характерный для современного искусства, еще далеко не закончен. Целесообразность, утилитарность, использование материала, признаки подлинного мастерства, и, наконец, основной вопрос—какова же практическая роль искусства в новой организации производства и общества, вот вопросы, которые подлежит разрешить пролеткульту и в зависимости от этого построить дальнейшую работу и переоценить и подвергнуть анализу как прошлые, так и современные художественные формы. Все эти вопросы, получают более определенный характер, когда мы подробно остановимся на анализе так наз. „художественной промышленности“ и вскрыем формы буржуазного быта. Предметы буржуазного быта, как-то: фарфор, бронза и другие, являлись до известной степени редкостью, образцами, изготовлялись в очень небольшом количестве и не предназначались для широких народных масс, а попадали к отдельным меценатам, коллекционерам, буржуа и в музеи.

Буржуазная аристократия с презрением относилась к тем предметам искусства, которые изготовлялись рабочими на фабриках и заводах под руководством нанятых ею же самой художников-прикладников.

Пользование старинными предметами искусства и образцами искусства музейного типа было совершенно недоступно для мелкой буржуазии, интеллигенции и рабочих.

Массы пользовались теми предметами, которые изготовлялись на фабриках и заводах, в большом количестве выбрасывались на широкий рынок, т.-е. „прикладным искусством“. Прикладное искусство требует массового производства, предназначается для широкого потребления и составляет громадную отрасль промышленности. Предметы прикладного искусства имеют совершенно естественное распространение и, приспособляясь ко вкусам улицы, отражают главным образом мелко-буржуазную идеологию.

Пролетариат не имел никакого влияния на методы и характер производства, он не мог выразить своей идеологии в искусстве.

Прикладное искусство являло собой один из самых ловких способов колоссальной наживы и пропаганды мелко-буржуазного обывательского уклада жизни.

Тенденции: „пей, да дело разумей“, „жена, не сердь мужа“, „война пыли“ красовались рядом с пейзажами и с соответствующими по стилю виньетками.

Техника дошла до такой виртуозности, что можно было изготовлять что угодно и из чего угодно, конструктивность изделия отошла на задний план, полезность предмета выродилась в забаву. Это повело к тому, что материал, как таковой с точки зрения его прочности, целесообразности той или иной обработки, потерял оценку и прежде всего в глазах самих прикладников.

Появилась в большом количестве имитация под материал. Гипсовые статуэтки царей и идеологов буржуазии окрашивались под бронзу, но не были из бронзы. Настоящей бронзой пользовалась буржуазная аристократия, улица же довольствовалась подделкой под материал.

Заграничная индустрия в этом отношении была несколько изощреннее. Стилизация предметов обихода там организовалась при помощи более квалифицированных художественных сил.

Мода на стиль прокатилась волной сверху до низу по всем слоям потребителя, благодаря хорошей фабрикации того или иного стиля крупными заводчиками. Такова мода на средневековые в Англии, стиль „Модерн“, повсюду русско-боярский стиль кустарных коопераций в России, подделки под восток, японские вещи, изготовляемые Германией и проч. Таким образом создавался за границей „квартирный быт“, несколько отличающийся от нашей улицы. Предметы мелкого масштаба преобладали, прочность, конструктивность исчезла. Здорового чувства, творческого отношения к материалу и его обработке как не бывало.

Т. н. художественная промышленность, как и действительное искусство, неудержимо шла к упадку и разложению.

Все это ясно указывает, что буржуазное общество не в состоянии было подойти творчески к тем предметам, которые изготовляли рабочий и художник. Вопрос о поднятии художественной промышленности и взаимоотношений ее с искусством становится на очередь дня.

От того, как подойти к решению этого вопроса, зависит судьба всего искусства в целом.

Первый период русской революции от февраля до октября характеризуется мелко-буржуазным бунтом во имя т. н. „свободного творчества“ вне зависимости от его применения и потребления.

После Октябрьской революции в первую очередь шло продолжение работы предыдущего периода (таков первый декрет—отказ диктатуры в искусстве).

В этот же период революции многие из художественно-просветительных деятелей занялись поиском кустарей и заговорили о том, что необходимо воскресить и поддержать кустарное производство.

Они рассуждали таким образом: в мелкой мастерской художник имеет возможность проявлять свою индивидуальность гораздо полнее, так как при минимальном техническом оборудовании предмет выполняется почти в ручной обработке и одним человеком заканчивается; разделение труда, механизация его, почти отсутствует. Но в таком рассуждении есть существенная ошибка, которая подрывает основы кустарного производства, заключающиеся в следующем: примитивная организация производственных процессов заставляет ку-

старей изготовлять вещи в ограниченном количестве и очень небольшого масштаба, не дает возможности перейти к конструкции сооружений, между тем, развитие промышленного государства выдвигает как раз эту задачу. Не имея возможности принять участие в выполнении именно этой задачи, кустарь всегда плетется в хвосте современной техники. В силу этого кустарное производство и занято главным образом изготовлением образцов кружевных вышивок, посуды и прочих вещей мелкого обихода, иногда же создает такие производства, которые вообще потеряли какой-либо смысл, как, например, существовавшие в Строгановском училище мастерские „резьбы по слоновой кости и рогу“ и тиснения по коже. В провинции и теперь устраивают мастерские выжигания по дереву.

Вместе с тем кустари в прошлом, не будучи организованным классом, не могли и в малой мере противопоставить свое творчество мелко-буржуазным образцам, которые навязывала им фабрика, и растворились в мелко-буржуазном, ремесленном прикладничестве.

Приближается момент, когда пролетариату понадобятся громадные здания, вмещающие десятки тысяч людей. Минимум усилий, минимум материала, максимум конструктивности—закон, по которому пролетариату предстоит строить свои задания.

Для осуществления этой задачи ему необходимо то же, что необходимо всегда. Ему необходимы, кроме фабрик и заводов оборудованные лаборатории, художественные мастерские.

Пролетарская художественная культура немыслима без рационально организованных учебных мастерских. До сих пор учебные художественные мастерские делились на мастерские чистого и прикладного искусства. Это деление в значительной степени обусловлено атрофией чувства материала, в результате чего признается законным метод оформления одного материала, как живописный мотив прилагать механически к другому материалу. Формовка материала, не считающаяся с самим материалом, есть своего рода астрология. Форма естественно вымирает, оскудевает, становится односторонней. Отдельный этап истории формы становится нормой. Уничтожение грани между двумя понятиями в искусстве—чистое и прикладное—тесно связаны с реабилитацией материала. Пора расстаться с романтическим представлением о художнике, как о жреце, совершающем торжественное служение перед алтарем чистого искусства, и засыпать ров, разграничивающий искусство от производства, от промышленности. Художественная культура вершилась вне производства, вне практической жизни. Настало время вывести искусство из состояния кастовой замкнутости безцельного снобизма. Необходимо всячески форсировать наступление такого момента, когда дуализм, культивированный современным прикладничеством, будет изжит, а учебные мастерские не будут уже обслуживать с одной стороны мастер „специалист“, чуждый каких-либо художественных традиций, с другой стороны художник—пресловутый „профессор живописи“, индифферентный к производству, разрешающий художественные задания в узких традиционных рамках изобразительности, а не непосредственно на материале, обслуживающем промышленность.

Таким образом мастерские должны представлять собою опытные лаборатории по обработке того или иного материала, в основу должно быть поставлено культивирование сознательного творческого подхода к фактуре, к цвету и конструктивным задачам.

Индивидуальные мастерские живописи и скульптуры не могут занимать того центрального положения, которое они занимали до сих пор.

Мастерские можно подразделить соответственно типу обрабатываемого материала, например, мастерские по твердому конструктивному материалу, как-то деревообделочные, металлические, обрабатывающие камень и проч. Наряду с практическими работами мастерских должна быть организована лаборатория, дающая исчерпывающие теоретические и аналитические познания конструкции сооружения и свойства материалов.

Эти задачи должны осуществляться непосредственно на том материале, который находит себе применение в производстве.

Лаборатория художественной формы не должна оперировать с чуждым производству материалом, а затем лишь механически прилагаться к новому материалу. Такая точка зрения, связанная с ложным представлением о художественных формах, витающих где-то независимо от целесообразности и конструктивности, связанной с обработкой материала, могла возникнуть лишь при отсутствии сознательного творческого отношения к материалу. Из изложенного следует: только вынужденной отчужденностью искусства от производства, сведения его роли к украшению барских покоев можно объяснить, что русское культурное общество проглядело богатое живописными традициями и живописными возможностями искусства вывески.

Наука об искусстве все еще находится в зачаточном состоянии. Особенно вредит это в одном отношении: трактуя какие-либо вопросы истории и теории искусства, теоретики и музееведы легко впадают в эстетический догматизм.

Преподается нормативная эстетика, т. е. трактовка тех или иных художественных канонов не в качестве исторического факта, не в качестве отдельного этапа истории художественной формы, а в качестве вневременных и абсолютных принудительных норм. Изучение художественного стиля вне исторической перспективы невольно ведет к самому безнадежному эклектизму. Необходим новый научный подход к искусству, свободный от субъективно-эстетической оценки, свободный от культа героев от искусства, подход оперирующий с художественными явлениями, как с социальным фактом.

А. Иванов.

Постановка работ в театральных студиях.

Настоящий исторический момент обязывает нас представить ряд конкретных данных в области строительства пролетарского театра. Но раньше, чем наметить эти практические мероприятия, мы вынуждены остановить наше внимание на некоторых чисто теоретических соображениях, которые неразрывно связаны с практической постановкой вопроса.

Развитие театральных методов и техники всегда бывает тесно связано с социально-экономическим положением страны. Примером может служить Греция, где техника и условия работы греческого актера, сцена, оркестр, хор, котурны, маски, хитон и особый способ произношения прямо вытекали из торгово-рабовладельческих отношений в Греции. Не менее ярким примером является настоящая театральная форма интимного театра — продукта фабричного производства. Интимный театр это особый род акционерной компании, управляющей вдохновением актеров.

Антрепренер это капиталист, актеры-пешки, бутафория в руках антрепренера. Отживающий буржуазный интимный театр с разделением зрителя и действующих лиц сменяет театр пролетарский — театр исторического момента пролетарской революции. Буржуазный театр, отходит в историю. Пролетарский театр, идущий сменить его, должен отделить здоровое ядро от навесенного сора и использовать его в деле строительства нового театра. Задача пролетариата создать свой классовый театр — основу театра будущего. Эти беглые замечания были необходимы, чтобы перейти к освещению организационных и педагогических методов.

После октябрьской революции культурное движение в области театрального искусства приняло массовую форму в виде образования безконечного числа драматических кружков, постановок спектаклей на фабриках, и заводах и в воинских частях. Это первый этап в развитии театрального дела. Вторым этапом является организация студий. Необходимы условия, помогающие рабочим в студиях ознакомиться с теоретической и практической работой

в познании театрального мастерства. Таких студий должно быть много в центре города и на окраинах. Следующим, третьим этапом является организация центральных студий путем отбора более одаренных, более глубоко воспринимающих театральные задания. Эти студии нужно взять на содержание государства, чтобы была возможность изучить театральную технику в совершенстве. Четвертый этап—организация центральной арены мастерской, где эти студии могли бы найти применение своего опыта в области исканий новых театральных форм, в разрешении проблемы творца и зрителя.

Работа театральных студий сводится в общем к изучению театрального мастерства, к оформлению творческих желаний, отражающих интересы рабочего класса. Театральный педагог должен вскрыть динамику внутренних желаний и действий студийца путем импровизаций и приемов обновления пьес. Человек не статическая величина, в нем заложена целая гамма внутренних движений, то, что мы называем динамикой чувства. Движение желаний, динамика чувств и интересны в театре. Вскрыть творческое желание студийца и дать ему развиваться—цель педагога.

Такая работа возможна в студиях, отрешившихся от старых рамок работы. Например, можно использовать всякое случайное явление, происходящее на сцене, введение новых действующих лиц; это вырабатывает технику приспособления, выявления желания, настроения и чувства. Можно также применять метод сегодняшнего дня, выполнение летучих заданий, т. е. выполнить какое-либо задание по решению коллектива в каждом отдельном случае по разному. Принципы внутреннего самовыявления и развития чувства художественной правды—основные методы изучения театрального мастерства. Чувство художественной правды дисциплинирует в самых простых упражнениях. Педагогическую работу нужно связать и с массовым зрителем.

Каждый спектакль, являясь репетицией к следующей более совершенной репетиции, должен вырасти по сравнению с предыдущим в зависимости от данного состояния коллектива. Творческий процесс есть процесс искания новых форм. Каждая публичная репетиция должна подвергаться критике массового зрителя, для чего рекомендуется устраивать диспуты о спектаклях.

Необходимо разбить старые традиции деления театра на зрителя и актера. Необходимо воспитание нового зрителя путем привлечения его к участию в постановке, вначале хотя бы в форме открытой критики. Таким образом студии не укрываются в лаборатории, а подвергают свою работу действительному анализу рабочих масс.

Новый актер в первую очередь должен быть гражданином, а для этого необходима в студии организация партийной работы и прохождение партийной школы, участие в субботниках, указывающих на значение свободного труда—это между прочим тоже одно из средств для установления контракта между зрителем и актером. Надежным студийцам необходимо после прохождения партийной школы давать ряд общественных поручений, отправлять их на фабрики и заводы, и там в общении с массами они разовьют свое коммунистическое „содержание“. Студии должны быть фабриками не только нового актера, но и нового человека-коммуниста. Новый актер должен выявить в театральной форме человека-коммуниста и коммунистический идеал. В исканиях люди познают друг друга и в творческом интимном общении нужно также проявлять коммунистические принципы. Руководители студий должны заботиться о создании коллективного творчества. Распределение ролей, анализ ролей, отношения одной роли к другой, перестановка сцен и общий план постановки должны стать предметом творчества всего коллектива. Необходимо творческая критика студийцев.

В отношении декораций и стилей постановки старым театром далеко не использована теория художественных контрастов. Московский Пролеткульт в своей работе пробовал применять принцип художественных контрастов в постановке разных актов одной пьесы, сообразуясь с настроением данного акта и имел результаты. Синтез искусств, как идеал театра будущего, в на-

стоящее время еще не осуществлен. В некоторых случаях он представляет из себя механическую смесь и вовсе не является органическим, химическим соединением, представляя нечто вроде заплатки на новом костюме. Для органического соединения искусств необходима их централизация, подчинение общей работе над данным театральным зрелищем. В настоящее время в театральных постановках литература, музыка, живопись, скульптура и архитектура играют подсобную роль. Только гармоническое сочетание в творческом синтезе слова, движения, краски, линии, света, цвета и эмоции даст подлинный театр будущего.

Репертуар должен создаваться самим театральным коллективом. Потому в готовых уже пьесах возможны всякие переделки, купюры, новое толкование, возможны различные инсценировки разнообразных художественных произведений.

Театральной музыке следует обратить внимание на организацию сценических звуков и шумов, нужных для данного зрелища.

Живопись распределяет цвета, свет и линии наиболее ярким и выразительным для данного зрелища образом.

Скульптура помогает наполнить содержанием ряд нужных вещей (бутафория, орнамент и т. д.).

Архитектура приносит в театр свой опыт гармонического сочетания частей и распределения пространства.

Педагогу в его работе в студиях необходимо применить метод сначала анализа явления, а потом синтеза.

К числу предметов, необходимых для преподавания в студии относятся:

1. Дикция-произношение.
2. Постановка голоса.
3. Декламация-законы художественной речи.
4. Импровизация.
5. Сценические упражнения.
6. Ритмика по Далькрозу.
7. Пение и музыка.
8. Беседы о театре.
9. Эстетика.

1. Дикция-произношение.

Путем ряда упражнений (артикуляция, скороговорка и пр.) развивается речевой аппарат.

Предмету отводится в среднем 3-4 часа в неделю.

2. Постановка голоса.

При применении единого естественного метода каждый человек, умеющий хорошо говорить, будет обладать и вполне доброкачественным голосом, голосом который, при наличии музыкальных способностей, можно утилизировать для пения. И наоборот; каждый правильно поющий артист должен неизбежно правильно и отчетливо говорить, ибо эти две способности неразрывно между собой связаны, являясь результатом естественных движений голосового и мимического аппарата.

Неумение правильно пользоваться своим речевым и дыхательным аппаратом неизбежно отражается на сценической стороне вокального дела. Только наличие полной свободы движений, естественной и правдивой мимики, независимых от качества звука, могут поставить наше вокальное и драматическое (сценическое) искусство на должную высоту, каковое освобождение певца и артиста достижимо только при приобретении совершенно естественных привычек, что достигается естественным методом постановки голоса и речи.

Звучный, красивый голос и правильная отчетливая речь являются результатом естественной, выразительной мимики, при полной свободе головы, шеи, туловища от вредных и излишних напряжений, почему обучение певца или драматического артиста (также как и ораторов, лекторов и т. п.) должно начинаться именно воспитанием его мимического аппарата, дабы создать в

учащемся прочные естественные привычки, являющиеся фундаментом для дальнейшего развития и художественного совершенствования.

Совершенно прекрасное в голосе заключается в следующем: 1) в прекрасных качествах тембра, 2) в большом протяжении гаммы, которую голос может пройти и 3) в полноте и звучности.

3. Декламация—законы художественной речи.

Преподавание декламации следует вести в самостоятельных классах: 1) техники речи, 2) индивидуальной декламации и 3) коллективной декламации.

Класс техники речи (дикция) имеет своим заданием: 1) сообщить учащимся ясность тона, чистоту и правильность произношения; 2) развить в них способность непринужденного владения тоном по его трем исправлениям: высота, сила и продолжительность, как порознь, так и комбинированно; 3) изложить учащимся все сведения, необходимые для самостоятельного выполнения логического анализа содержания; 4) воспитать в учащихся способность ощущения голосования, ритма, строя, тембра и темпа.

Предмету отводится в среднем 2 часа в неделю.

Практический класс индивидуальной декламации имеет своей целью воспитать в учащихся способность самостоятельного построения декламационных форм соответствующих эмоциональному содержанию выявляемого материала. При разработке декламационного материала выдвигается субъективный момент отношения читающего к содержанию произведения. Анализ содержания производится по методам замыкания читающего в цепь переживаний составных частей произведения. Особое внимание уделяется моментам сцепления частей (модуляция), где учащимся ставится задание найти соответствие между эмоциональной и тональной модуляцией.

Литературным материалом в классе индивидуальной декламации могут служить произведения, заключающие в себе элементы радости, призыва к борьбе и труду, светлого юмора и тонкого сарказма. По своему содержанию класс этот является классом художественно-агитационной пропаганды. Его непосредственной практической задачей является подготовка революционно-агитационного репертуара для выступлений студий пролеткульта.

Предмету отводится в среднем 4 часа в неделю.

Коллективная декламация имеет весьма большое значение не только как художественная форма творчества в сильнейшей степени заражающая массу своей динамикой, но и как метод коллективного творчества, наиболее ярко обнаруживающий все преимущества этого последнего перед творчеством индивидуальным.

В этой работе, как нигде более, учащийся чувствует себя неотъемлемой частью целого, вливающей, и в то же время подчиненной, отражающей в себе целое и вместе с тем в этом целом отраженной, сцепленной неразрывно со всем творческим коллективом, чувствующим себя органически целостным, живым, динамическим, многоглавым существом, могущим ощутить и передать чувства и мысли масс, их борьбу, движение стихий,—словом, все те динамические явления, которые не поддаются осуществлению силами отдельного индивидуума.

Литературным материалом могут служить произведения того же содержания, что и в классе индивидуального чтения, с той разницей, что для коллективной декламации выбираются произведения, заключающие в себе мысли и чувства массы, движения стихий. Центральным является момент динамический. Анализ содержания таков же, как и в классе индивидуальной декламации, т.е. по методу замыкания в эмоциональную цепь. Из технических особенно выдвигаются моменты музыкальные: ритм, строй, тембр, мелодика и темп. Принципы получают здесь особенно яркую возможность выявления, что весьма ценно в смысле наглядности для учащихся. Следует также отметить воспитательное дисциплинарное значение этих занятий, развивающих коллективное внимание и фантазию студии в целом.

Предмету отводится в среднем 4-6 часов в неделю.

4. Импровизация—свободное выполнение сценических задач.

В импровизации студийец, не связанный никакими предварительными условиями, выполняет данную тему совершенно произвольно.

Импровизация дает студийцу большой простор для выявления фантазии и помогает ему находить в душе яркие краски, неожиданные комбинации.

В импровизации особенно ярко скрываются объем, качество и дефекты художественных дарований студийца.

5. Сценические упражнения.

Цель преподавания сценических упражнений—развитие в учащемся внимания, воли, фантазии и внутренней сценической техники (акробатика эмоции).

В основу преподавания можно положить систему Станиславского, методы которого наиболее из всех существующих театральных систем отвечают заданию искреннего выявления зарождающихся творческих желаний ученика. Бесперывное течение и изменчивость чувства окрашивается путем целого ряда упражнений, в нужный и заданный цвет. Путем сценических упражнений студийец научается выполнять сценическую задачу,—данную автором, или режиссером, или всем творческим коллективом, приближается к собственным желаниям студийца, и он действует в тоне найденного, нового сценически-повышенного ощущения. Изучить природу своего чувства, научиться анализировать данный момент своих переживаний и найти в них точку опоры для выполнения сценической задачи, ощутить нормальное течение сознательной жизни в сценических условиях, бесконечно, всегда снова и снова искать—должен студийец на уроках сценических упражнений.

6. Система Далькроза—ритмика.

Система ритмики по Далькрозу включает в себе сложную сеть многочисленных упражнений, преследующих самые разнообразные цели. Упражнения эти могут быть подразделены на отдельные группы, объединенные общим характером. Можно наметить следующие группы:

1. Музыкально-ритмическое.

2. Пластико-гимнастические.

3. Волевые.

4. Выразительные (подготавливающие к пантомиме).

5. Ритмические игры, этюды, танцы, пантомимы, и прочие массовые упражнения.

Это богатство делает систему чрезвычайно гибкой в смысле ее приспособления и изменения соответственно возрасту, полу, характеру, специальности, качествам и недостаткам учеников. С детьми занятия ведутся иначе, чем со взрослыми, мальчикам могут ставиться не те задачи, что девочкам. В музыкальных школах центр тяжести на музыкально-ритмических упражнениях, в театральных на выразительных, с одними на волевых—концентрирующих внимание, с другими—на пластико-гимнастических и т. д. Соединение всех этих задач приводит к тому результату, который может считаться конечной целью *всей системы*, а именно, к выработке гармонической личности, прекрасной телом и крепкой духом. Конечно, результаты эти достигаются не сразу, а после длительной и регулярной работы.

Система Далькроза разработана уже так детально самим творцом ее, что в ней существует, конечно, целый ряд, вполне зафиксированных приемов и проверенных опытом прекрасных методов, но наряду с этим, преподавателю дается безграничный простор для личного творчества и поисков методов. Так, например, музыкальный счет и изучение соотношений между различными звуковыми длительностями—представляют собою зафиксированные приемы, исходящие из элементарной теории музыкального ритма, но личный талант преподавателя может превратить простые чередования четвертей, половинных и восьмых в осмысленные мелодии, проникнутые определенным настроением и таким образом незаметно для самих учеников перенести их из области чисто двигательных ощущений и арифметического расчета в область чувства и переживания.

В театральных студиях пролеткульта, считаясь с почти совершенно неподготовленностью студийцев в смысле музыкального образования, рекомендуется чередовать методы, *ведущие от сознания к чувству* (сравни метод Станиславского) с методами, *ведущими от инстинкта к сознательности*. Так, после вполне рассудочного сознания каких-либо ритмических комбинаций, дается на этот же ритм драматическая задача, в которой только что усвоенный ритм должен исполняться уже совершенно произвольно. Рамки метра и ритма при этом не только не должны стеснять, но, наоборот, должны вызывать особую искренность жеста, так как, сливаясь с ритмом, исполнитель сливается воедино так же и с чувством, одухотворяющим в этот момент музыканта. И, наоборот, можно пойти прямо от инстинкта и потом уже в спокойном состоянии давать студийцам проанализировать свои движения с точки зрения музыкального ритма.

Итак, в музыкальном направлении 3 задачи стоят перед преподавателем ритмики: 1) Ритмическая сознательность; 2) Ритмический инстинкт; 3) Чувство, т.-е. передача в движениях стиля и настроения музыки.

Затем в области *воспитания воли*: 1) Выработка внутренней и внешней дисциплины; 2) способности к сосредоточению внимания; 3) быстроты и правильности реагирования на внешние приказания; 4) уничтожение вялости, апатии, а также и нервной суетливости, выражающейся в массе лишних движений (сравните систему Станиславского).

В пластико-гимнастическом отношении задачей педагога ритмики должно быть развитие ловкости, непринужденных движений, а также выработка естественного выразительного места, отвечающего поставленным музыкально-драматическим задачам.

Рекомендуется на каждом уроке ставить какие-нибудь массовые ритмические игры—танцы. Эти игры неизменно рожают в участниках здоровое бодрое настроение.

Различные студии пролеткульта (музыкальные, изобразительного искусства, литературные и т. д.) должны непременно соединиться в опытах синтетического творчества, легче и проще и естественнее сделать это в театральном действии.

Особое внимание следует обратить на первое впечатление от прочитанной пьесы или сценария, на тот восторг предчувствий и творчески возникших образов в индивидуальном сознании каждого из студийцев, который объединяет всех в данную минуту в едином творческом порыве.

Эту запавшую искру следует усиленно раздувать, пока из нее не возгорится пламя совместного коллективного действия в театре. Нужно усвоить взгляд на каждую отдельную роль, как на часть общей творческой работы. Потому нет плохих или невыгодных ролей для творящего коллектива, ибо каждый действующий выявляет в данном зрелище не себя, а осуществляет общее для всех творческое задание. Потому и самочувствие каждого отдельного участника в общем коллективном творческом процессе, будь у него роль отрицательного характера или очень небольшая роль, или центральная роль,—должно быть одинаково радостно. И это является неслучайным условием для достижения успеха в поисках пролетарского театра. В самом сценическом действии этот коллективный творческий процесс выявляется в живом общении действующих между собой.

Этому можно и должно поучиться. Театр располагает тремя главными красками: 1) слово (произношение, смысл, литература, музыка, речи и т. д.),— 2) движение (танец, жест, ритм, динамика красок) и 3) эмоция. Художественное направление пролетарского театра это синтез красок театра. Потому в театральной педагогике вначале необходимо широко применять метод анализа и изучения по частям красок и средств искусства театра, а затем их творчески синтезировать.

1) Изучение слова, как театральной краски распадается на ряд следующих предметов: дикция (произношение букв, слов и фраз, развитие рече-

вого аппарата). Постановка голоса (дыхание, положение органов звука, упражнение голосового аппарата). Декламация (законы художественной речи, анализ литературных произведений с точки зрения художественного чтения. Методы Дельсарта и Волконского. Пение и музыка (расширение тонального диапазона, развитие слуха, эстетика звука). Импровизация—слова в сценическом действии (опыт творчества слова, рождение слов из предложенных сценических обстоятельств).

2) Изучение движения—спорт (развитие тела закладывает основание в человеческом организме возможности работы над движением). Пластика (эластичность мышц). Ритмика (выработка способности ритмически управлять движением. Система Далькроза). Импровизация движения (упражнение творчески пользоваться движением для выявления данного задания—без слова).

3) Переживания—сценические упражнения (воспитание воли, внимания и фантазии. Система Станиславского). Музыка (слушание музыки, музыкальная тема—сценическая задача, осознание неясных ощущений. Импровизация (перевоплощение, образы, совместное действие и т. д.).

В настоящее время можно предложить вышеуказанные методы и направление работ на опыте двухлетней работы, давшей уже свои определенные результаты.

8. Беседы о театре.

Смысл этих бесед—развитие критического отношения у студийца к существующим театральным направлениям, осознание работы данного театрального коллектива в цепи истории театра и современного театра.

Главнейшие театральные направления прошлого в связи с экономическим базисом:

1. Театр варваров: празднества, религиозные церемонии. Техника „игры“, импровизация, маски, костюмы, предметы церемоний (бутафория и реквизит).

2. Греческий и римский театр. Рабовладельческая демократия. Импровизации (шествие с полем), танцы и пляски на празднествах. Празднества, связанные с земледелием, с войной, с торговлей. Появление театральной литературы. Еврипид, Софокл, Эсхил и Аристофан. Быт. Рабы—актеры. Сценическая техника; котурны, маски, рупоры, костюмы, манера говорить, место театральных представлений.

3. Местерии. Церковь становится властью. Осознание театрального искусства, как трибуны агитации. Религиозное содержание пьес. Действие в церкви, действие на паперти, действие на площади. Театральная техника: актеры—священнослужители, профессиональные актеры, манера, игры, грим, костюм, декорации.

4. Быт. Общественная критика. Манера игры. Постоянные штампованные образы. Новое содержание—новая форма. Революция театра.

5. Театр двора в эпоху абсолютизма. Ложно-классический театр. Литература. Карьеризм авторов и актеров. Рампа. Костюм. Грим. Декорации. Манера игры.

6. Театр Шекспира. Техника сцены и техника пьесы.

7. Театр революционной буржуазии. Празднества великой французской революции. Водевиль. Героические пьесы. Манера игры. Большой театральный зал. Грим. Костюм. Декорации.

8. Французская школа: Коклен старший. Манера игры. Научный анализ роли. Психология. Школа предстателей. Поссарт. Сарра Бернар.

9. Театр Вагнера. Театр Фукса. (Мюнхенский художественный театр). Поиски новых театральных красок. Рельефная сцена. Проблема зрителя и артиста. Мечты о синтетическом театре. Театр Крега—искания новой формы. Тоска и безнадежность. Искусство для искусства. Марионетка, как идеал артиста. Свободное развитие творчества невозможно при условии фабрикации театральных товаров. Изощренность сценической техники. Машины. Реклама. Зависимость от прибыли. „Театрокрания“ Н. Евреинова.

10. Интимный театр, как современная форма капиталистического театра. Театр—фабрика. Миниатюры. Спрос и предложение. Антрепренер. Режиссер. Литератор. Художник. Музыкант. Актеры. Социальное положение актера.

11. Далькрос и его система. Движение, как театральная краска. Пантомима. Балет.

12. Школа переживаний. Сальвини, Беллоти, Бони, Щепкин, Шумский. Дузе, Станиславский. Почему в прошлом была возможна эта школа. Ее жизненность, ее возможности.

13. Футуризм, символизм, импрессионизм, реализм—не школы, а театральные направления.

14. Задачи и роль театра. Взгляд на артиста, как на бесполезного члена общества, как на паразита. Социальная роль театра—организация сознания. Эластичность театра, как искусства данного социального момента.

15. Театр старый, театр буржуазный, театр пролетарский и театр коммунистический. Оформление в театре нового сознания. Элементы будущего театра в настоящем.

16. Творящий: гений, талант. Аффективный аппарат, улавливающий вибрации будущего в обществе данного времени. Сознание и подсознание.

17. Элементы творческого состояния. Напряженное желание. Использование данного материала и техники. Создание нового материала и новых технических приемов (преодоление). Форма.

18. Закон специфической энергии. Органы восприятия физических явлений. Понятие случайности. Восприятие влияний. Авторитет, равный, ниже стоящий.

19. Внимание, фантазия, воля и труд.

20. Воспринимающий. Авторитетность. Влияние рекламы. Отсутствие критицизма. Мечта по поводу зрелища. Увлечение зрелищем. Порывы к действию. Сковывающее влияние традиций зрительного зала.

21. Воспитание зрителя. Освобождение. Метод. Метод свободного обмена мнений. Методы вовлечения в действие. Массовый театр, как творческий синтез зрителя и актера.

22. Перспективы. Градущий театр. Пролетарский театр. Пролетарский театр, как фабрика нового человека-коммуниста. Творческий процесс есть трудовой процесс. Организация „вещей, людей и идей“.

Создать новую технику театра, не считаясь со старой, невозможно. Новая техника рождается только путем преодоления старой в творческом процессе. Зрителя можно воспитывать путем ознакомления с театральной техникой. Нужно выявить свое действие зрителю в гармонии с действием актера, и это удобно в импровизации. Массовый театр—это мечта, огонек, к которому тянется рабочее творчество. Осуществлению его, как театру постоянному, мешает целый ряд природных условий.

Мысль о возрождении театра Шекспира опасна, так как цель и задачи пролетарского театра в искании новых путей (пользуясь старыми, но не возрождая их) постоянное беспокойство и стремление сформировать творчество нового момента.

Вал. Смышляев.

С чего и как начинать работу в области музыкального искусства.

Место музыки в пролетарской культуре, как фактора, пересоздающего внутреннюю природу человека и организующего чувство и волю масс, определено еще резолюцией Первой Всеросс. Конференции Пролеткультов. Нам остается только добавить, что будущая музыка совместно с другими искусствами должна быть не только выразителем новой жизни, но и активным

элементом строительства ее. В настоящий момент нам необходимо наметить конкретную программу деятельности пролеткультов в области музыки, определив, хотя бы в общих чертах, и ее методы.

Теоретически всю работу можно разбить на три ветви: культурно-просветительную, научно-изыскательную и культурно-творческую. На практике все эти отрасли настолько тесно переплетаются между собой, что часто невозможно бывает провести какого-либо разграничения.

Работа чисто просветительная по существу своему не входит в программу работ пролеткультов и является неизбежной, как *подсобная*, неразрывно связанная с работой научно и художественно творческой. Волею законов творчества пролетариат должен будет использовать старое наследие для созидания новых ценностей, почему овладение этим наследием и является для него насущной задачей.

Музыкальное наследие прошлого заключается в образцах художественного творчества коллективного (народного) и индивидуального, в технике воспроизведения их и в науке о музыке.

При усвоении этого материала пролеткульты должны помочь пролетариату отнестись к нему критически и оценить его со своей пролетарской точки зрения.

Для осуществления этого пролеткульты организуют концерты, лекции и беседы, приглашая для этого необходимых специалистов, а также пользуясь и своими уже в достаточной мере подготовленными пролетарскими силами.

Концерты должны носить безусловно художественный характер и протекать в серьезной и даже торжественной обстановке при соблюдении строжайшей тишины и дисциплины.

Концерт не должен быть простым „ознакомлением“ с произведениями музыкального искусства, но действием, в котором артисты и слушатели сливаются внутренне для высочайших и благороднейших человеческих переживаний.

Не нужно забывать, что высоко-художественное исполнение может создавать неизгладимое впечатление, которое может жить в человеке всю жизнь, как постоянный толчок и побудитель к творчеству.

Поэтому лучше дать один действительно ярко-художественный концерт, чем пятьдесят таких, которые оставляют в слушателе бледные впечатления.

Программы концертов должны быть строго продуманы и содержать в себе только величайшие образцы музыкального творчества общечеловеческой значимости, или же такие, которые являются типичными для какого-нибудь направления, эпохи или поворотного пункта в развитии культуры вообще.

Концерты следует сопровождать лекциями, вступительными словами, а также и беседами при участии всей аудитории.

Было бы весьма желательно, если бы программа концерта составлялась согласно прослушанному циклу лекций, и слушатели уже в своих студийных занятиях подготовились бы к ее восприятию.

В лекциях необходимо отмечать связь данного музыкального стиля с соответствующей ему эпохой, ее социально-экономическими и этическими факторами; также важно и сопоставление музыки с другими искусствами.

Во вступительном слове не следует уделять много внимания анатомированию структуры произведения, или его программой стороне, отвлекая таким образом внимание слушателей на внешность произведения, а подчас даже навязывая слушателям свое собственное понимание. Словами музыки рассказывать нельзя и цель вступительного слова должна заключаться лишь в том, чтобы подготовить и *сфокусировать внимание* слушателей, предоставляя им по-своему воспринять каждое исполняемое произведение.

После концертов (необязательно в тот же день) весьма полезно устраивать товарищеские беседы, на которых и может выявиться критическое отношение прослушанному.

Кроме ознакомления с образцами европейской культуры музыки и изучения их, должно обратить самое серьезное внимание на народное музыкальное творчество всех наций, так как там имеется бесконечно разнообразный музыкальный опыт, который далеко не весь вошел в европейскую музыку.

Необходимо самое основательное изучение русского народного музыкального творчества.

Отрицательные свойства (с точки зрения пролетарской культуры) русской народной песни, к каковым следует отнести имеющийся в ней пессимизм, безысходность, покорность судьбе и другие отражения феодальной жизни, или несовременность текста, искупаются положительными ее качествами.

К положительным свойствам мы относим отражение в русской песне коллективно-трудовых элементов первобытной коммуны, коллективное происхождение песни, при чем в нее влились художественные элементы творчества многих народов, населяющих Россию, и, главное, ее чисто музыкальные достоинства и оригинальность, служащие могучим рычагом в борьбе со многими закоснелыми приемами и оборотами европейской культурной музыки.

Для усвоения весьма ценных особенностей ритмики, формы, мелодики и гармонии русской песни необходимо, чтоб эти песни разучивались и исполнялись пролеткультовскими студиями.

Вообще же для ознакомления с народным творчеством лучшим методом должно являться исполнение музыки самыми народными певцами и музыкантами с их национальными инструментами.

Возможно ознакомление посредством граммофона или фонографа, а также и исполнение песен с фортепьяно в художественной обработке лучших мастеров музыкальной композиции, имея, однако, в виду, что фортепьянный строй в значительной мере искажает подлинную интонацию и тембр народной музыки.

К народному творчеству мы также относим и чисто рабочие песни, собиравшие которых, художественная обработка их и разучивание является первой и необходимейшей задачей пролеткультов.

Многие из прежних революционных песен также должны быть постоянным материалом пролеткультовского репертуара, несмотря на их подчас невысокую художественную ценность, как песни неразрывно связанные с революционной борьбой. »

Что касается новых революционных песен, то из них должны получить распространение только те, которые ценны в художественном отношении, в противном случае пролеткультам будет угрожать засорение суррогатами музыки, которых так много и в прошлой культуре, и борьба с распространением которых является одной из важных задач культурно-просветительной работы вообще. ✓

Задачи работы научно-изыскательной настолько широки, что в настоящий момент еще невозможно полностью осветить все вопросы, составляющие их.

Наука о музыке в строгом смысле этого слова не существует; многие теоретические предметы, относящиеся к музыке, носят разрозненный частный характер и похожи иногда скорее на рецепты, а не на стройные системы, как это подобало бы им. Еще более безотраднее картина по отношению к науке и технике, сделавшим такие колоссальные завоевания в XIX веке.

В самом деле, современное человечество владеет такими чудесными приборами, как, напр., телескопы, микроскопы, спектроскопы, радиотелеграфы, телефоны и бесконечное множество других тончайших приборов и машин, и, на ряду с этим, прекраснейшее из искусств—музыка пользуется грубейшими, по сравнению с выше перечисленными, приборами и инструментами, каковы например: рояль, скрипка, труба и все остальные музыкальные инструменты.

Смешно и обидно констатировать, что такой могучий и тончайший фактор, как электричество, использован в музыке до сих пор почти исключительно как грубая сила, для вращения, например, валов, грубейших механических музыкальных инструментов и т. п.

Приходится прямо поражаться тому чудовищному несоответствию средств музыкального искусства со всеми грандиозными завоеваниями науки и техники. Если коснуться сколько-нибудь подробно этих вопросов, то самая незначительная часть их должна составить предмет громадной статьи или даже целой книги, а потому попытаемся лишь в самом кратком виде наметить те задачи, разрешение которых, по нашему глубокому убеждению, повлечет к созданию действительно новой, колоссальной и фантастически неслыханной музыкальной культуры.

В задачи научно-изыскательной работы должно входить: 1) научное исследование музыкальных явлений в планах физическом, физиологическом и психическом; 2) критическое исследование и переоценка как звукового материала, так и приборов и инструментов, употребляемых в музыке; 3) изыскание новых путей и технических возможностей музыкального творчества и воспроизведения его; 4) изыскание новых методов пролеткультовской студийной работы.

В связи с этими общими заданиями работы, пролеткульты должны приступить к разработке в первую очередь следующих важнейших вопросов:

1) научного изучения народного музыкального творчества всех наций в целях точного установления звукорядов, которыми пользовались и пользуются различные народы; изучения ритмов, форм, звуковых сочетаний и тембров народной музыки.

Эта работа должна привести в известность и систематизировать разнообразный музыкальный опыт, дабы создать основательную базу для дальнейшего поступательного движения музыкального творчества.

2) В связи с результатами предыдущей работы, а также акустическими законами природы, должен быть поднят вопрос о преобразовании прежней, искусственной и устаревшей равномерно-темперированной тональной системы.

Уже один этот вопрос является, в сущности говоря, вопросом новой музыкальной культуры. Сюда же примыкает вопрос о новой точной записи музыки.

3) Изучения тембров и шумов с целью более широкого использования их для художественного творчества.

4) Усовершенствования музыкальной репродукции (в частности фонографа, граммофона и др. приборов), а также передачи музыкального исполнения на расстояние.

5) Усовершенствования старых и изобретения новых музыкальных инструментов.

6) Усовершенствования акустических качеств аудиторий и помещений для массовых музыкальных собраний на открытом воздухе.

7) Проектов изменения звукового облика современной городской жизни.

8) Гигиены при занятиях музыки.

9) Научной постановки преподавания вокального искусства.

10) Изучения музыки с социалистической точки зрения.

11) Взаимоотношения между музыкой и трудом.

12) Синтеза музыки с другими искусствами и многих других неразрешенных и даже еще непоставленных вопросов.

Для разрешения вышеупомянутых задач пролеткульты организуют при Муз. Отд. научно-технические подотделы, приглашая необходимых специалистов. Научно-технические подотделы организуют музыкально-акустические лаборатории, мастерские и т. п., а также и делают соответственные заказы другим ученым или техническим организациям республики.

К этой работе привлекаются и студийцы, в случае их достаточной подготовленности или выявления с их стороны, например, изобретательных способностей.

Вследствие острого недостатка в работниках-специалистах по этим вопросам, а также и трудности организации лабораторий и мастерских научно-технические подотделы могут быть организованы лишь при Ц. К. или при столичных пролеткульттах.

Работа культурно-творческая имеет своею задачею дать возможность представителям пролетариата выявить свое творчество во всех отраслях музыкального искусства с целью создания новых ценностей.

В чем же может выразиться пролетарское творчество?

Наметим ожидаемые нами формы этого творчества.

Во-первых, пролетарское музыкальное творчество выразится в художественном исполнении музыкальных произведений; здесь нетрудно предвидеть художественные исполнительские коллективы, как-то: хоры, оркестры, ансамбли и всевозможные комбинации их; естественно, что из этих коллективов выделяются и индивидуальные исполнители—артисты, как певцы, так и инструменталисты.

Во-вторых, творчество выразится в сочинении музыки; здесь возможны различные формы, как-то: индивидуальное творчество в сотрудничестве с товарищами, когда, например, сочинение, задуманное одним, дополняется или перерабатывается другими товарищами, согласными в общем с первым по направлению и вкусу.

Можно также произвести опыты хорового сочинения песни (сочинение подголосков в главной теме), и это будет уже чисто коллективная форма.

Возможно также сотрудничество композитора с художниками других видов искусств в целях синтетических достижений.

В-третьих, пролетарское творчество может выявиться и в прикладных областях музыки, например, в создании науки о музыке, в технических усовершенствованиях и изобретениях, в создании новых методов педагогики.

Для достижения этих задач пролеткульты организуют студии, где и в сплываются будущие пролетарские артисты-исполнители, дирижеры, композиторы, ученые, конструкторы и мастера.

В студии привлекаются преимущественно представители индустриального пролетариата, а в отдельных случаях и представители других классов, так или иначе близкие задачам пролеткульты, или способные их понять.

Весьма важно привлекать в студии пролетарских детей, так как исполнительская инструментальная техника и особенно композиторская требуют продолжительной, упорной работы художника с детского возраста, когда еще не огрубели руки, или когда человек имеет еще свежие способности овладеть в совершенстве разработкой и записыванием своих музыкальных мыслей.

Студии возможны нескольких типов.

Начальная студия ведет работу в плане общего музыкального развития, зачерпывая пролетарскую массу без особо строгого отбора в отношении музыкальных способностей.

Приблизительная программа занятий такова:

А) Предметы обязательные для всех студийцев.

1) Прохождение музыкальной грамоты преимущественно на художественных образцах народного и индивидуального творчества.

2) Хоровое пение.

3) Ритмика по системе Ж. Далькроза или сходной с ней.

4) Слушание и восприятие образцов народного и индивидуального музыкального творчества (обязательно в художественном исполнении), а также лекции и беседы по музыке.

Б) Предметы специальные.

1) Изучение игры на народных инструментах, преимущественно домрах четырехструнных в квинтового строя (домра Г. Любимова); возможно прибегать и к гим инструментам, каковы: гусли, свирели, жалейки, лиры, рожки и т. п.

2) Игра в ансамблях и оркестрах из народных инструментов.

3) Возможна организация начальных классов по фортепиано, скрипке, виолончели, а также и другим струнным и духовым инструментам духового или симфонического оркестра.

4) Возможны начальные опыты сочинения музыки (преимущественно с детьми).

В студию центральную (городскую или губернскую) принимаются преимущественно студийцы из начальных студий со способностями выше средних.

Программа занятий в центральных студиях более расширенная и углубленная по сравнению с районными. Здесь организуются специальные отделения; добавляются следующие предметы:

1) класс сочинения музыки,

2) класс вокального и инструментального ансамбля,

3) предметы общего развития: история культуры, история искусств; эстетика и т. п.

4) вводится курс общественных наук.

При центральных студиях могут быть организованы инструкторские отделения по хоровому делу, по ритмике и по преподаванию игры на музыкальных инструментах.

В настоящее время следует считать своевременной и необходимой организацию Всероссийской музыкальной студии при Ц. К. В. Пролеткульта, где пролетарии с исключительными выделяющимися способностями могли бы завершить свое художественное и общественное развитие.

Из всего вышеизложенного сами собой вытекают и методы работы, которые можно формулировать лишь в общем виде, по условиям размера настоящей статьи.

Кроме того следует ожидать, что в области методики пролеткульта, ведя лабораторную и научную работу, найдут в будущем много нового, не избежав, конечно, попутно и некоторых временных ошибок.

Итак, в основу начального и последующего развития мы кладем прохождение музыкальной грамоты на живых художественных образцах, хоровое пение и ритмику, как методы коллективные, а потому ценные с общественной точки зрения, с другой же стороны как наилучшие способы развития слуха, памяти ритмического чувства и чувства формы.

Обучая игре на музыкальных инструментах, мы предпочитаем метод индивидуальных занятий со студийцами при обязательности совместной игры в ансамблях и оркестрах.

Мы считаем крайне необходимым пересмотреть весь материал технических упражнений в смысле его чисто художественной ценности, дабы избежать прежних ошибок преподавания, когда этот материал, давая пользу технически, приносил одновременно громадный духовный вред, влияя на эстетический вкус ученика.

Ведя студийную работу, пролеткультисты не должны ограничиваться только ею и по мере возможности должны участвовать в пролетарских концертах, народных торжествах и празднествах с целью пропаганды своих достижений, а также и восприятия элементов новой жизни. Само собой разумеется, что эти выступления не должны быть в ущерб текущей работе.

Особо важным вопросом является преподавание техники сочинения музыки; прежние методы следует считать неудовлетворительными, выработка же новых находится в зачаточной стадии. Мы можем все-таки обратить внимание на следующие важные на наш взгляд пункты этого дела:

1) Необходимо, чтобы будущие пролетарские композиторы, кроме основательного изучения великих образцов индивидуального творчества, не менее основательно изучали бы образцы народного творчества, где имеется много приемов, еще не вошедших в европейскую культурную музыку.

2) Желательно обратить особое внимание на развитие мелодического творчества.

3) Желательно воспитывать вкус студийца в направлении великой простоты, свойственной классикам, а также и образцам народного творчества, оставляя в стороне излишнее увлечение внешностью сочинения, столь свойственное большинству композиторов последнего времени.

В заключение мы считаем необходимой организацию Музыкального отдела при Ц. Р. Всероссийского Пролеткульта, который установил бы контакт в работе Муз. Отд. пролеткультов, обеспечил бы взаимный обмен достижениями различных пролеткультов, организовал бы Всероссийскую Студию, руководил бы ее работами, а в некоторых случаях и помогал бы своими систематическими указаниями провинциальным пролеткультам.

При отсутствии центрального, объединяющего всю музыкальную работу органа нарушаются элементарные принципы коллективизма в работе пролеткультов, и мы выражаем надежду, что организация такого органа последует в ближайшем будущем.

Б. Красин.

Всероссийский Съезд Пролеткульта.

После двухлетней работы Центральный Комитет Пролеткульта созвал Всероссийский Съезд, который заставил признать даже его противников, что идея пролетарской культуры глубоко пустила корни в рабочей массе, оказалась жизненной, и воодушевляет пролетариат, вызывая в нем творческую самостоятельность в культурной области. И нельзя было этого не признать, когда Пролеткульти сгруппировали вокруг себя более полумиллиона рабочих, из которых около 80 тысяч уже активно работают в различных студиях.

1-ая Всероссийская Конференция насчитывала только два столичных Пролеткульта, Петроградский и Московский, а теперь их более 300. Кроме того, создано Международное Бюро Пролеткульта, в которое вошли представители Англии, Франции, Германии, Австрии, Италии, Бельгии, Норвегии, Швейцарии, России и Америки. Своей задачей бюро поставило пропагандировать идеи пролетарской культуры в Западной Европе, чтобы создать там организации Пролеткульта, и тем самым подготовить созыв Международного Конгресса Пролеткульта.

Съезд носил строго деловой характер. Перед делегатами не стояли вопросы, нужна ли пролетарская культура, что такая пролетарская культура и т. д. Они ставили все на деловую почву, как проводить этот великий лозунг в жизнь, как продуктивнее поставить работу, как ярче и шире развернуть свое знамя.

На Съезде разбирались и теоретические вопросы, но это были не те общие вопросы, что дебатировались на 1-ой Всероссийской Конференции. Тогда обсуждались основные вопросы, так как закладывался фундамент всероссийского объединения вокруг идеи пролетарской культуры, на Съезде же были поставлены вопросы, выдвинувшиеся в процессе работы: о профессионализме рабочих в искусстве (докладчик А. Луначарский), пути пролетарского творчества (докладчик А. Богданов), об объеме и характере работ Пролеткульта (докладчик П. Лебедев-Полянский).

Вопрос о профессионализме имеет глубокий жизненный смысл; от его разрешения зависела вся постановка работ. Для делегатов вопрос не был новым; противные стороны высказали свои мнения значительно раньше и вполне определенно. Одни утверждали, что профессионализм, отрывая рабочего от фабрики и завода, отрывает его от рабочей среды, направляет его психологию, следовательно, и творчество в сторону буржуазную. Они советовали вести творческую работу, не порывая связи с производством, в свободное время, в часы отдыха, так сказать, между прочим. Противники резонно спрашивали: считаете ли вы, что рабочие, занимая ответственные должности в советских учреждениях, что неизбежно связано с уходом из предприятия, порывают с рабочим классом, уходят от него идеологически и психологически? Находите ли вы возможным заниматься музыкой, например, работать со скрипкой, после восьмичасовой работы у токарного станка.

После жаркого и продолжительного обмена мнений Съезд почти единогласно признал, что в данный момент, в период рабочей диктатуры, когда вся жизнь проникнута пролетарской идеологией, которая все шире и глубже укрепляется в трудовых народных массах, уход с завода не ведет к отрыву от рабочей идеологии и психологии. Это возражение имело основание в буржуазном обществе, а не в рабоче-крестьянском. Съезд признал, что Пролеткульт должен стать на путь профессионализма, специализации и соответствующим образом поставить практическую работу в центре, чтобы дать возможность оформляться талантливым пролетариям, выделяемым провинцией.

В связи с этим был разрешен чисто организационный вопрос о студийцах и степендиях. Студийцы посылаются местными организациями с определенными обязательствами, а центр обеспечивает их стипендией, общежитием и всем необходимым для работ. Если буржуазные специалисты долгие годы проводили в тех или других учебных заведениях, то и пролетариат, чтобы выделить своих пролетарских специалистов, должен заняться своей специальностью серьезно, глубоко, до полного преодоления ее, чтобы иметь превосходство перед своим идеологическим, зачастую, и политическим противником спецом. За два года работы выявился ряд талантливых рабочих. В Пролеткультах есть свои поэты, художники, певцы и артисты. Они еще не оформились и выступают боязливо; и только, став на путь специализации, Пролеткульт сможет дать людей не менее талантливых и известных, чем М. Горький и Ф. Шалапин, и при том глубоко коммунистически настроенных.

Длинную и страстную дискуссию вызвал доклад об объеме и характере работ Пролеткульта.

Как Коммунистическая Партия строит свою политику, базируясь на авангарде рабочего класса, на его политически сознательной части, так и Пролеткульт в своей творческой работе базируется на индустриальном, производственном пролетариате, как более культурном и более передовом слое. Но в условиях текущей жизни, когда часть предприятий не функционирует, или функционирует частично, когда значительный кадр рабочих на ответственных постах, на фронте, или же ушел в деревню, не всегда удавалось выдерживать социальную основу организации, и на местах ее расширяли, вовлекая в сферу своей деятельности крестьянство и мещанство. Съезд решительно высказался против этой тенденции, указав, что творческая работа ведется исключительно среди пролетариата, и только в процессе демонстраций и агитации за свои достижения Пролеткульт привлекает, ради идейного воздействия, и другие общественные группы.

Через фабрично-заводские Пролеткульты поддерживается тесная связь с чисто рабочей массой, через спектакли, митинги, концерты, вечера осуществляется связь с широкими трудовыми массами, но так, чтобы эта часть задачи не отодвигала на задний план лаборатории—творческой работы.

Учитывая свою студийно-лабораторную работу, Съезд констатировал, что форма организации создалась вполне целесообразно. Не отрываясь от широких трудовых масс, впитывая в себя весь опыт коммунистического строительства, она дает пролетариату одновременно возможность переработать этот опыт в художественных формах вне вмешательства в творческий процесс других общественных групп.

Острее вопрос был во второй своей части, об отношении творческой работы к узко-просветительной.

Как известно, наш пролетариат в культурном отношении стоит на довольно низкой ступени развития, и поэтому Пролеткульты на местах в своей ежедневной творческой работе всегда наталкивались на культурную отсталость, которая связывала размах творчества. И естественно, что временами места уклонялись в узко-просветительную работу. Эта работа легче, и работников она требует менее квалифицированных, да и результаты ее выявляются скорее. Съезд и в этом пункте подчеркнул, что Пролеткульты, как и до сих пор, должны строго стоять на почве творческой работы, поль-

зуюсь просветительной работой постольку, поскольку она неразрывна и неизбежна в творческой работе.

С'езд быстро ориентировался в этих вопросах и понял, что малейшее уклонение в сторону от этой идейной позиции, поведет к искажению работы и поставит Пролеткульт в одну плоскость с Наркомпросом. Происходящие на практике отклонения в большинстве случаев объяснялись тем, что многие организации чисто-просветительного характера называют себя Пролеткультами, не имея никакого о нем представления, а просто воодушевляясь яркой идеей пролетарской культуры. Отчасти и от того, что со своей работой не справлялись соответствующие органы Наркомпроса, и массы неизбежно шли в организации Пролеткульта. Некоторые организации Ц. К. Пролеткульта закрыл, другие заставил снять вывески Пролеткульта, а многие объединив вокруг себя, поставил на совершенно правильную идеологическую дорожку.

В первый год работы, когда все внимание было обращено на агитацию, на постановку организации, Пролеткульты не могли развернуть с должным размахом свою художественно-агитационную работу среди населения, хотя его драматические труппы, поэты и хоры об'ехали Сибирь, Кавказ, отдельные губернии и почти все фронты. Теперь, когда Пролеткульт оформился, когда пролетарские массы с энтузиазмом идут в его творческие студии и самоотверженно работают там, иногда в самых ужасных условиях, наступил момент вступить в самое тесное общение с массой, чтобы проверять свои достижения, чтобы эти массы воспитывать и одновременно получать содержание от них. И в этой работе нужно войти в близкий контакт со всеми учреждениями, ведущими художественно-коммунистическую пропаганду, чтобы парализовать ту разбросанность, не согласованность, а главное неидейность, которые слишком часто бросаются в глаза.

Если на первых порах художественно-агитационная работа неизбежно велась не систематически, а от случая к случаю, по мере сил, то теперь С'езд сделал ее очередной программной работой, но подчеркнув, что в конечном итоге работа должна идти не столько в ширину, сколько в глубину. Идейность прежде всего, в ней залог успеха движения за пролетарскую культуру.

С полным сознанием С'езд прошел мимо тех нападок противников, по которым выходило, что Пролеткульт, как спец, в закупоренной от жизни лаборатории творит элементы пролетарской культуры и не понимает, что пролетарская культура вырастает в борьбе с культурой буржуазной, в условиях революционной, политической и экономической борьбы и организации нового общества. Но за то С'езд сугубо обратил свое внимание на все те замечания, которые имели под собой серьезные основания. Делегаты указывали на отсутствие Пролетарского Университета, Дворца Пролетарского Творчества, курсов для работников Пролеткульта и т. д.

Глубокий теоретический интерес вызвал доклад „Пути пролетарского творчества“. Докладчик развивал мысль, что „творчество высший, наиболее сложный вид труда. Поэтому его методы исходят из методов труда“, т.-е. „того типа работы, который характерен для рабочих новейшей крупной индустрии“... „Методы пролетарского труда развиваются в направлении монистичности и осознанного коллективизма. В таком же направлении складываются естественно и методы пролетарского творчества“.

„С сфере художественного творчества старая культура характеризуется неопределенностью и неосознанностью методов („вдохновение“, и т. п.), их оторванностью от методов трудовой практики, от методов творчества в других областях. Хотя пролетариат делает здесь еще только первые шаги, но уже ясно намечаются общие свойственные ему тенденции. Монизм сказывается в стремлении слить искусство с трудовой жизнью, сделать искусство орудием ее активно-эстетического преобразования по всей линии. Коллективизм, вначале стихийный, а потом все более сознательный, выступает ярко в содержании художественных произведений, и даже в форме художественного

восприятия жизни, освещая изображение не только человеческой жизни, но и жизни природы; природы, как поля коллективного труда, ее связи и гармонии, как зародыша и прообраза организованности коллектива“.

„Технические методы старого искусства развивались обособленно от методов других сфер жизни; техника пролетарского искусства должна сознательно искать и использовать материал и всех тех методов“.

„Осознание коллективизма, углубляя взаимное понимание людей и связь чувства между ними, сделает возможным несравненно более широкое, чем до сих пор, развитие также и непосредственного коллективизма в творчестве, т.-е. прямого сотрудничества в ней многих, вплоть до массового“.

Не меньше интереса и большую дискуссию вызвал доклад тов. М. Смыт „О ближайших этапах пролетаризации науки“, в котором она развивала идею новой систематизации „накопленного человечеством творческого и познавательного опыта“, как орудия „организации общественного труда“. Развивая идею Пролетарского Университета, она подчеркнула, что пролетарские университеты и студии явятся той средой, в которой могут „зародиться и развиваться ростки пролетарской науки“ и наметиться пути постепенной организации самого метода и форм мышления.

Секционная работа, где была сосредоточена вся энергия С'езда, происходила на строго принципиальной позиции как прежних решений, так и новых, принятых пленумом С'езда. Как общий характер, так и каждая практическая мелочь в работах секций привлекала внимание делегатов, особенно из далеких углов, где пролетариату приходится все выполнять самому,—быть и политическим руководителем и администратором и чуть не спецом в самых разнообразных областях.

Все секции: литературная, музыкально-вокальная, театральная, изобразительных искусств,—указывали, что на местах есть выдающиеся рабочие, но провинция не в силах удовлетворить их, поэтому Ц. К. Пролеткульта должен создать высшие центральные студии. С'езд постановил организовать в Москве „Дворец Пролетарского Творчества“ с соответствующими отделениями, в котором рабочие таланты могли бы совершенствоваться в избранной им области. Одновременно С'езд твердо указал, что между всеми искусствами должны существовать органическая связь, особенно ярко выявляющаяся в театральном действии.

Обязав студии участвовать в художественно-агитационных выступлениях и в различных общественных торжествах, С'езд подчеркнул, что первой ареной демонстраций достижений является „Клуб Пролетарской Культуры“.

Клубная работа чревата междуведомственными спорами и трениями, но С'езд не мог отказаться от клубов, так как клубы Пролеткульта имеют свои специфические задачи и отличаются по характеру работ от других организаций, являясь лабораториями нового быта и развития пролетарской самодеятельности.

Литературная секция, высказавшись против футуризма, символизма и прочих „новых“ направлений буржуазной литературы, постановила организовать при Лит.-Изд. Огд. Всероссийского Пролеткульта художественный пролетарский журнал.

Секции музыкальная и театральная дали ряд конкретных указаний в студийных работах.

Секция изобразительных искусств дебатировала вопрос о связи искусства с производством и вынесла резолюцию, призывая ставить всю работу на принципе тесного взаимоотношения.

Горячие прения шли по вопросу о детском Пролеткульте. Было полное единогласие в том, что развивать элементы коммунистической психологии и заниматься искусством, особенно музыкой, надо с детства, а не в 30 лет, когда грубеет слух и пальцы; но далеко не все сходились на том положении, что уже сейчас надо открывать детские Пролеткульты.

В виду того, что вопрос этот связан со многими другими проблемами детской жизни, Съезд предложил Ц. К. Пролеткульта вопрос всесторонне разработать к следующему Съезду.

В связи с организацией Главполитпросвета тов. А. Луначарский, как народный комиссар просвещения, выдвинул вопрос о взаимоотношениях Н. К. Просв. и Пролеткульта. Он говорил: „Стоя накануне организации Главполитпросвета, который объединит всю просветительную работу среди взрослого населения, мы должны разрешить вопрос о взаимоотношениях Н. К. П. и Пролеткульта. Здесь надо отметить одну черту, обеспечивающую автономность и неприкосновенность Пролеткульта. Пролеткульт есть такая пролетарская организация, которая устанавливает новые формы художественного творчества, стремясь к выявлению новых пролетарских талантов. Это задача не государственного аппарата, а свободной организации в роде Пролеткульта. С этой точки зрения действия Пролеткульта должны быть самостоятельны... Представитель Пролеткульта должен присутствовать на всех заседаниях художественного сектора с правом решающего голоса. Он же входит в коллегию Главполитпросвета. Но связь не должна ограничиваться только персональными сношениями, а должна выражаться в более тесном и постоянном контакте данных организаций. Во всех наших предприятиях первым нашим заказчиком и потребителем государственных возможностей является Пролеткульт. Чтобы оградить его самостоятельность, необходимо указать, что он может вливаться туда, куда найдет для себя нужным. Пролеткульт может найти опору в лице Н. К. П., выдвигающего революционные лозунги пролетарской культуры“.

Эта точка зрения вызвала протест со стороны одного из членов Главполитпросвета, и вопрос дошел до Ц. К. Р. К. П., который предложил фракции съезда резолюцию о вхождении Пролеткульта в Н. К. Просв. на положении Отдела. После длинных и горячих дебатов, в которых большое участие приняла провинция, коммунистическая фракция в силу партийной дисциплины провела эту резолюцию на съезде.

От имени Коммунистической Партии Америки Съезд приветствовал тов. Гурвич, а от Английской Коммунистической Партии—тов. Поль. Оба указывали, что политические условия не позволяют им на родине развернуть культурную работу среди пролетариата, как это делает Пролеткульт, но они убеждены, что не так уже далеко то время, когда они тоже будут иметь советскую власть трудовых масс, и тогда они придут учиться у русских товарищей.

О задачах Международного Бюро Пролеткульта сделал сообщение тов. А. Луначарский.

На Съезде присутствовало с запоздавшими делегатами Краевого Донского-Кавказского Пролеткульта 462 представителя, из них 107 в качестве гостей. Съезд состоял в своем большинстве из рабочих и коммунистов.

Несмотря на то, что работать Пролеткульту приходилось в ужасных условиях, был недостаток в работниках и тянулись междуведомственные трения с Н. К. Пр.—делегаты работали с величайшим энтузиазмом и величайшей надеждой, что в будущем все препятствия будут преодолены. Энтузиазм, сознательность и активность делегатов были тому ручательством.

Съезд послал приветствия Коммунистическому Интернационалу, Центр. Ком. Росс. Коммун. Партии, тов. В. И. Ленину и Красной армии в лице тов. Троцкого.

Во время Съезда функционировала художественная выставка Московского, Петроградского и некоторых провинциальных Пролеткультов.

В Центральный Комитет выбраны: Председатель П. Лебедев (В. Полянский), т.т. председателя: А. Маширов (Самобытник) и В. Файдыш, секретарь В. Игнатов; члены президиума: И. Ермолаев, В. Плетнев, В. Савенков; члены Ц. К.: П. Арский, А. Богданов, А. Богословский, П. Волин, И. Григорьев, А. Додонова, Н. Зорин, Н. Котов, Г. Назаров, И. Никитин, К. Озол—Предсек, М. Тарасов и В. Титов.

Кандидаты в Центральный Комитет: *Ф. Благоврагов, П. Васильев, О. Владимирова, Д. Козочкин, Ст. Кривцов, Н. Куделли, Н. Лукин, И. Сомов, П. Тихонов и Л. Цинковский.*

В этот состав Ц. К. половина делегатов выбрана из провинции; годы работы начинают выдвигать сознательных и твердых работников.

В редакцию Центрального органа „Пролетарская Культура“ избраны: *А. Богданов, Ст. Кривцов, П. Лебедев-Полянский. А. Маширов-Самобытник и В. Плетнев.* Кандидаты *В. Игнатов и В. Файдыш.*

Работать придется в более трудных условиях, но пусть энергия и вера в силу идеи преодолют все трудности.

В. Кунавин.

Резолюции Съезда.

По отчету Центр. Ком. Всерос. Пролеткульта.

(Докладчик П. И. Лебедев-Полянский).

Заслушав доклад о деятельности Центр. Ком. Всерос. Пролеткульта, Съезд признает, что, несмотря на крайне неблагоприятные условия работы, Ц. К. выполнил возложенную на него идейную и организационную работу, разлив ее до создания Международного Пролеткульта, и переходит к очередным делам.

Объем и характер работ Пролеткульта.

(Докладчик П. И. Лебедев-Полянский).

1. Культурно-творческая работа есть основная работа Пролеткульта; культурно-просветительная, как работа подсобная, приемлема постольку, поскольку она неизбежна в творчестве

2. В своей работе Пролеткульти должны иметь самый тесный контакт с широкими массами и учреждениями, через которые Пролеткульти могли бы влиять на организацию новой жизни и проверять ценность своих достижений.

3. В своей работе Пролеткульти должны еще, до полного уничтожения классов, базироваться на производственном пролетариате.

4. Работа Пролеткульти должна не столько расширяться, сколько идейно углубляться.

Ближайшие этапы пролетаризации науки.

(Докладчик М. Н. Смит).

Доступ во все высшие школы должен быть широко открыт широким массам населения. Но демократизация высшей школы, являясь необходимейшим этапом научных завоеваний пролетариата и крестьянства, является далеко не единственной и не важнейшей задачей рабочего класса. Его важнейшей классовой задачей является не пролетаризация высшей школы, а социализация науки, т.-е. новая систематизация накопленного человечеством творческого и познавательного опыта—систематизация которая должна, выковать из науки мощное орудие организации общественного труда.

Организационной предпосылкой для достижения этих задач является создание строго-классовых, как по составу слушателей, так и по духу преподавания, пролетарских университетов и студий.

Пролетарские университеты и студии должны явиться средой, в которой могут зародиться и развиваться ростки пролетарской науки, новой как по заданиям, которые она себе ставит, так и по методам, которыми она работает.

Поэтому Съезд предлагает Ц. К. Пролеткульта приложить все усилия к созданию пролетарских университетов и студий—лабораторий социализации науки.

Подготовительной ступенью к этим университетам и студиям должны служить научно-образовательные кружки рабочих клубов Пролеткульта.

О профессионализме рабочих в искусстве.

(Докладчик А. В. Луначарский).

Заслушав доклад о профессионализме рабочих в искусстве, Всероссийский Съезд Пролеткульта находит:

1) Пролетариат в своем научном и художественном творчестве должен критически использовать навыки профессиональных художников всех родов искусства как академического, так и новаторского направлений выбирая из них то, что способствует организации нового коммунистического искусства.

2) Вместе с тем пролетариат должен сознавать, что профессионалисты отнюдь не являются подлинными носителями какого-то истинного искусства. Наоборот, они либо владеют ослабленным ремеслом, достигнутым в прошлые эпохи искусств, либо ищут первых шагов еще неопределенных новых путей, при чем в смысле содержания первые живут прошлым, а вторые определенного содержания вообще пока не имеют.

Пролетариат видит перед собой задачу совершенно чуждую профессионализму прошлого, создания массового монументального искусства (в особенности театр) и выражения совершенно нового великого коммунистического содержания.

4) Пролеткульт должен выделить из рабочего класса талантливые единицы и содействовать выявлению и специальному образованию их и превращению в мастеров нового коммунистического искусства.

5) По отношению ко всей массе Пролеткульт, не останавливаясь на любительстве, должен позаботиться о развитии способности массы воспринимать искусство и участвовать в массовых художественных проявлениях, как хоровом пении и ритмических действиях.

Резолюция литературной секции.

(Докладчик И. И. Садофьев).

Заслушав доклад о задачах пролетарской литературы, Всероссийский Съезд, принимая основные положения докладчика, полагает:

1) Пролетарская литература, как историческая необходимость, являясь выражением пролетарской классово-коммунистической идеологии и приобретающая планетарный характер, есть начало литературы внеклассовой, общечеловеческой.

2) В целях развития и углубления пролетарской литературы необходимо немедленно:

а) Перейти от дилетантизма, любительства—к мастерству, профессионализму.

б) Создать при Центр. Ком. Всерос. Пролеткульта литературно-издательский отдел, который бы добился от соответствующих государственных учреждений нужной технической помощи, без которой задерживается рост пролетарской литературы.

в) Организовать центральную литературную студию высшего типа и студии на местах.

г) Организовать инструкторское бюро для правильной постановки работы на местах.

д) Сконцентрировать силы и средства, как-то: отозвать пролетарских писателей от чуждых их литературной работе должностей, урегулировать бумажный вопрос и т. д. и, наконец, создать литературно-художественный журнал.

Примечание. В редакцию литературно-художественного журнала входят: В. Кириллов, И. Садофьев, Я. Бердников, П. Арский и один представитель от редакции журнала „Пролетарская Культура“.

Резолюция театральной секции.

(Докладчик В. С. Смышляев).

Принимая к практическому руководству предложенный доклад, Всероссийский Съезд Пролеткульта считает необходимым принять самые решительные меры для создания и воспитания руководителей театральных студий из среды самих рабочих.

Необходимо предпринять широкое издание теоретической и руководящей литературы по вопросам строительства пролетарского театра; широко поставить взаимную информацию произведенных опытов и работ между провинцией и центром, и провинции между собой; работу по изучению театральной техники тесно связать с общественной работой. Для успешного выполнения данных творческих заданий в деле строительства пролетарского театра, Съезд считает необходимым создание нормальных внешних условий развития театральных коллективов: предоставление хорошо оборудованных театральных помещений, и создание нормальной материальной обстановки для студийцев.

Кроме того, Съезд поручает Центр. Ком. Всерос. Пролеткульта организовать Арену пролетарского творчества и центральный театр, где бы практически был поставлен ряд опытов в области пролетарского театра, и который бы послужил живой связью между разбросанными по республике творческими коллективами театральных студий Пролеткульта.

Резолюция музыкальной секции.

(Докладчик Б. Б. Красин).

Всероссийский Съезд Пролеткультов, заслушав доклад по вопросу о задачах и методах работ музыкальных отделов Пролеткультов, полагает:

1) Что общие положения о значении музыкального искусства с пролетарской точки зрения уже разрешены принципиально на 1-ой Всероссийской Конференции Культурно-Просветительных Организаций,

2) что музыка, как и другие области искусства, должна выйти из узких рамок обособленности, должна впитать в себя дух и темп времени, его борьбы и творчества, как в области производственной, так и во всех других областях культуры. На этом пути музыкальное искусство должно найти точки соприкосновения со всеми другими видами искусства.

3) Для установления тесного контакта, объединения и учета музыкального опыта всех Пролеткультов, Центр. Ком. Всерос. Пролеткульта предлагается открыть музыкальный отдел.

4) Для практического проведения в жизнь указанных выше положений принять за основу предлагаемую инструкцию, которую широко распространить по всем Пролеткультам.

Резолюция секции изобразительных искусств.

(Докладчик А. И. Иванов).

Заслушав доклад об избирательном искусстве, Съезд полагает:

1) что необходимо положить в основу всей художественной деятельности взаимоотношение между производством и искусством и выяснить значение последнего для организации коммунистического производства,

2) что изобразительное искусство, как изображение предметов, не является единственной задачей пролетарского художника, являясь переходной формой к разрешению объема конструктивно материально-цветовых задач,

3) что параллельно с переоценкой всего старого искусства необходимо учесть дух и темы новой коммунистической эпохи, знаменующей разрыв со старыми традициями.

4) Исходя из этого, Съезд намечает следующее задание, которое должно лечь в основу для всей практической работы в изобразительных студиях Пролеткульта:

а) необходимо выработать общую схему учебно-организационного плана в области изобразительных искусств,

б) исключить субъективные методы руководства, заменив их свободным творческим началом, согласованным в общей схеме учебно-организационного плана,

в) включить в план работ студий научный анализ методов и творческой техники изобразительного искусства, а также и показательные опыты разрешения творческих производственных задач,

г) вменить студиям в обязанность участвовать в устройстве празднеств, выработке проектов для них, рассматривая последнее, как воспитание творческой инициативы.

5) Съезд поручает Ц. К. Пролеткульта создать в Москве центральную студию для научной подготовки инструкторов по изобразительному искусству, а также выработать детально инструкцию об организационной постановке работ в студиях изобразительных искусств.

6) Съезд, учитывая творческую деятельность Пролеткультов, констатирует, что изобразительное искусство пролетариата является ярким выражением творческой воли и ценным орудием пролетарской культуры в строительстве коммунистической эпохи.

Резолюция клубной секции.

(Докладчик Р. Л. Гинзбург).

Заслушав доклад о клубной работе Пролеткульта, Всероссийский Съезд признает, что:

1) Клуб Пролеткульта по основному характеру и содержанию своей работы является организацией культурно-творческой, — с одной стороны, как организационная форма, объединяющая культ.-творческую работу в области науки и искусства и создающая наилучшие условия для ее развития; с другой стороны, как творческая ячейка нового пролетарского быта, ведущая систематическую работу по углублению классового сознания членов клуба и по воспитанию их в духе трудового коллективизма.

2) Пролеткульт ведет в своих клубах и культ.-просветительную работу, рассматривая ее, как подход к работе творческой и ответ на возбужденные ею вопросы.

3) Признавая, что культурно-творческие задачи клуба и вытекающие из них особые методы и характер работы делают его клубом повышенного типа, считать необходимым существование самостоятельных клубов Пролеткульта на ряду с клубами других организаций и признать желательным сосредоточить в ведении Пролеткульта все клубы индустриального пролетариата.

Резолюция организационной секции.

(Докладчик Ст. С. Кривцов).

Заслушав доклад о студиях и студийцах, Всероссийский Съезд Пролеткульта постановляет:

1) Признавая Пролеткульти ударными предприятиями по оформлению пролетарской культуры, поручить Ц. К. добиваться реального материального обеспечения степендиатов—студийцев, приравнивания их к мобилизованным учащимся Выс. Учеб. Зав., а для уничтожения обыденной мещанской обстановки устраивать для студийцев дома-коммуны.

2) Для органической связи со своим классом Пролеткульта обслуживают бесплатно художественные потребности рабочего класса. При чем студийцы-стипендиаты должны выступать не менее 4 раз в месяц, в боевые же моменты и того чаще; обслуживаются также и нужды фронта.

3) Чтобы компенсировать временный отрыв от производства, студийцы должны принимать особо близкое участие в общественной и политической жизни своего класса, партии, совета, профсоюза.

Чтобы не потерять трудового запаса—ввести обязательное участие в субботниках, в оборудовании и обслуживании своих студий.

4) Необходимо усилить политическую работу среди студийцев, введением помимо обязательного курса лекций еще и обязательного прослушания курса партийной школы повышенного типа.

5) При приеме надо стремиться к тому, чтобы все студийцы были по возможности делегированы производственными профсоюзами с сохранением органической связи со своим производством.

6) Студийцы должны жить внутри своих студий организованным коллективом, для чего они организуют внутри их общие собрания и старостаты. Студии должны объединяться между собою как однообразные, так и различных родов искусств, для чего устраиваются конференции районные, общегородские, губернские и общероссийские.

7) Неиндустриальный элемент допускается в студии не более 10%, при чем в первую очередь принимаются члены коммунистической партии, взрослые дети рабочих и партийных товарищей, находящихся в органической связи с Пролеткультом.

8) Студийцами принимаются тов. с 16 лет; от 14 до 16 прием с особого разрешения президиума местного Пролеткульта.

9) Дети рабочих до 14 лет принимаются только в том случае, если Пролеткульта могут обслуживать образовательные и воспитательные нужды детей.

Резолюция о детских пролеткультах.

(Докладчик Н. И. Серебrenиков).

Всероссийский Съезд Пролеткульта, признавая всю важность вопроса о детских Пролеткультах и высказывая пожелание о дальнейшей разработке этого вопроса, предлагает Центр. Ком. Всерос. Пролеткульта:

1) произвести учет того, что уже сделано практически в этом отношении.
2) разработать вопрос об идеологическом содержании детского Пролеткульта,

3) разработать вопрос о взаимоотношении с Пролеткультами взрослых, Союзом Молодежи и Отделами Народного Образования.

Резолюции по организационному вопросу.

(Внесена коммунистической фракцией по предложению Ц. К. Р. К. П.).

В основу взаимоотношений Пролеткульта с Наркомпросом должно быть положено согласно резолюции IX съезда Р. К. П. теснейшее сближение работы обоих органов.

Творческая работа Пролеткульта должна являться одной из составных частей работы Наркомпроса, как органа осуществляющего пролетарскую диктатуру в области культуры.

В соответствии с этим Центральный Орган Пролеткульта, принимая активное участие в полигико-просветительной работе Наркомпроса, входит в него на положение отдела, подчиненного Наркомпросу и руководствующегося в работе направлением, диктуемым Наркомпросу Р. К. П.

Взаимоотношения местных органов: Наробразов и Политпросветов с Пролеткультами строятся по этому же типу: местные Пролеткульты входят как

под'отделы в Отделы Народного образования, руководствуясь в своей работе направлением, даваемым Губнаробразом, Губкомами Р. К. П. Ц. К. дает директивы Органам Р. К. П. и Наркомпросу создавать и поддерживать условия, которые обеспечивали бы пролетариям возможность свободной творческой работы в их учреждениях".

(Докладчик В. В. Игнатов).

В виду состоявшегося решения о присоединении Пролеткульта в центре к Наркомпросу, а на местах к его отделам, поручить Ц. К. В. С. Пролеткульта выработать в соответствии с этим решением:

- 1) программу работ Пролеткульта, конкретно отграничивающую их от работ существующих при Наркомпросе отделов искусств,
- 2) инструкцию, устанавливающую: а) взаимоотношение Пролеткульта с Наркомпросом и его отделами, б) финансирование и снабжение материалами Пролеткульта.

Центральная арена пролетарского творчества.

(Тезисы.)

1. Пролетарское творчество—революционно-организующее, самый процесс его—напряженно боевой процесс.

2. Исходя из этого, место выявления творческих достижений пролетариата мыслится таким местом, где борьба за коммунистическое человеко-совершенствование достигает своей высшей точки. А потому, выбирая этому месту, как специальному учреждению название, мы считаем, что соответственно с природой пролетарского творчества учреждение, предназначенное для демонстрирования в нем пролетарских творческих достижений и опытов, может быть наименовано не иначе как ареной пролетарского творчества.

3. Рассматривая арену пролеткульта, как учреждение, предназначенное для демонстрирования в нем всех пролетарских творческих достижений, мы тем самым устанавливаем и характерную особенность арены, как организации призванной деятельностью своей осуществить принцип творческого синтеза в области духовной культуры пролетариата.

4. Практически творческая деятельность пролеткульта распадается на две части—научную и художественную. Не соприкасаясь друг с другом, эти части развиваются односторонне, не целостно. Моменты осуществления классового творческого принципа, устанавливающего основой пролетарского творчества—пролетарскую науку, в практике пролеткульта еще не было. Построением арены уничтожается разрыв творческого круга, так как ни одна работа не будет продемонстрирована без предварительного научно-классового освещения.

В то же время арена будет способствовать более планомерному и гармоническому развитию работ пролеткульта. Она поможет устранить резко выразившуюся тенденцию непомерного, по сравнению с другими отраслями творчества, расширять какую-либо одну область, напр., театральную.

На ряду с этим арена даст возможность наглядно учесть творческие приемы, опыты и методы и составить по ним руководящий в повседневных студийных занятиях пролеткультов материал.

Она же поможет установить: выражает ли собою характер производимых работ, положенные в основу деятельности пролеткульта принципа централизованного единства идейного, организационного и единства методов работ, или же противоречит им и в какой-либо степени.

5. Центральная арена пролеткульта является зеркалом деятельности Ц. К. Пролеткульта в целом и, в частности, зеркалом каждого из его отделов и специальных творческих учреждений.

6. Отражая деятельность пролеткульта, арена не ограничивается только центром, она захватывает работу пролеткульта во всероссийском масштабе, а по возможности в международном.

Для этого ареной организуются отчетные циклы работ местных пролеткультов, путем вызова их в Москву с отчетными творческими аппаратами и материалами. Сюда же будут привлекаться для отчетных выступлений и рабочие творческие кружки не состоящие в Пролеткульте, но ведущие свою работу систематически и серьезно.

7. Центральная арена является одновременно центральным пунктом практической агитации и пропаганды идей пролетарской культуры.

8. Так как пролетариат в творческих достижениях отражает сущность своего классового сознания, трудовой коллективизм—как основу коммунизма, то арена пролеткульта будет одновременно и выставкой коммунистического совершенствования пролетариата.

9. Отчетные циклы работ пролеткульта на его арене должны носить характер массового просвещения и массового же вовлечения пролетариата в творчество. Достигается это специальным построением программы, которая должна заключаться в четырех частях: а) научный доклад по отчетному предмету; б) его творческий процесс в отдельных моментах; в) результат—как опытное достижение и г) обмен мнений и резюме докладчика научной части.

10. Отчетная демонстрация работ пролеткульта идет, во-первых: в порядке овладения культурным достоянием прошлого (по строго разработанному плану) и, во-вторых, в порядке выявления творческой самостоятельности пролетариата.

11. Отрасли творчества синтезируемые ареной, их производственные организации и количество занятых в них творческих сил: центральные лаборатории—мастерские: а) драматического дела, б) литературного дела, в) музыкально-вокального, г) музыкально-инструментал., д) изобразительных искусств, е) техническо-прикладных студий, ж) трибуны пролеткульта, з) по выработке программ и планов массовых революционных празднеств, празднеств труда по профессиям и пр. устройству дней пролетарского творчества и и) методологии пролетарского творчества.

Эта мастерская является составной частью научного отдела. Она подводит классовую научно-теоретическую основу под работы всех перечисленных студий и самой арены в целом.

12. Лаборатории мастерские находятся в непосредственном ведении подлежащих отделов.

Верховный руководящий орган центральной арены пролеткульта Ц. К. пролеткульта. Непосредственно руководящим и исполнительным органом арены является Совет мастеров-организаторов.

Приведенные тезисы, принятые в основу организации уже функционирующей Центральной арены пролетарского творчества, предлагаются, как руководящий материал, при построении местными пролеткультами арены пролетарского творчества применительно к их масштабу.

Практическая целесообразность такого органа бесспорна, а потому к учреждению его на местах следует приступить теперь же.

Это тем более необходимо, что согласно постановлению I Всероссийского Съезда Пролеткультов каждой из пролеткультовских студий и творческих ячеек должно отчитываться не менее 4 раз в месяц, подразумевая под этим отчетом демонстрацию не только достижений, но и самого процесса творческих работ.

Учреждением Центральной арены пролетарского творчества местные пролеткульты поставлены в боевое положение. Они должны быть всегда готовы к немедленной явке в центр для сдачи в Москве отчетного цикла своих студийных работ.

Боевую готовность может обеспечить только организация арены пролетарского творчества на местах.

В. Игнатов.

Настанет день.

(Видение будущего).

Движутся стройно, оружием сверкая,
Массы волной боевой.
Эта гигантская сила людская—
Тело идеи живой.

Гордо над гулом движенья всплывая,
Словно в порыве одном
Воздух и землю и небо сливая,
Песня несется кругом.

„Прочь! сторонитесь богатые, знатные, сильные,
Время настало сойти вам под своды могильные.
Новый властитель, грозу собирая, идет.
Мы—его имя: великий рабочий народ!

„Знаем: идти нам не близко дорогой тернистой.
Песней ее мы украсим победно-лучистой.
Прошрое с ней погребем и достойно почтим.
Мы, ведь, по праву наследники предкам своим.

„Мы—не могильщики. Нового мира строители,
Ради труда всетворящего мы—разрушители,—
Ради простора для скованной силы труда:
В нем наша цель, путеводная наша звезда.

„В нашей работе, велениям нашим послушные,
Служат Огонь и Железо, стихии бездушные.
Нам ли господ и хозяев иметь над собой,
Миром должны овладеть мы и нашей судьбой.

„Мир отравляет бессмысленно жизни дробление,
Ложь и насилие, страх и вражды ослепление.
В битве последней покончим единство врагов,—
То, что разорвано, свяжем на веки веков.

„Кровью впоенная, станет земля плодороднее;
Будет цветов полевых красота благороднее;
Речи и ласки тайть перестанут обман;
Жизни потоки сольются в один океан.

„Истины слово бессильно над душами старыми.
Время настало для нас убедить их—ударами.
Истину высшую новый учитель несет.
Мы—его имя: великий рабочий народ“.

В песне звучит непреложная воля
Нового мира творцов.
Смерть иль победа—их общая доля;
Третьего нет для бойцов.

Раны бессмертного тела Идеи
Жизни расцвет исцелит.
Братство свободное солнца светлее
Царство Труда озарит.

Хроника „Пролеткульта“.

I Московская городская конференция по вопросу строительства пролетарского театра.

14 ноября в помещении Центральной Арены Пролеткульта состоялась I Московская Городская Конференция по вопросу строительства пролетарского театра. На конференцию пришло 206 участников, делегированных театральными рабочими кружками и студиями при фабрично-заводских комитетах, при рабочих клубах, при комитетах коммунистического союза молодежи.

Первым выступил тов. П. М. Керженцев с докладом на тему «Разрыв с буржуазной культурой и с буржуазным театром». Профессиональный театр, — сказал он, — находится в исключительно счастливых условиях. Театр субсидируется, к нему относятся у нас с огромным интересом. Театры переполнены зрителями; даже самые плохонькие не могут пожаловаться на отсутствие публики. Но банкротство современного театра, как и всего буржуазного искусства, несомненно. Театр современный бесцелен откликнуться и понять величайшие запросы пролетариата. Профессиональный театр потерял веру в себя. Даже такой театр, как Художественный, считающийся первым в мире, не оправдал великих ожиданий, которые возлагались, напр., на постановку «Каина» Байрона. В постановке этого театра Каин Байрона был не революционером, поднявшим бунт против Бога, а неврастеником, интеллигентом. Совершенно неправильная трактовка. Жрецы современного театра не поднялись в бурные и огненные дни революции, а оступились. К этому прибавляется еще и «халтура», которой заражены театральные деятели, торгашество и самое безпринципное отношение к искусству. Нет и репертуара. Современный театр пробавляется старыми буржуазными пьесами, родившимися во времена рабства. Разрыв с таким театром необходим. Доказывая необходимость разрыва с профессиональным театром, докладчик отрицательно отнесся и к так называемому любительству. Любительство — кривость. Нужно мастерство высокой театральной пробы. В этом отношении техника буржуазного театра должна служить нам примером, ибо театр прошлого, — не будем отрицать этого, — имел великих мастеров. Создавая свой театр, мы не можем обойтись без специалистов, без техников театрального искусства. Мы должны воспользоваться услугами специалистов, как пользуется службой спецов Красная армия, как пользуются их знаниями при экономическом переустройстве в Совнархозах и т. д. Однако и здесь нужны оговорки и здесь нужны пределы. Переходя к задачам пролетарского театра, докладчик указал на новые методы, которые должны быть введены при создании такого театра. У нас не может быть разделения актерской массы на руководителей и играющих. Мы считаем, что работа должна вестись общими усилиями. Коллектив-

ное творчество, широкая заинтересованность всех участников театральной работы — вот что необходимо пролетарскому театру. Всякий участник должен быть режиссером, высказывая свое мнение о постановке. В нашем театре будут участвовать и сами зрители. Десятки тысяч участвовали в массовых постановках под открытым небом в Петрограде. Докладчик указал далее на опыты инсценировок, которые являются новой формой агитационной пропаганды театра. Инсценировались, например, в рабочих студиях параграфы коммунистической программы. В заключение докладчик призвал к самостоятельности и выразил горячую уверенность в успехе при создании пролетарского театра.

Доклад тов. В. В. Игнатова был посвящен вопросу о Центральной театральной студии и арене пролетарского творчества Всероссийского Пролеткульта, организуемых в помещении б. театра «Эрмитаж» (Каретный ряд). Арена Пролеткульта является учреждением, предназначенным для демонстрирования всех пролетарских творческих достижений, для планомерного и гармонического развития работ Пролеткульта. Отражая деятельность Пролеткульта, Арена не ограничивается только центром; она захватывает работы Пролеткульта во всероссийском масштабе. Касаясь же специально учреждения театральной студии, т. Игнатов указал, что в Центральную театральную студию должны быть делегированы студии не только моск. всех рабочих организаций, но и провинциальных. Студия рассчитана на 150 студийцев, из них 30—40 мест отводится Москве. Рабочая Москва должна дать ударную передовую группу, которая могла бы быть примером для приезжающих работать в студию. Новый театр может быть создан только актером из пролетарской среды и усвоившим коммунистическую идеологию. Центральная студия должна избавить нас от необходимости в будущем сдавать свои позиции театральным спецам противоположного нам мировоззрения; она создаст своих пролетарских руководителей и организаторов театра.

Делегированные московскими фабрично-заводскими театральными кружками, рабочими клубами, районными студиями Московского городского и губернского Пролеткультов, студиями коммунистического союза молодежи по прохождению стажного испытания будут зачислены студийцами-стипендиатами Центральной Театральной Студии.

Кроме этой студии, учреждается Литературная студия, а затем в ближайшем будущем студии Музыкально-вокальная и Изобразительных искусств. Центральная Арена Пролеткульта обратит исключительное внимание на выработку программ и на устройство массовых революционных празднеств труда по профессиям, на методологию пролетарского творчества и т. д. Будут устраиваться отчетные вечера, при чем ни одна работа не будет показана без научно-классового освещения.

Возвращаясь к Центральной Театральной студии и пролетарскому театру, докладчик

особенно настойчиво подчеркнул, что «мозг и сердце пролетарского театра—глубокое коммунистическое просвещение и воспитание всех принимающих участие в строительстве его; мастерство же и форма лишь платье пролетарского театра, и ни о нем мы должны заботиться в первую очередь».

Доклад тов. В. В. Игнатова (ответственного организатора Центральной Арены) был встречен с большим воодушевлением. Конференция единогласно одобрила задачи и планы работ Центральной Арены и Центральной театральной студии.

Первый цикл докладов—диспутов открылся докладами: А. В. Луначарского «Искусство и революция» и П. Лебедева-Полянского «Пролетарская Культура», а отчетный цикл студийных работ—демонстрацией достижений студий Московского городского Пролеткульта.

Первая Кавказско-Донская конференция пролетарских культурно-просветительных организаций.

25 сентября в Армавире, Кубан. области, состоялась 1-я Кавказско-Донская Краевая Конференция Пролетарских Культурно-Просветительных организаций в присутствии 130 делегатов, членов местной организации Р. К. П. и членов Профсоюзов в количестве 1200 человек. Почетными председателями Конференции были избраны т.т. В. И. Ленин, А. В. Луначарский и П. И. Лебедев-Полянский, председателем Конференции—т. В. И. Меджанов. Конференция почтила память Ф. И. Калинина, П. Бессалько и тов. Зарницина (работника в области красной печати). При бурных и продолжительных аплодисментах Конференция отправила приветственные телеграммы тов. Ленину и Троцкому, в лице последнего приветствуя Красную армию. Было отправлено также приветствие Международному Бюро Пролеткульта. Из отчета о деятельности организационного Бюро, возникшего в марте 1920 года, видно, что раньше всего работа по организации Пролеткульта началась в Донской области, где возник Ростово-Нахичеванский Пролеткульт, организовано 5 клубов, открыто в Ростове 11 районных студий. В Ростове был устроен с большим успехом «День Пролеткульта» (с шествием по городу), в Ставрополе организовано временное бюро Пролеткульта, в Екатеринодаре была созвана Городская Конференция Пролетарских Культурно-просветительных организаций, в Майкопе открыт городской Пролеткульт, в Владикавказе Терский Пролеткульт, где уже начали функционировать драматическая и музыкально-хоровая студии. Широкая агитационная работа ведется в Грозном и в Азарбейджане, где организовано азербейджанское отделение Бюро Пролеткульта. На азербейджанский язык переведены брошюры и плакаты. Начал работать Пролеткульт в Баку. Литературно-Издательский отдел издал сборники для практической работы инструкторов и работников Пролеткульта, плакаты, листовки, воззвания и т. д. Вышел сборник «Памяти Ф. Калинина» и приступлено к изданию ежемесячного журнала, задачей которого явится освещение основных идей Пролеткульта и широкая агитация.

На Конференции был сделан ряд докладов по вопросам Пролетарской Культуры и вынесены строго-идейные резолюции, которые свидетельствуют о глубоком понимании задач. По докладу о Международном Бюро Пролеткульта Конференция постановила перевести на все кавказские и восточные языки пролеткультовскую литературу. Конференция утвердила устав Кавказско-Донского Совета Пролетарских Культурно-Просветительных организаций. В состав совета вошли, между прочим, и представители Грузии и Армении.

Фронтная труппа Моск. Губ. Пролеткульта.

В июле 8-ая фронтная труппа Московского Губернского Пролеткульта (рабочие фабрики б. Четверикова) устроила ряд спектаклей на фронте и в прифронтной полосе. Труппа имела большой успех и привезла 24 отзыва разных организаций.

Три спектакля были устроены для Труд полка. Шла пьеса Горького «На дне». Эта же пьеса шла в театре Голландского Соляного рудника. «Постановкой этой пьесы,—говорится в отзыве Сов. Раб. Деп.,—пролетариат еще раз доказал, что свободный рабочий может работать и в то же время учиться, учиться всему тому, что до сих пор было ему недоступно».

Полит. От. Воен. Рев. Сов. Юго-Зап. фронта отмечает в своем отзыве, что вечера, устроенные труппой Московского Губпролеткульта, «оставили безусловно здоровое, свежее впечатление, закладывая остов подлинного пролетарского театра».

Донская Н дивизия Н Конной армии пишет: «Бойцы всей дивизии уверены, что подобные подарки Москвы помогут им победить врагов не только силой оружия, но и духа».

Такой же горячий отзыв получила труппа у красноармейцев Н Стрелковой бригады, отчисливших 7-дневный паек в пользу Московских рабочих, от Полит. Отд. тыловых частей Н армии, выразившего пожелание, чтобы и впредь из центра посылались для постановки спектаклей и концертов подобные же пролетарские труппы, от Украинской трудовой армии Донецкого бассейна, от Рев. Воен. Сов. Кавказского фронта. Спектакли на этом фронте привлекли свыше 10 тысяч человек и имели, как видно из отзыва, «большое воспитательное значение» выдержанностью репертуара и рабочим составом исполнителей.

Полит. Отд. Южных жел. дор. на ст. Мелитополь пишет в своем отзыве: «Пьеса «На дне» проходила перед нашими глазами и раньше, но ни разу такого удовольствия не испытывала публика, как в этот раз, когда играли товарищи рабочие».

Исполком Максимовского рудника и Культ. Просв. Комиссия Голубовского рудника после спектаклей и концертов Московского Пролеткульта решили организовать Пролеткульты на этих рудниках.

«Вы оживили мою душу», пишет Военком Трудового полка.

Бесплатный концерт на одном из пунктов был дан при оригинальной и редкой обстановке. Труппа собралась в полном составе в

здании кузницы, среди наковален и горнов. Концерт начался тотчас же после работы. Усталые лица просветлели, услышав веселые песни севера...

Спектакль на ст. «Батайск», Владикавказск. ж. д., собрал 5 тысяч человек. Пьеса «На дне» произвела огромное впечатление. Зрители обратились к исполнителям—рабочим с восторженной благодарностью.

Та же труппа обслужила части—Стрелковой Дивизии Действующей Армии, устроив 15 спектаклей и 6 концертов, и др. военные и рабочие организации.

Поездку этой труппы можно считать удавшейся.

В провинции.

В пролеткультах.

Кузнецк. В местной газете «Серп и Молот» была напечатана 23 июля статья «Нужен ли нам Пролеткульт?». В статье указывалось на необходимость немедленного создания Пролеткульта, как «чисто классовой рабочей организации, направляющей свои силы на создание пролетарской культуры». «Пролетариату, говорилось в статье,—мало посещать театры, для него важнее создавать свою культуру, ставить свои пьесы, выпускать своих артистов, музыкантов, певцов, художников, которые бы всюду выявляли коллективность».

Белев. Белевский Пролеткульт поставил пьесу «Ванька Ключник». В ответ на эту постановку появилось в местной газете письмо красноармейца, в котором указывалось, что такие спектакли могут только разъединять с рабочей массой. Пора все это бросить, говорилось в письме, пора научить рабочего понимать настоящее искусство.

Тула. Все митинги проходят в Туле с непременным участием работников Пролеткульта, которые устраивают концертные отделения и ставят небольшие пьесы.

Сызрань. Силами Пролеткульта для больных и раненых красноармейцев, находящихся в 713 госпитале, ставятся спектакли. Спектакли, по отзыву местной газеты, проходят удачно.

Тамбов. По предложению Губкомпарта, местным губернским Пролеткультом организованы поездки по деревням хора Губпролеткульта. С хором посылаются ораторы члены Р. К. П.

Иваново-Вознесенск. Иваново-Вознесенский Губпролеткульт устроил спектакль для красноармейцев. Было инсценировано стихотворение Никитина «Хозяин». От лица гарнизона Пролеткульту принесена благодарность за внимание к т. т. красноармейцам. Губпролеткульт поставил эту инсценировку и в с. Кохмее.

Ижевск. В Ижевском Пролеткульте возник вопрос об отношениях к техническим руководителям студий. В Пролеткульте наблюдалась определенная тенденция некоторых лиц и технических руководителей нарушить нормальные товарищеские отношения путем повышенных требований оплаты за труд. Вопрос обсуждался в президиуме, признавшим «недопустимыми» подобного рода явления в жизни пролетарской организации.

Смоленск. Смоленским Пролеткультом была организована выставка студии Изобразительных Искусств. Эта отчетная выставка встретила суровый отзыв местной газеты «Рабочий

путь», указавшей, что в студии развивается импрессионизм. Пролеткульт, говорит газета, организация, вырабатывающая пролетарскую идеологию. Насаждение импрессионизма не допустимо.

Пенза. Устроенные Пролеткультом вечера коллективной музыки прошли с большим успехом. Исполнители задались целью обойтись без дирижера, т. е. без дика, который берет на себя ответственность за выполнение задач и желаний автора. В мелких вещах эта задача им удалась, но в крупных нет. Несмотря, однако, на некоторые недочеты,—говорит местная газета «Красное знамя»,—участники были на высоте своих заданий.

Вольск. Состоялась конференция по организации Пролеткульта. В состав конференции вошли представители от Р. К. П. союза кооперативов, союза коммунистической молодежи и др. Конференция 22 июля вынесла решение организовать Пролеткульт.

Самара. Самарским Пролеткультом летом было задумано чрезвычайно интересное начинание. Для агитационной работы Пролеткульта решено было организовать на все лето агитационный поезд для обслуживания Самаро-Златоустинской жел. дор. от Самары до Златоуста. Поезд должен устраивать концерты-митинги при участии хора, оркестра, солистов-музыкантов и певцов, чтецов, декламаторов, рассказчиков и проч. Литературная студия должна выпускать летучки и небольшую газету.

Рабочие клубы.

Петрозаводск. Центральный рабочий коммунистический клуб открыт 16 октября рабочими Петрозаводска. Лозунг клуба: «Все организованные рабочие должны быть членами рабочего клуба». Клубы—это школа пролетарской общественности, говорится в воззвании к открытию центрального клуба, это мастерская пролетарской культуры, где все основано на самостоятельной работе самих участников.

Рязань. Местные рабочие решили расширить клуб «Карла Маркса» для 2 тысяч участников. Местный жилищный отдел по отзыву «Известий», далеко не идет навстречу стремлениям рабочих организаций, о чем «с болью в сердце» и пишут в газете.

Кострома. «Красный мир» описывает вечер в первом рабочем клубе: Улыбающиеся лица, оживленные встречи прежних знакомых, гимны «Интернационал» и «Марсельеза»,—все вызывало бодрость, настроение и силу. «Товарищи рабочие—говорится в газете,—рабочий клуб это наш клуб, это место нашего общения, очаг нашей нарождающейся культуры. Здесь мы получим все то, что необходимо нам для укрепления своей организованности, мощи и борьбы. Будем считать его орудием этой борьбы и станем его членами. Больше сплоченности, силы».

Вязьма. Открыт клуб имени Желязова. **Вельск.** Местный пролетклуб организовал «Неделю помощи Западному фронту», устраивая спектакли и вечера.

Вологда. Местный пролетарский клуб организовал при клубе спорт для пролетарской молодежи.

Лисны. Газ. «Свободный Пахарь» указывает, что рабоче-крестьянский клуб, возникший в

Ливнах, не находил долго себе уголка, где бы мог приютиться, но, наконец, нашел где-то в глуши, на окраине города. Помещение, занимаемое клубом, может вместить только сотню человек, а членов профсоюза в Ливнах около 3.000...

Июнов. 19 августа открыт клуб имени Луначарского. Открытие прошло необычайно торжественно. В речах представителей разных организаций, присутствовавших на открытии, выражалась уверенность, что культурно-просветительная работа поможет освободиться от рабского гнета и невежества, которые царили при господстве буржуазии, и объединиться для созидательной работы.

Астрахань. В городе открыт первый пролетарский кинематограф. Кинематограф этот устроен исключительно рабочими бондарями. Рабочий тов. Луппов пишет по этому поводу в местной газете: «больше всего произвело впечатление и удивление то, что динамо-машиной управлял бондарь, за кино-техника управлял кинематографом бондарь, струнный оркестр составлен тоже из бондарей, как-то: пианино, скрипка, мандолина и балалайка. Невольно с грустью вспоминаешь прошлое, когда нам, рабочим, не давали развернуться и расширяться нашему уму, нашим стремлениям.

Велиж. В рабочий клуб решено привлечь к участию местный союз коммунистической молодежи. Клуб должен превратиться, по мысли учредителей, в уголок знания и отдыха.

Муром. В местном клубе устраиваются вечера революционной сатиры. Все номера составлены местными авторами.

Вопросы пролетарской культуры на съездах и конференциях.

Вопросы пролетарской культуры живо заинтересовали провинцию. Приводим наиболее интересные сообщения.

Владимир. В Владимире была созвана 6 июля Владимирская Городская Конференция Культурно-просветительных Организаций. На этой конференции обсуждались следующие вопросы: задачи рабочего класса в области науки и искусства; формы организационной работы рабочего класса в деле создания пролетарской культуры. На конференции присутствовали делегаты от профессиональных союзов и красноармейских частей, от партийных организаций и от всех культурно-просветительных гражданских и военных организаций.

Ижевск. 5 сентября в Ижевске состоялась 3-я Районная Конференция Пролеткульта. Все докладчики призывали к тесному сплочению рабочих около Пролеткульта. Союз Металлистов, отмечалось на конференции, — первый откликнулся на зов Пролеткульта, объединив свою культурно-просветительную деятельность вокруг пролетарской организации — Пролеткульта. Союзом созданы культурно-просветительные «пятёрки» по мастерским, выдана субсидия Пролеткульту в 100.000 р. и т. д.

При мастерских Ижевска имеется 35 культурно-просветительных ячеек, работающих с Пролеткультом.

Александров. 2 июля состоялся Александровский Уездный Съезд культурно-просветительных организаций. Главнейшим вопросом на

съезде был вопрос о создании Пролеткульта. Были заслушаны доклады: «Две культуры» тов. Фомина, «Идейные задания Пролеткульта» тов. Любимова, «Профессиональное движение и Пролеткульт» тов. Гаврилова. В докладах, по сообщению местной газеты, осветили работу создаваемого Пролеткульта и его значение в жизни рабочей массы района. Решено создать в Александрове Районный Пролеткульт.

Село Богослово, Владимирского уезда и губернии. 9 октября в Богослове был устроен спектакль силами молодежи. Перед началом спектакля с речью о пролетарской культуре выступил тов. Седов. По сообщению газеты «Призыв», «речь оратора была покрыта громом аплодисментов».

Оренбург. 18 октября кружок местных пролетарских писателей устроил диспут о пролетарском искусстве. «Диспут, по сообщению местной газеты «Коммунар», был вызван идейным разбродом по кардинальным вопросам пролетарского творчества и должен был установить общность взглядов, так как кружок намерен перенести свою работу в массы, завязав сношения с красноармейскими частями и другими рабочими организациями».

Самара. На городской конференции внешкольных культурно-просветительных учреждений и организаций обсуждался вопрос о задачах рабочих клубов. Ближайшее участие в этой конференции приняли представители рабочего факультета местного государственного университета.

Всероссийский Съезд пролетарских писателей нашел отклик среди пролетарских писателей Самары. В местной газете «Коммуна» было напечатано воззвание о необходимости присутствовать на Всероссийском Съезде и о сплочении всех пролетарских писателей. Было указано далее, что в открываемый Самаре «Дом печати» пролетарским писателям необходимо войти организованно.

Нижний-Новгород. В «Нижегородской Коммуне», в отчетах о лекциях и диспутах указывается на безусловную необходимость ставить очередным вопросом дискуссии на темы о пролетарской культуре. Эти дискуссии, говорит газета, особенно желательным для партийных организаций, «ибо они приучают мыслить, втягивают товарищей в работу в этой области и придают собраниям характер коллективного исследования пролетарского творчества».

Серпухов. Газета «Коммунист» помещает 20 октября воззвание «К Пролеткульту». «Мысль о создании Пролеткульта поднималась не раз, но не проводилась в жизнь, а может-быть просто не было организаторов, или они горячо взялись за это большое дело сразу и не осилили». «К Пролеткульту!» Силу и энергию — на фронт просвещения — воспитания масс в нашем классовом духе».

В ближайшем будущем в Серпухове решено созвать конференцию для организации Пролеткульта.

Тамбов. 5 сентября в Тамбове созывалась 4 Губернская Конференция Пролеткульта. Местные «Известия» выпустили специальный номер «Грядущая Культура», посвященный Пролеткульту. На первом месте напечатана «Международный Пролеткульт — вестник мировой пролетарской революции».

В номере воззвание Международного Бюро Пролеткульта, ряд заметок о пролеткульте и пр.

Вятка. Заслушав доклад об организации культурно-просветительных отделов, III Общегубернский Съезд С. Р. П. П. вынес следующую резолюцию, «признавая особо важным деятельность культотделов в деле ликвидации неграмотности, а так же приобщение широких рабочих масс к ценным достижениям культуры, деятельное творческое участие этих масс в создании своей пролетарской диктатуры, предлагает всем уездным отделением и секциям всеми мерами содействовать развитию культурной работы на местах».

Брянск. На районной конференции союза стекольщиков рассматривался вопрос о культурно-просветительной работе на Брянских заводах. Указывалось на необходимость создания пролетарской культуры. Один из докладчиков, остановившись на истории «Мальцовщины» (владельца завода) отметил, что во времена «Мальцовщины» рабочие рассматривались, как крепостная рабочая скотинка. Необходимо большая работа для того, чтобы этот рабочий «мальцовский» дух выбить из мальцовских рабочих». Конференция призвала к дружной работе в области просвещения и культуры среди рабочих.

Липецк. 18 августа состоялось первое организационное собрание союза пролетарских писателей. Всеми собравшимися единогласно была признана необходимость такого союза. Принят проект об устройстве в большом пехе ж.-д. мастерских, где помещается несколько тысяч зрителей, вечеров пролетарской литературы.

Театры, рабочие дворцы и студии.

Симбирск. Рабоче-крестьянский большой театр открыт с обновленным составом труппы. В театр вошел весь состав пролетарской драматической студии Губотнароба. В репертуар включены между прочим все пьесы А. Луначарского.

Ижевск. В Народном Доме играет труппа приезжих артистов, в клубе коммунистов местный кружок. В репертуар включен был между прочим драматический этюд «На заре». Местная газета «Ижевская правда» совершенно неправильно именует эти оба театра пролетарскими: ничего пролетарского ни в репертуаре ни в постановках нет.

Петрозаводск. «Олонецкая Коммуна» удивляется, что в репертуар местного театра для железнодорожных рабочих и служащих включены пьесы, в которых во всех надеждах склоняется существительное «любовь» и спрашивается по всем видам и наклонениям глагол «любить». Сознательные рабочие по словам газеты кратко и характерно выражают свое отношение к таким пьесам.

Орел. В местном театре репертуар из пьес Островского. Печать с большим сочувствием относится к этому репертуару, находя, что творчество Островского, совершенно лишено тех недостатков, которыми так богаты современные, тенденциозные и предвзятые пьесы.

Кострома. Агитационная пьеса, пишет «Красный Мир», должна удовлетворять двум требованиям—художественности и агитационности. «С этой точки зрения путешествующая по театрам Костромской губернии пьеса «Красная звезда» полнейший ноль», говорит газета. «Нужно огрaдить сцены наших театров от театральных спекулянтов».

Сызрань. На сцене сызранского театра с успехом идет «Красная мантия» Бриэ.

Ижевск. «Ижевская Правда» передает следующий эпизод: 1 ноября Ижевским Пролеткультом назначена была к постановке пьеса местного пролетарского писателя Вишневого «Андрей Кожухов». Вилеты были распределены среди рабочих. Но к величайшему нашему несчастью, пишут в газете, не состоялся, так как исполнитель главной роли член Всеарбаса отказался играть в пролетарском театре, находя, что эта пьеса несовершенна. Конфликт так и остался не разрешенным.

Псков. В Черехе состоялось открытие Рабоче-Крестьянского театра. Ставили «Чужое добро в прок не идет». Во вступительном слове было указано, что отныне пролетариат и крестьянство начинают создавать себе театры. И исполнителями и зрителями были исключительно рабочие и крестьяне.

Рузаево. В Рузаевском Народном Доме введен культурно-просветительным кружком новый порядок, по словам «Власти Труда». Перед началом спектаклей оглашаются фамилии провинившихся в нарушении устава и постановлений кружка. Этот радикальный прием оказывается весьма полезным. Вс время спектаклей порядок — образцовый; ни выкриков, ни курения, ни подлунения семечек...

Самара. В городском театре состоялся вечер самарских поэтов и писателей, посвященный русскому крестьянству.

Шуя. С целью подготовки из рабоче-крестьянской молодежи артистов, Шуйским Наробразом организована Драматическая Студия. После трех месячной подготовки часть студийцев оставлена при театре для артистической деятельности. В железнодорожном доме идут спектакли с участием молодых артистов. Репертуар из пьес Островского.

Симбирск. Организован «Детский Дом» для детей трудового населения. Мебель, картины и вообще вся обстановка для этого детского дворца пожертвована учреждениями города, отнесшимся весьма сочувственно к этой организации.

5 октября открыт дворец рабочей молодежи имени Карла Либкнехта.

Брянск. «Дворец рабочих» издал наказ о привлечении к работе по культуре и просвещению всех способных сил завода.

Мамадыш. Казанской губ. В городе открыта постоянная выставка детского творчества.

Ливны Орловской г. Торжественно открыт красноармейский театр. В день открытия местные деятели в своих речах яркими красками обрисовали борьбу пролетариата за свободу и осветили значение театра для трудящихся.

Библиография.

Александр Рабочий. *Гудки. Издание Вятского Губернского Комитета Р. К. С. М. 24 стр. Цена 10 руб.*

В связи с книжкой Александра Рабочего хочется указать на болезнь времени. Каждый, едва он сложит несколько рифмованных строчек, стремится не только поместить их в газете, но как можно скорее выпустить сборник, хотя бы в нем было всего несколько страничек. Таких сборников на книжном рынке уже много. Авторы их в будущем сами будут досадовать на свою поспешность. Выросши как поэты, они осознают свои недостатки и, как Н. А. Некрасов, сами будут собирать свои сборники, чтобы изъять их из обращения. Необработанность содержания и формы, иногда в самом элементарном отношении,—характерная черта всех этих новых поэтов.

И среди этого рифмованного пустоцвета падают вещи, которые говорят о поэтическом творчестве, но они теряются и гибнут, как полевой беленький цветочек, волею природы занесенный в высоко-рослый бурьян.

Вот книжка «Гудки». В ней полтора десятка стихов, а напечатать следовало не более пяти. Автор все время берет общую тему,—да здравствует борьба, мы победим,—но эту тему он не разрабатывает, а просто повторяет; повторяет, хотя и в разных словах, но скучно.

Вот два примера:

- 1) «Здравствуй, красная свобода,
Лучезарная заря,
Засияет власть народа,
Ярким счастьем гора»...
- 2) «Далеко во мраке ночи
Призывом огненным горя,
Взошла победа для рабочих
Свободы красная заря»...

Ведь это же явное повторение, почти слово в слово.

Или:

- 1) «Все, в ком сердце ярко, юно,
Воля крепкая, как сталь.
Все под знаменем Коммуны
В неизведанную даль»...
- 2) «В ком сердце остыть не успело,
Кто молод свободной душой,—
В борьбу за великое дело
Все ринемся бодрой стопой»...

И тут простая перефразировка.

Таких примеров можно много привести...

Автор не умеет находить темы, нет у него и ярких, смелых, сильных, живучих образов, я не говорю уже о новизне. «Струны ркохнут», «лучезарная заря»,—как это старо и знакомо. Рифма его тоже слаба,—большой частью падежная (бурливой—ретивой, стальные—трудовые), или глагольная (воспламенели пропели, взмахнем пропоем). Есть несуразности: «песни наши,—как струя приморской пены», во-первых, пена никогда не идет струей, это несогласно с законами природы; во-вторых, что такое приморская пена? Тут смысла нет. Не хотел бы я и сравнивать наши песни с при-

морской пеной; пена вызывает представление о чем-то временном, быстро исчезающем.

«Смелей без сомнения и дроби свободного мира творцы». Слово «дроби» употреблено для рифмы «молодежи», но всякий читатель, даже не прихотливый, сразу почувствует всю неуместность его.

Автору нужно было отработать вещи, в которых чувствуется его дарование, например: «Не великим баяном желаю я быть». «К солнцу, к солнцу огневому». «Песни грядущего». А то попадетя строка, что у пролетария льются «песни удалые» и видишь, что автор употребил слово «удалые» исключительно для рифмы и сам чувствует, что оно некстати, так как «удалой» вызывает представление о разгульности, бесшабашности; не таковы, конечно, песни рабочего класса.

О содержании мы скажем всего несколько слов; оно революционно,—местами глубоко проникнуто пролетарским настроением, но не развернуто.

Александру Рабочему надо больше работать над собой и над стихами. И главное не надо торопиться печатать написанное, исправляя свой стих много, много раз, как это делал великий поэт А. С. Пушкин.

А. О.

Паяльник. *Стихи. Издание Литературной Студии Смоленского Пролеткульта. 90 стр. Цена 10 руб.*

Этот небольшой сборник стихов написан семью авторами, начинающими поэтами—студийцами, но по своему характеру и настроению он представляет нечто единое, идеологически определенное. Больше. Перелистывая странички, чувствуешь, что авторы жили единой коллективной мыслью. Сходство тем, однородность их трактовок и настроений, часто заимствование друг у друга образов, конечно, стусеивают индивидуальную яркость того или другого автора,—но важно то, что они сумели слиться в единый творческий коллектив, который еще однообразен, но который в будущем при своем единстве может блеснуть гармонически спаянными индивидуальными особенностями.

По манере настроения стиха и трактовки тем сборник выделяется из ряда других провинциальных сборников, но для нас ясно, что в этом оказалось влияние руководителя студии. Этого не должно быть.

В сборнике есть хорошие вещи, но есть вещи и совсем неразработанные. Все они проникнуты пролетарским настроением, но несколько однообразнее, чем страдают почти все поэты. Нет проникновения в глубь грядущих времен. Временами чувствуется подражательность, непродуманность, противоречивость в мыслях и образах и на ряду со старинкой манерностью.

«Осенний холод» Шевелева и «Любовь Времени» Гришина не только не разработаны по содержанию, но и насквозь подражательны по своей форме.

С. Страдный рядом с удачным стихотворением «Размах» помещает странные стихи

«Плуг», в котором строки в роде «И вечерней и ранней порой» списаны у Никитина, а «старый друг» — плуг, оказывается мало помогал, и автор давно его бы «изломал», да был связан «веревкой стальной». Странен «старый друг», который не изломан только благодаря рабству. Тут неразработанность темы и даже противоречивость. А к чему эти пренебрежительные строки:

«Над тобой не пролью я слез,
Мной покинутый дряхлый друг».

Конечно, мы не оплакиваем отходящие в вечность истории орудия труда той или другой эпохи, но у нас нет и не может быть к ним злобы, пренебрежения и раздражения.

«На часах» Киселева, «Матрос» Дукора, особенно последнее, дышат пассивностью перед судьбой, что абсолютно несвойственно рабочему классу. И эти стихи совершенно не гармонируют с другими стихами тех же авторов.

Стариной отдают образы: «богочеловек» (надо вообще избегать религиозной терминологии), «златоперый», «диру» и т. п., — и мажорно-подражательны слова: «приштычен навеки ты штыком», «домами ломится»; чересчур «тонки» образы: «тонет сизый полумрак в глубом тумане», или «и встает от душных вод призрак испарений».

У Романова есть хорошие стихи «Красота Труда», и вдруг у него же попадаются строки.

«Ближе, ближе, милая,
Ближе по спирали.
Весь сплетен из силы я...
Милая, ты вся ли?»

Тут не к месту высунулась «спираль» В. Александровского, да и вообще тут что-то ненормально-туманное и мало понятное.

Неудачны сравнения «уз» с «медузами», — «пролетария—каменотеса», который собирается обтесать «Фверст и Кордильеров цепи», с «червями землесосами», — «мозолистых рук с железными граблями», а «пальцев» с «острой саблей».

Не следует луну облекать в «китель», если трудно подыскивается рифма к слову «жилет».

Можно найти не мало недостатков в «Паляльнике», но дело не в недостатках, а в том, что есть вещи, заслуживающие внимания.

К ним мы относим: «Размах», «Еще раз», «Красота труда», «Сплетем венцы», «Аленка».

Творческий путь для товарищей начался. Он тернист, но и радостен.

В. П-ий.

Ник. Попов. Песни равнины. Стихи. Издание Профсоюза Работников Искусств. Осташков. 16 стр. Цена 25 руб.

Стихи Попова выгодно отличаются среди вещей многих крестьянских поэтов. Правда, они не блещут ни глубиной содержания, ни ясностью мысли, ни оригинальностью формы, но за то в них нет кривлянья, выдумыванья «неслыханных» слов и «невиданных» форм.

Простота—их характеристика. В этом отношении Попов не выделяется из группы старых поэтов. Но за то у него все-таки есть свое содержание. Его крестьянин-труженик не стоит и не ноет от непосильного труда, он не

ждет помощи от бога. Идя за своей полосой» он «думает по-новому».

«Прежде было темно,
А теперь с нами жизнь озаренная.
С верой твердой в грядущее, с верой
в людей
Возрастим мы хлеба наливные».

Он не ищет спасенья в своем индивидуальном хозяйстве, собственность его не прельщает.

«Пахарь пашет, думу думает:
Кабы рожь взошла по полюшку,
Всех бы хлебом порадовал,
Накормил бы всех он вволюшку.
А взамен труба заводская
Ситц..., бархат, ткань шелковую
Даст с улыбкой оратаю»...

Старый дедушка любит «кудлатую рожь». Любит он крестьянский труд и верит, что не уйдут от него и «детешки»; он знает, что

«Деды, отцы их в могилу войдут,
Дети же в шуме машин создадут
Дружеский и радостный труд».

Наши землеробы, конечно, очень мало думают об этом. Это думы и заветные мечты самого автора. Это он от себя говорит:

«Труд не страшен крестьянам, да сошка мала,
Эх, машину б стальную на ниву—
По плечо бы на полюшке рожь-то взошла»...

Попов знает, что пролетарские поэты и критики строго относятся к крестьянской поэзии уходящих времен. — поэзии, проникнутой стоном, плачем, завыванием, кричитанием, — поэзии глубоко индивидуалистической и проникнутой вековой покорностью.

Но Попов знает и то, что новая деревня будет «большой завод».

«Будет время, и деревню
Не узнаешь удивленный...
Вся она—большой завод.
Загудит лакомобили
О далекой трудной были.
Лиц не будет истомленных,
Вольно будет жить народ,
Только в песнях будет петься,
Как сгибались над сохой,
Понукая лошадей».

И эта вера в новую деревню, с новыми мыслями и чувствами, идущую на встречу, в объятия городу, — эта яркая, нежная, цветущая, благоухающая деревня — верный друг каменного, бетонного, стального города со своим шумом и грохотом звуков вырывают у поэта слова:

«Не бегите от деревни,
Не зовите тщетным мысли,
Что рождаются у ней
В иссушенных летних травах,
В наболотных цвет-купавах».

И поэт прав.... В будущем разлад города и деревни будет взжит. Они составят единое целое. И люди будущего не раз придут на лоно «летних трав», чтобы свободно вздохнуть от быстро бегущего, стремительного города.

В. П-ий

Глухарь. Рассказ. Издание Самарского Отделения Центропечати. 16 стр. Цена 2 руб.

Рассказ «Глухарь» интересен, как попытка коллективного творчества. Под коллективным творчеством мы разумеем, главным образом, творчество проникнутое коллективистическим настроением, но это не исключает того, что творчество может быть коллективным и в смысле выполнения. «Глухарь» не первая попытка в этом роде; в предыдущих номерах нам уже приходилось отмечать коллективно написанную пьесу «Не ходи».

В разработке рассказа принимали участие товарищи самых различных возрастов, от 19 до 34 лет, различных профессий и национальностей, работали плотник со слесарем, фабричная работница с часовым мастером и крестьянином, коммунист и беспартийный, — латыш, еврей, великорос, украинец и белорос.

Рассказ написан цельно, живо, развитие душевных движений котельщика Углова дано в строгой последовательности; словом, несмотря на незначительные, но досадные промахи, рассказ в техническом отношении, со стороны формы, вполне удовлетворителен и будет прочтен рабочей массой с интересом и сочувствием.

Смушает нас другое. Рассказ написан в романтическом настроении. Глухарь воспринял душой, уразумел жизнь и почувствовал себя хозяином жизни не от речи агитатора, не от проникновения в «хитрую механику» заводской эксплуатации, а от звездного неба, от «зо отых дорожек» на реке, от «перламутрового заката», от природы, которая вошла в него и пробудила его к новой жизни.

Если тут сказалось подражание старой литературе—беда небольшая,—со временем пройдет эта полоса. Если же тут влияние деревни, внесенное авторами — крестьянами, это опаснее; и не делает ли это нам предостережения, чтобы пролетарские студии были строго пролетарскими, дабы настроение рабочего класса, хотя бы и временно, не олекло под сильным напором деревни.

В общем попытка удалась.

В критических разборах нам часто приходится останавливаться на самых мелких недочетах. Иногда, с полным сочувствием к автору, хочется выправить каждую ошибку, чтоб она не повторялась, так как видишь, что она исходит не столько от неумения, сколько от незнания. Отмечу несколько промахов и в данном рассказе.

Авторы пишут:

1) «Пасти дверей с злорадным (здесь и дальше курсив наш) ворчанием проглатывали рабочих». Слово «злорадный» портит впечатление. Оно вставлено, чтобы придать больше хищности заводу. Но «злорадное ворчание» дверей не характерно для завода; эта деталь искусственна и ничего она не прибавляет. Конечно, каждый автор создает обстановку, соответствующую характеру своего произведения; но ее недочеты менее заметны, когда обстановка взята в широком размахе, и, наоборот, скорее бросаются и показывают свою искусственность, когда размах обстановки маленький, суженный.

2) «Котел закачался, приподнявшись, грохнувшись, охнув железной грудью и, сопровождая-

мый всем,—свистом и адским стуком, вдруг понесся на Углова». В этой фразе совершенно не нужно слово «всем». При внимательном чтении это ясно без всяких комментариев.

3) «На другом берегу отразился вниз верхушками лес». Эта деталь — «верхушками вниз» — опять-таки излишня. Ясности мысли она не придает; всякий знает, что отражение в реке бывает обратное,—оттенка настроению тоже нет.

4) «Были минуты, когда Углов забывался и, без всякой цели, любясь, смотрел и т. д.». Тут не нужны слова «без всякой цели», так как весь вечер и всю ночь Углов провел и так без «всякой цели». Углов «забывался», а разве все его настроение не было сплошным забвением.

5) Попутно отмечу и тот досадный дефект в построении рассказа, который дает чувствовать, что авторы неумело, деланно обратили внимание Глухаря на толпу рабочих, которая увлекла его за собой и послужила причиной перерождения.

И, наконец, рассказ выиграл бы в яркости, если бы авторы не впади местами в излишнюю детализацию, рассеивающую и отвлекающую внимание читателя.

Попытка Литературной Студии Самарского Пролеткульта заслуживает серьезного внимания и изучения, пусть первый опыт не пропадет...

В. П-ий.

Сполохи. 1-ый сборник студии стиха. Издание Рабочего Клуба Водников. В. Устюг. 64 стр. Цена не обозначена.

Сборник открывается предисловием И. Львова, который разъясняет, что его частная студия возникла по инициативе молодежи, и состав ее «довольно разнообразный—начиная от рабочего и кончая студентом».

Поэзия участников «Сполохов» настолько характерна, что авторов ее можно разгадать и без подсказа Львова.

Вот М. Пестковский; каждый скажет, что он рабочий. Кто же может так ясно и сильно сказать: рабочий...

«Мне он брат, их много, с ними я
Не сорвусь с высоких круч.

.....
Не паду и под ударами,
А грядущее найду».

И естественно, что там, «где шестерни гремели», он узнал, «что гений света»

«Есть железный дружный Труд».

А затем выступает целый ряд других авторов; кто «в молчаливых потемках души»; кто «словно раненая птица бьется в тоске своей».

У одной

«Сердце стонет... сердце плачет...
Чайка белая кричит»...

Потому что ей

«То, что близко—не ответит...
То, что дальше—промолчит»

У другой

«В перегонку с деревцами
Мчится жуткая тоска»...

Одна бредит:

«В эту ночь—я твоя...
В эту ночь мы одни»...

А другой приходит «на излучину погрузить у вод»; с вечным «ялетом тоски» он не дозвечется своей Лиды:

«Милая, Лида,
Жизнь коротка.
Выйди, к асавица,
В сад за окно.
Кровь превращается
Ночью в вино,
Ходит, бадует
В жилах она,
Для поцелуев
Ночь создана.
Людам не выдам
Тайны своей...
Милая Лида
Выйди скорей».

И несомненно, что творцы «этого интеллигентского нытья, «певцы» поцелуев и ночных виданий, всякого рода пустяков—гимназистки и студенты.

И как жаль, что в эту среду попадают рабочие. Хорошо, что они не поддаются разлагающему влиянию этой «золотой буржуазной молодежи».

А может быть не столько виноваты студенты и гимназистки, сколько сам руководитель.

Вот его стихотворение «Поэзия»:

«Богиню мысли одел в туннику
Нарядных образов и троп...
В венок ей вплет гвоздику
И внешних грез гелиотроп».

Это немногим лучше, чем у учеников; странно одно, почему руководитель и с гвоздикой и с гелиотропом, а руководимые с одной тоской.

Впрочем, и сам Львов живет в «Кошмаре».

«Долго длится ночь глухая
На земле.
Ветер злится, завывая
На селе.
Нет терпенья, нету веры
Больше ждать,
Как полететь нам без меры
Благодать.
Почь ненастная кошмарно
Тяжела.
Зорька грезится янтарна
И ада.
Мрачной ночью жутко снится
Дребедень...
Пусть скорее загорится
В небе день».

Да ведь это со страниц белогвардейских газет.

В наши дни великих побед, достижений, движений вперед и надежд—проклинать жизнь, сравнивать ее с кошмарной ночью, выть на все лады, как бездомная собака... Да кто это может? Несчастный интеллигент! И пусть он воет до поры, до времени. Но зачем эту «дребедень» издавать, да еще от имени рабочих водников. Совсем непонятно.

А. О.

И. Батрак-Лашков. Хохочи демон зла...
Оренбург. Центропечать. 1920 года. 58 стр.
Цена 20 руб.

В своем сборнике автор дал стихи за период 1910—1919 год. И е естественно предположить, что по содержанию и настроению они разнообразны, как многообразна сама жизнь за эти годы войны и революции. Но это не так. Конечно, звуки тали увереннее, мелодии ярче, но содержание осталось старым,—мир насилия, рабства, «Демон Зла» противопоставляется торжествующей правде, «коммуне мирной—трудовой».

Сердце автора бьется вместе с сердцем рабочего

В давние годы, когда поэт, как раненая птица, стонал:

«Мне жутко... Страшно... Ночью темной,
Когда с душою угнетенной,
Кошмаром прожитого дня
Один брожу с тоскою я.
И нет границ тоски, сомненьям
О жзни новой и иной
В стране истерзанной—родной»—

Он жил «святой верой в светлый день»
А когда этот день пришел, он страстно и сильно запел:

«Пойте в восторге народы
Песни и гимны свои.
В честь воспылавшей свободы,
В эти кровавые дни».

Но, как над первым периодом творчества, так и над вторым веет дух грусти, переходящий в тоску; тогда и теперь чувствуется надтреснутое сердце и на самые яркие «мечты, восторги и волнения» вдруг да и набегит черная туча.

Свое основное настроение автор сам характеризует, как грусть, «тихую, томно-нежную».

«Словно море глубокое темную...темную...
Как даль голубая небес нежно-без-
брежную,
Как мир необъятный, безгранично-
огромную».

И эту грусть поэт любит:

«Я люблю мою грусть...
И как без радости солнечно-пламенной,
Как цветок без улыбки лучей,
Без тебя, моя грусть, тихая, нежная,
Я с душою мятежной своей
Чашу жизни до дна
Не выпью,
Пролью»...

Старый мир ранил нежное лирическое сердце поэта, и эта рана осталась надолго. Тихая грусть и страсть мятежа сплелись в один терновый венок.

Мятежная душа с вечным вопросом: «что бросит жизнь мне на весы?—любит эту жизнь: и «ковер небес ночи» и «шатер лазурный», весну «в цветах и розах», васильки и шелковую траву, но болезнь не дает покоя.

«Лишь только ночь фатою темной
Закроет яркий, светлый день,
На мир уснувший, мир огромный,
Падет чернеющая тень,

Как в миг встает пред мной картина,
Картина прожитого дня»...

И в мягкой, ищущей душе поэта вырастает
«ненависть и мщенье за подло смятые цветы».

«За жизнь разбитую борьбою
В погоне вечной за куском,
Насмешкой едкою и злою
Клеймим униженных рабов.
Все это ношею мне давит
Мою измученную грудь,
И я не в силах еще славить
Свободный, новый, светлый путь».

Капиталистический мир тяжело ранил молодое сердце, но мы верим, что новая жизнь, светлая, яркая, радостно-торжественная залечит эту рану, и поэт сумеет восславить со всей своей страстью.

«Свободный, новый, светлый путь».

Лашков—поэт с сильным, глубоким чувством, он искренно неподделен в своих переживаниях и умеет облекать их в поэтические формы.

Но он еще не нашел своего пути; у него много перепевов, повторений, подражаний, и притом многим поэтам, но это не мешает признать в нем поэтическое дарование. Силу и величину его определить еще трудно, но хочется верить, что в своем развитии и в новых условиях поэт сумеет дать более светлые мотивы и в более совершенных, а главное самостоятельных формах.

В сборнике есть несколько прекрасных вещей, хотя и не вполне обработанных.

В. П-ий.

Ю. Юрьин. «Сполошный язык» (Стенька Разин). Народная трагедия в 5 действиях. Гос. Изд. Птр. 91 стр. Цена 20 руб.

«Сполошный язык» принадлежит к лучшим драматическим вещам, появившимся за годы нашей революции. Мы ищем революционного репертуара, но боимся ставить многие революционные вещи, в которых дух агитации и прокламации убил всякую художественность произведения. Народная трагедия Ю. Юрьина будет иметь и агитационное и художественное значение. Автор справился со взятой на себя задачей и развернул перед нами трагическую картину нашей истории в строгой последовательности, ярких картинах, с исторической правдой, не замолчав ни темневых сторон собравшейся около Разина голытьбы, ни мужества и твердости убеждения царевых верных слуг.

Смелыми мазками автор кладет яркие свои краски, показывая то убежденного, непоколебимого до смерти Стеньку Разина, то трусливого его брата Фролку, то мужественного окольного князя Шаховского, то великой силы воли боярышню Настасью Языкову, которая полюбила атамана волжской низовой вольницы и не может с этим помириться, то гаденького руководителя розыска боярина Одоевского, то мужественную казачку Прасковью.

В первом действии автор дает картину, как Разин, вернувшись с богомолья из Соловков и не найдя там правды, задумывал «старый порядок нарушить, черным людям вольного житья добыть» и организует около себя верную ударную группу.

2-е действие представляет осажденную Астрахань, смятение на улицах и в умах людей, и, наконец, суд Разина.

3-е действие — пир Разина и его ватаги в боярских хоромах Языкова. Сцена, написанная с большим мастерством, — яркая, хотя и сжатая.

4-е действие. — Спасаясь от погони, после поражения под Симбирском, Разин скрывается у казака Северина, но попадает в руки царских слуг. Момент, как мать и дочь, помимо своей воли, выдают Степана, не разработан, чувствуется деланность. Неопределенен Самарников.

В 5 действии — пытки Разина и Фролки.

На протяжении всей трагедии мы видим живых настоящих людей, а не тех сусальных героев, которых творит иногда безудержная фантазия неопытных агитаторов.

В «Сполошном языке» нет ничего современного; но зритель, под неослабно усиливающимся впечатлением от нравственной силы Разина, пережив не один момент душевного подъема и художественного наслаждения, сумеет все слышанное и виденное применить к нашим великим дням.

Сила воли народного героя — мученика Степана Разина укрепит и воодушевит многих малодушных сего дня.

Горячо рекомендуем вещь к постановке в народных домах. Написана она простым русским языком, без всяких вывертов и хитроумных заковык.

В. П-ий.

А. Неверов. «Бабы». Пьеса в 4 действиях. Гос. Изд. М. 20 г. 28 стр. Цена 22 р.

Пьеса Неверова изображает наше время, годы империалистской войны. Она захватывает еще не вполне осознанную деревней, но уже намекающуюся, проблему новых отношений между женщиной и мужчиной, развертывает борьбу между ними, причем одному в жизни «все позволено» — заражать гнилой болезнью жену и детей, а другой — один наказ: «строго блюсти себя», а то на смерть изобьют, «душу выпнут».

Бабы Неверова не мирятся со своей горькой судьбой. Они решительно протестуют против создавшегося положения.

Анна. Ну, матушка моя, мужики они и есть мужики. Все на одну колодку сделаны. Хвора ли ты, здорова ли, не разбирают. Всяку траву едят.

Наталья. Помидур бог от этого. Лучше живой в могилу лечь.

Авдотья. Он те помидоват. Будешь слезы-то в тряпку складывать.

Прасковья. Ты думаешь, Саша-то твой из другой глины сделанный. Верь ему больше — насажет.

Авдотья. А вон в Петровском, говорят, ни одной бабы здоровой нет.. Все заражены, из дому в дом.

Анна. Они — черти, мужики-то. Для нас — один закон, для них другой закон. Нам нельзя, им — можно. А, по-моему, нельзя, так ни ому нельзя. А можно, так всем можно. Не досадно будет. А то накоси. Выдумали... Написали...

Авдотья. А кто написал? бог, что ли?

Анна. Ну бог... Какой там бог. Люди умные... для нас, дураков, а мы исполняем. И ходим по одной половичке.

Прасковья. А что, бабы, взять да бы и перешагнуть через этот закон. Испыток бы сделать? Что будет?

Бабы Неверова хотят радости, свету, любви. Авдотья жалуется, что она «пятнадцать лет прожила с мужем» — а радости не знала. «Ни разу не испытала». «Только с брюхом и хожу каждый год», говорит она с горечью в голосе.

Еще резче, озлобленнее, выражает это Авдотья:

«Ну, уже и любовь. Сделает свое дело и храпит целую ночь. Ты к нему с лаской, поговорить хочется, а он задом оборачивается. Не ле-эсь. Разве у нас мужья».

И эти воскресающие женщины деревни начинают искать любви и счастья. И находят его у пленных австрийцев. Домна завела Иосифа... «Пятый месяц живет»... Любуется, не радуется.

На этой почве Неверов раскрывает драму вернувшегося в побылку Фильки Крутова, который забывает до сумасшествия, до смерти свою «неверную» жену Катерину, и убивает отца, который, как раскрылось, «отбил» его жену.

Тут фигура бунтующей Домны, самой яркой защитницы баб, и мужской суд со своим «мужским» взглядом на женщину.

Пьеса написана живо, хотя тема местами не разработана, или разработана грубо, неотчетливо. Автор не продумал до конца своей работы, и в ней получилось два центра: драма Фильки Крутова и борьба Домны и баб.

Мы не будем останавливаться на самой идее пьесы. Она не нова и всем понятна.

Ставить пьесу нужно с большим умением, чтобы не получить отрицательных результатов, не вызвать восторгов пред пресловутой «свободой любви» граничащей со зверским инстинктом.

В. Л-ий.

Художественное слово. *Временник Нар. Ком. Пров. Книга 1. М. 64 стр. 150 руб.*

Прочитав «Временник» Нар. Ком. Пров., мы долго думали, как выбраться из затруднительного положения писать о нем рецензию. Разразиться гневом, жаль нервов; всерьез разбирать содержимое — навлечешь гнев читателя. Но мы вспомнили Белинского, который в 1836 году писал отчет г. издателю «Телескопа» о русской литературе под заголовком «Ничто о ничем»; и он нас выручил.

Белинский писал: «вы обязали меня сделать легкий и короткий обзор хода нашей литературы, привели меня тем в крайнее затруднение. Разве вам неизвестно, что «ничто» не ново под луной»?.. «Тем лучше для вас, тем меньше вам труда», скажете вы. Нет, вы неправы: от этого мне не только не легче, но предстоит истинно геркулесовский подвиг: я должен написать статью, а из чего я вам напишу ее, о чем буду повествовать вам в ней. О ничем... Итак надо сделать что-нибудь из ничего»...

Мы, конечно, весьма скромны, чтобы мечтать написать «что-нибудь из ничего», но, продолжая в раздумьи перелистывать «Журнальную вещину», мы нечаянно попали на «Несколько слов о Современнике»; пробежав строчку за строчкой, у нас явилось желание воспользоваться ими. Во-первых — они хорошо выражают наше настроение и мнение, — с другой, — за дав-

ностью они многими забыты, а большинству наверное, неизвестны. Сохраняя текст, мы позволим себе вставить в него современные имена.

«Давно уже было известно, что знаменитый поэт наш Валерий Яковлевич Брюсов, вознамерился издавать журнал; наконец, первая книжка этого журнала уже и вышла, многие ее даже прочли, но, несмотря на то, у нас, в Москве, этот журнал истинная новость, новость дня, новость животрепещущая; в этом смысле, то, что хотим мы сказать о нем, будет настоящим известием. Дело в том, что у нас, в Москве, очень трудно достать «Временник» за какие бы то не было деньги, несмотря на многие требования и нетерпение публики»...

«Временник есть явление важное и любопытное, сколько по знаменитости имени его редактора, столько и от надежд возлагаемых на него одною частью публики, и страха, ощущаемого от него другою частью публики»...

«Признаемся, мы не думали, чтобы «Временник» мог иметь большой успех, т.-е. нравственное влияние на публику... По нашему мнению журнал должен быть чем-то живым и деятельным; а может ли быть особенная живость в журнале»...

«Мы чувствуем, что иные с улыбкой удовольствия скажут: «посмотрим, как его тут отделили», а иные с улыбкой недоверчивости и презрения: «посмотрим, как тут грызутся». Но мы очень рады обмануть ожидания тех и других и доказать фактом, что не все предсказания сбываются, и что в нашем журнале высказываются мнения не о лицах, а о сочинениях».

Редакция ставит своей основной задачей художественность, но художественность «всех направлений»; а это и делает журнал без всякого направления. Всяк молодец пишет на свой образец. При таких условиях трудно, конечно, требовать от журнала «нравственного влияния на читателя».

Во главе всех выступает убравшийся за границу К. Бальмонт, который гордо заявлял, что здесь, в России, он не может творить. Кровавая действительность, созданная большевиками, сбывает его музу и не дает ей свободно унести в светлые края. Теперь он, как пророк грядущих дней, выступает с «Предвозвещеньем» и гордо распевает «Песни рабочего молота» Но кто же ему поверит? Рабочий? Никогда! Интеллигент — его сомнение возьмет за сердце тоже. Уж не была ли то первая и последняя песнь перед отъездом.

Дальше выступает В. Брюсов. Стихи его известны всем. Его «Инвектива» сделана ровно, гладко, с подъемом, но так, как все это предначертано в его же книге «Наука о стихе», рецензия о которой помещена у нас в одной из предыдущих книжек.

Современному журналу, особенно чисто-литературному, нельзя, конечно, быть без пролетарских поэтов.

И вот, М. Герасимов в своем «Октябре», «сгребает лунною лопатой с мундира неба ордена», а «ковшом медведицы черпает счастье Вольного Труда».

А В. Александровский, разлюбив «тихий шорох листвы зеленой и травы», собирается «впитаться пиважкой в муть Москвы». Почему в муть и пиважкой автор таинственно умалчивает.

С олимпийским священным спокойствием выступает В. Иванов со своими «Зимними сонетами». Они интересны и по замыслу и по выполнению, они прелестны по своей простоте, но их лик — «с устами сжатыми вдовство», скажем мы словами самого автора.

За то неподржаем и великолепен Маяковский. Есть над чем отдохнуть некоторым уставшим. Большой он и веселый. Но за то он и дорого стоит Советской России, что ни слово, а иногда и буква, то 27 рублей по тарифу.

Вот характерные и самые дорогие строчки:

Теперь
Мир
в небе
а после
с неба
Я—
Я—
тоже тут
конечно
то
Но и то
все ему
и они с
сюда
чтоб
Все
Это

Впрочем, стоит ли дорожить нашими бумажками, которые кетати аннулируются в скором времени, и когда

15000000 — мастера этой поэмы имя.

Скучен и стар по теме рассказ А. Шухина «Венеция». Интересен с бытовой точки зрения рассказ Б. Пильняка «При дверях». Но он большой, интеллигентский; как будто новый по обстановке, но старый, престарелый по своей теме, с пьянством, цинизмом, с «кровожадным зверем», бросающимся на женщину, которая нежно отвечает: «ну зачем пачкаться руками. Пойдем лучше на кровать». Веет не то Арпыбашевым, не то Сологубом.

Есть в журнале интересная статья А. Луначарского «Литература и революция», но она очень схематична, с размахом, но без выполнения.

«Философские» мысли П. Кузько-Музина отдают самым настоящим эс-эзовским мирозерпанием. Эти мысли порою безграмотны и странно, как они вообще попали в печать.

В. Брюсов пытается говорить о пролетарской поэзии и пролетарской культуре, но безнадежно скучно. Основная мысль его статьи такова: «Новая культура всегда являлась синтезом нового со старым, с основными началами той культуры, на смену которой она приходит». Всякий сознательный пролетарий понимает, что эту мысль недокажешь не только на трех страницах, но и в целой книге. А злые языки утверждают еще, что В. Брюсов коммунист.

В заключение скучная, прескучная библиография, заполненная В. Брюсовым и И. Аксе-новым о Пушкине, Верхарне и т. д.

Словом, одним ненужным и скучным журналом стало больше.

П. Руднопл.

„ПРОЛЕТАРСКАЯ КУЛЬТУРА“.

Орган Центрального Комитета Всероссийского Совета Пролеткульта.

№ 1. 1918 г. Июль. От редакции.—Под знамя „Пролеткульта“. *В. Полянский.*—„Пролеткульт“—орган пролет. самостоятельности. *В. Керженцев.*—Пролетариат и творчество. *Ф. Калинин.*—Что такое пролетарская поэзия? *А. Богданов.*—О репертуаре рабочего театра. *В. Богуневский.*—К созыву Всеросс. конфер. к.-пр. раб. орг. *Орган. Бюро.*—Хроника „Пролеткульта“. *Ст. Кривцов.*—Библиография: „Красный огонек“. *Е. Х.*—„Пламя“. „Творчество“. *А. О.*—„Грядущее“. *П. Л.*

№ 2. Июль. Национализм и социализм. *В. Полянский.*—Наша критика. Ст. 1-ая. *А. Богданов.*—Рабочий клуб. *Ф. Калинин.*—Идеал воспитания. *А. Богданов.*—К созыву Всеросс. конф. прол. к.-пр. организаций. Тезисы докладов: Революция и культурные задачи пролетариата. *В. Полянский.*—Наука и рабочий класс. *А. Богданов.*—Пролетариат и искусство. *А. Луначарский.*—Идеалы социалистического воспитания. *Н. Ульянова (Н. Крупская).*—Железный мессия. *В. Кириллов.*—Похороны. *А. Поморский.*—Чудеса работы. *А. Гастев.*—Хроника „Пролеткульта“. Втор. конф. Петрогр. „Пролеткульта“. *П. Л.*—В провинции. *Ст. Кривцов.*—Библиография: Литерат. Альманах. *В. П.*—*К. Тимирязев.* Красное Знамя. *А. О.*—Известия Москов. Пролет. Ун-та. *С. Д.*

№ 3. Август. Мотивы рабочей поэзии. *В. Полянский.*—Наша критика. Ст. 2-ая. *А. Богданов.*—Кружковая работа. *Ст. Кривцов.*—Классовый театр. *К. Калинин.*—К созыву Всеросс. конф. прол. к.-пр. организаций. Тезисы докладов: Пролетарский клуб. *Ст. Кривцов.*—Норма представительства и план работ конференции. *Орган. Бюро.*—Хроника „Пролеткульта“. В провинции. *Ст. Кривцов.*—Библиография: *А. Богданов.* „Красная Звезда“ и „Инженер Мэнни“. *С. Д.*—*Ж. Тьерсо.* Празднества и песни французской революции. *Т. Р.*—Две рецензии. *А. О.*—От редакции.

№ 4. Сентябрь. Тов. Н. Ленин. *В. Полянский.*—Методы труда и методы познания. *А. Богданов.*—Путь пролетарской критики и поэзия. *А. Гастев.* *Ф. Калинин.*—Труд воспитательный и труд производительный в новой школе. *В. Полянский.*—Чем должен быть рабочий клуб. *Н. Крупская.*—Всероссийский Союз рабочих писателей. *В. Игнатов.*—К созыву Всеросс. конф. прол. к.-пр. организаций. Тезисы докладов: Рабочая кооперация и пролетарское культурное строительство. *Н. Василевский.*—Завод весенний. Песня о железе. Стихи. *М. Герасимов.*—Хроника Пролеткульта: Московский „Пролеткульт“. Отчет. В провинции. *Ст. Кривцов.*—Библиография: „Грядущее“. *П. Л.*—„Пламя“. *А. О.*—„Литерат. Прилож.“, № 1. *В. Г.*—„Творчество“. *А. О.*—*В. Кириллов.* Стихотворения. *П. Л.*—*В. Фриче.* Пролетарская поэзия. *В. Г.*

№ 5. Ноябрь. Год пролетарской диктатуры. *В. Полянский.*—Идеология производства. *Ф. Калинин.*—Пролетарский университет. *А. Богданов.*—Организация литературного творчества. *В. Керженцев.*—Первая Всероссийская конфер. пролет. культ.-просвет. организаций. *В. Кунавин.*—Резолюции конференции. Хроника „Пролеткульта“. В провинции. *Ст. Кривцов.*—Библиография: „Горн“. *В. Полянский.*—„В буре и пламени“. *В. П.-ий.*—„Венчальные ризы“. *А. О.*—„Из дневника детского сада“. *Е. Херсонская.*—„Горнило“. *В. Г.*—„Грядущая культура“. *П. Л.*

№ 6. 1919 г. Февраль. Международная революция и пролетарская культура. *В. Керженцев.*—Об идеологии. *Ф. Калинин.*—Очередные вопросы. *В. Полянский.*—Методы работы „Пролеткульта“. *В. Керженцев.*—Теория и практика. *Т. Седелников.*—План организации „Пролеткульта“.—Предметы. Стих. *М. Рубинштейн.*—Хроника „Пролеткульта“. В провинции. *Ст. Кривцов.*—Пролетарские культ.-просв. организации.—Библиография: „Пролетарский сборник“. *В. Полянский.*—„Вестник жизни“. *В. Кунавин.*—„Грядущая культура“. *П. Л.*—„Завод огнекрылый“. *А. О.*—*С. Малашкин.* „Мускулы“. *А. О.*—*С. Есенин.* Преображение. *В. Г.*—*П. Орешин.* „Красная Русь“. *В. Г.*—*С. Срединский.* „Основы газетного дела“. *М. М.*—„Зарево Заводов“. *В. Полянский.*—„Мир и человек“. *П. Л.*

№ 7-8. Апрель-май. Пролеткульт и советская культурная работа. *А. Луначарский.*—Наши задачи и пути. *В. Полянский.*—Очерки организационной науки. *А. Богданов.*—О профессионализме рабочих в искусстве. *Ф. Калинин.*—О профессионализме. *В. Плетнев.*—Коллективное творчество в театре. *В. Керженцев.*—О футуризме. *Ф. Калинин.*—Поэзия советской провинции. *В. Полянский.*—„Жрецам искусства“. Стих. *В. Кириллов.*—Авиаторы. Расск. *А. Шляпников.*—Примерный устав клуба „Пролеткульта“. Всеросс. Сов. Пролеткульта. Хроника „Пролеткульта“. В провинции.—Инструкторские курсы. *Ст. Кривцов.*—Конференции.—Отчеты.—Библиография: *А. Сидоров.* „Революция и искусство“. *С. Д.*—*К. Залевский.*—„Искусство и пролетариат“. *Ст. Кривцов.*—Грошик. Рассказы. *П. Рудокон.*—*В. Игнатов.* „Свадебное вечеринка“. *П. Рудокон.*—„Гудки“. *В. Г.*—„Наш горн“. *В. П.-ий.*—„Красное утро“. *А. О.*

№ 9-10. Июнь-июль. Пролетарская культура и ее критика. *Ф. Калинин.*—Очерки организационной науки. Ст. 2-я. *А. Богданов.*—Ч. Дарвин и К. Маркс. *К. Тимирязев.*—Познание в свете истории. *В. Полянский.*—Рост Пролеткульта. *О. Райник.*—О тенденциях пролетарской культуры. *А. Гастев.*—О тенденциях пролетарской культуры (ответ Гастеву). *А. Богданов.*—О провинциальных пролетарских университетах. *А. Богданов.*—К закрытию пролетарского университета.—Хроника „Пролеткульта“. В провинции. *О. Райник.*—Отчеты.—Библиография: *М. Герасимов.* „Завод весенний“ и „Цветы под огнем“. *П. Л.*—*В. Александровский.* „Рабочий поселок“ и „Север“. *В. П.-ий.*—*А. Поморский.* „Цветы восстания“. *В. П.-ий.*—„Пролеткульт“. *А. О.*—„Пролеткульт“. *П. Рудокон.*—„Труд и Творчество“. *П. Рудокон.*

№ 11-12. Декабрь. Куда мы идем. В. Полянский.—Начало пролетарской эстетики. А. Луначарский.—Очерки организационной науки. Статья 3-я. А. Богданов.—Пролетаризация науки. М. Смит.—О методах работ в Пролеткультах. Ф. Калинин.—Изучение трудовых процессов. М. Смит.—Кладбище паровозов. Стих. Н. Н. 32 показания. М. Ф.—Хроника „Пролеткульта“. В Пролеткультах. С. С.—Пролеткульт—Красной Армии. Е. О.—Работа Тамбовского Пролеткульта в Красной Армии. В. К.—В провинции. Библиография: Самобытник. „Под Красным Знаменем“. В. Полянский.—К. Лоптин. „Рассвет“. В. П-ий.—Г. Нечаев. „Вечерние песни. В. П-ий.—„Взмахи“. А. О.—В. Попов. Рассказы. А. О.—Н. Тихомиров. „Красный мост“. А. О.—В. Кунов. „Возникновение религии и веры в бога“. П. Л.—Г. Гортер. „Исторический материализм“. П. Л.—А. Богданов и И. Степанов. Курс политической экономии. Т. 2. В. 4. П. Л.

№ 13-14. 1920 г. Январь-март. Ф. И. Калинин.—П. К. Бессалько.—Из воспоминаний о почивших борцах за пролетарскую культуру. А. Луначарский.—Трудовая Армия. В. Полянский. Очерки организационной науки. Ст. 4-ая. А. Богданов.—Две поэзии. В. Полянский.—Простота или утонченность. А. Богданов.—Пути пролетариата в изобразительном искусстве. Б. Арватов.—Борьба за социалистический театр. П. Керженцев.—Трудовая школа в представлении среднего рабочего. Ф. Калинин.—К съезду 2-й Всерос. Конф. Пролеткультов.—Хроника „Пролеткульта“. За границей. Съезды. В провинции. Библиография: И. Садофьев. „Динамо-стихи“. В. Полянский.—П. Бессалько „Алмазы Востока“. В. П-ий. Сборник Рыбинского Пролеткульта. В. П-ий.—В. Фриче. „Пролетарская поэзия“. В. Г.—В. Львов-Рагочевский. „Поэзия новой России“. П. Рудокот.—Э. Вандервельде. Социализм и искусство“. П. Лебедев.—П. Бессалько и Ф. Калинин. „Проблемы пролетарской культуры“.—Ст. Кривоцов.—Пельше. Нравы и искусство французской революции“. Ст. Кривоцов.—Художественная жизнь“. Изобразительное искусство“. П. Рудокот.—В. Брюсов. „Навка о тихе“. О. Брик.

№ 15—16. Апрель-Июль. Памяти К. А. Тимирязева.—О международном Пролеткульте.—Очерки организационной науки. Ст. 5-ая. А. Богданов.—К вопросу об объеме и характере работ Пролеткульта. В. Кунавин.—Самостоятельность или в путях буржуазной культуры. В. Полянский.—Методы пролетарского творчества. А. Богданов.—Англия, как поле пролетарской культуры. Т. Кесли.—Самостоятельное просвещение рабочих Англии. В. Мак-Лейн.—Алексей Гмырев (рабочий поэт). В. Фриче.—К съезду 2-ой Всероссийской Конференции Пролеткультов.—Хроника „Пролеткульта“. За границей. Съезды. В провинции.—Библиография: Ф. Меринг. К. Маркс. „История его жизни“. Пав. Лебедев. В. Фриче. „Новейшая европейская литература. Вып. 1-ый. В. Г.—Степной „Пролетарий“. В. Полянский.—В. Белоцерковский „Смех сквозь слезы“. В. П-ий.—Е. Тарасов. „Стихотворения“. В. П-ий.—Я. Бердников. „Цветы сердца“. В. П-ий.—Н. Рыбацкий. „Па светлый путь“. В. П-ий.—Н. Отсели. „Стихотворения“. А. Кузнецов. „Стихотворения“. В. П-ий.—В. Князев. „Первая книга стихов“. П. Рудокот.—„Кузница“. Журнал пролетарских писателей при Лито Нар. Ком. Просв. А. Богданов.

М VIII - 2556

Государственная
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
в Ленинграде

Издатель —

Государственное Издательство.

Редактор —

Редакционная Коллегия.

Цена 50 рублей.

Указанная на книге цена никем
не может быть повышена.

Вышли из печати:

Памяти Ф. И. Калинина. Сборник статей А. Богданова, А. Коллонтай, А. Луначарского, В. Полянского и Ф. Калинина. Пгг. Цена 100 руб.

А. Богданов. Элементы пролетарской культуры в развитии рабочего класса. М. Цена 20 руб.

Пролетарская поэзия. Сборник статей А. Луначарского, А. Богданова, В. Полянского. Цена 30 руб.

Программы лекций общего курса для студийцев Прометкульта.

Портреты. Ф. И. Калинин. П. К. Бессалько. Цена 5 руб.

Журнал „Пролетарская Культура“ распределяется и продается через
Центропечать и ее отделения.